

Эмма

Автор:

Джейн Остен

Эмма

Джейн Остен

Эмма Вудхаус, красивая, умная и самонадеянная особа, уверена, что замуж не выйдет никогда. Ей веселее и приятнее устраивать личное счастье близких людей, и на это у нее, по ее собственному глубокому убеждению, есть особый дар. Свояк и добрый друг Вудхаусов мистер Найтли не одобряет пристрастий девушки, но Эмма все же берется устроить брак своей новой подруги Харриет Смит и викария мистера Элтона...

Джейн Остин

Эмма

Глава 1

Эмма Вудхаус, красавица, счастливейшая обладательница незаурядного ума и наследница порядочного состояния и уютного дома, казалось, объединяет в себе все лучшие дары земного существования. Почти двадцать один год прожила она на свете, не ведая ни тревог, ни серьезных огорчений.

Младшая из двух дочерей самого любящего и нежного отца, вследствие замужества старшей сестры она с весьма юного возраста стала в отчем доме хозяйкой. Мать ее умерла так давно, что о ней у Эммы сохранились лишь

неясные теплые воспоминания. Место матери в ее жизни заняла гувернантка – такая добрая и преданная, что любовь ее лишь немногим уступала любви родной матери.

Шестнадцать лет провела мисс Тейлор в семействе мистера Вудхауса; она стала для его дочерей скорее не гувернанткой, а подругой и очень любила обеих, но особенно Эмму. Между нею и Эммой установились по-настоящему сестринские отношения. По мягкости характера мисс Тейлор почти ни в чем не ограничивала свою любимицу; и, так как строгость проявлять было ни к чему, гувернантка с воспитанницей жили очень дружно, в атмосфере взаимного обожания; при этом Эмма поступала как ее душе было угодно. Она высоко ставила оценки и суждения мисс Тейлор, но руководствовалась в основном своими собственными.

Для Эммы, в ее положении, опасность таилась в чрезмерной самонадеянности и привычке считать себя выше других. Подобные черты характера грозили омрачить ей существование в будущем. Однако пока угроза была столь призрачна, что заблуждения девушки никто не счел бы недостатками.

И тут случилось несчастье – правда, несчастьем такое событие назвать трудно, однако оно нарушило весь ее прежний уклад. Мисс Тейлор вышла замуж. Эмму впервые кольнула тревога. Ей предстояло потерять любимого друга! В день свадьбы мисс Тейлор девушку терзали мрачные предчувствия. После венчания молодые уехали, и Эмме с отцом предстояло обедать вдвоем, безо всякой надежды на то, что кто-то третий скрасит собой длинный вечер. Батюшка, как обычно, прилег поспать после обеда, а Эмме заняться было нечем – оставалось лишь сидеть и горевать о своей утрате.

Для ее друга сие важное событие не предвещало ничего, кроме счастья. Мистер Уэстон – превосходный человек, обладатель безупречных манер и к тому же легкого нрава; и возраст у него как раз подходящий. Эмма находила некоторое утешение в том, что она самозабвенно, можно сказать, упоенно желала этого брака и всячески способствовала ему; однако счастье подруги омрачило ее существование. Ей будет так недоставать мисс Тейлор – ежедневно и ежечасно! Все шестнадцать лет, которые мисс Тейлор провела в их доме, она была по отношению к воспитаннице просто ангелом доброты – доброты и преданности; она учила ее и была ее неизменной спутницей в играх, начиная с ее, Эммы, пятилетнего возраста; она не жалела сил ради укрепления здоровья и душевного равновесия своей подопечной, нянчилась с нею во время всех ее детских болезней. За это Эмма испытывала по отношению к мисс Тейлор

огромную признательность; но еще трепетные, драгоценнее и нежнее были воспоминания о чудной дружбе последних семи лет, общении «на равной ноге», об отношениях, полных высшей откровенности, которые украшали ее жизнь после замужества Изабеллы, когда они с мисс Тейлор остались вдвоем. Такой подругой и наперсницей, как мисс Тейлор, могут похвастаться немногие: умная, начитанная, покладистая, мягкая, знающая все обычаи семьи, она принимала близко к сердцу все семейные заботы, одновременно потворствуя Эмме во всех ее развлечениях, планах и замыслах. Ей Эмма, не задумываясь, с легкостью поверяла все свои мысли; мисс Тейлор горячо любила ее и не признавала за своей воспитанницей ни одного изъяна.

Как-то она перенесет перемену? Правда, ее подруга будет жить всего в полумиле от них; но Эмма прекрасно сознавала, сколь велико различие между миссис Уэстон «всего в полумиле» и мисс Тейлор в доме; несмотря на все преимущества, полученные по праву рождения и воспитания, Эмма рисковала остаться в интеллектуальном одиночестве. Отца своего она нежно любила, однако он ей не компания. Он не в состоянии стать ее собеседником и наперсником.

Так как мистер Вудхаус женился немолодым, их с дочерью разделяла большая разница в возрасте, подкрепляемая его сложением и привычками: будучи всю жизнь болезненным и мнительным, не упражняя ни ум, ни тело, он казался старше своих лет. И хотя все любили его за добродушие и гостеприимство, он, что называется, не блистал никакими особыми талантами.

С сестрой, которая, выйдя замуж, жила относительно недалеко – Лондон находился всего в шестнадцать милях, – видеться ежедневно было все же затруднительно. Как много унылых, длинных осенних вечеров отделяло Хартфилд от Рождества и очередного визита Изабеллы с мужем и малыми детьми! Лишь с их приездом дом снова наполнится шумом и весельем.

В Хайбери, крупном и многолюдном селении (его с натяжкой даже можно назвать городком), к которому по праву принадлежало поместье Вудхаусов, Хартфилд, несмотря на то, что оно располагалось несколько в стороне, для Эммы не находилось никого равного. Семейство Вудхаус считалось здесь первым по положению. На них смотрели снизу вверх. У Эммы в родных краях было множество знакомых, ибо ее отец привечал всех без исключения; но никто не был в состоянии заменить для нее мисс Тейлор хотя бы на полдня. Да, невеселые ее ждут времена! Эмме оставалось лишь вздыхать и мечтать о несбыточном,

пока не проснется отец и не придется снова притворяться веселой. Его дух нуждался в поддержке. Он был человеком нервным и легко впадал в уныние; он любил всех, к кому привык, и тяжело переносил утраты; он вообще не выносил никаких перемен. А так как замужество мисс Тейлор явилось причиной перемен, оно было ему крайне не по душе. Даже с замужеством старшей дочери мистер Вудхаус до сих пор не смирился и говорил о ней не иначе как с сочувствием, хотя Изабелла вышла замуж исключительно по любви. А теперь его разлучили и с мисс Тейлор! Будучи по натуре эгоистом, он и мысли не допускал о том, что у других могут быть иные, отличные от его собственных, чувства и желания, и склонен был предположить, что мисс Тейлор не только их огорчила своим замужеством, но и сама горько раскаивается в содеянном и что она была бы не в пример счастливее, если бы до конца дней своих оставалась в Хартфилде. Эмма изо всех сил улыбалась и старалась веселой болтовней отвлекать отца от подобных мыслей; но, когда подали чай, он снова не удержался:

– Бедняжка мисс Тейлор! Жаль, что ее с нами нет. Ах, вот бы им с мистером Уэстоном вообще не встречаться!

– Папа, я не могу согласиться с вами; вы прекрасно это знаете. Мистер Уэстон – замечательный человек, милый, добрый; он, несомненно, заслуживает хорошей жены; кроме того, мисс Тейлор куда лучше быть хозяйкой в собственном доме, чем постоянно жить с нами и сносить все мои странности и капризы!

– Собственный дом! Что же в нем хорошего, в собственном-то доме? Наш дом втрое больше. А у тебя, милая, в жизни не было никаких странностей.

– Вы только представьте себе, как часто будем мы ездить к ним в гости и как часто они станут навещать нас! Мы словно и не будем разлучаться! Но начать следует нам. Мы в самом ближайшем времени должны нанести молодоженам первый визит.

– Дорогая моя, как же я пойду? Рэндаллс так далеко отсюда. Я и половины пути не одолею.

– Папа, но никто и не заставляет вас идти пешком! Разумеется, мы отправимся в карете.

– В карете? Джеймс будет против – гонять лошадей ради такой малости! И потом, куда он их поставит, пока мы будем в гостях?

– Папа, их отведут на конюшню к мистеру Уэстону. Ведь мы уже обо всем договорились! Вчера вечером мы подробно обсудили наш визит с мистером Уэстоном. А Джеймс... за него можете не волноваться: в Рэндаллс он всегда поедет с радостью, ведь его дочь служит там горничной. Куда-куда, а в Рэндаллс... Кстати, папочка, это ваша заслуга. Это вы пристроили Ханну на такое хорошее место. Ник-то и не думал о ней, пока вы не вспомнили. Джеймс вам так благодарен!

– Я очень рад, что вовремя вспомнил о ней. Весьма кстати, так как мне не хотелось бы, чтобы бедный Джеймс решил, будто о нем забыли. Уверен, из нее выйдет отличная прислуга. Девушка она воспитанная, учтивая, услужливая. Я о ней весьма высокого мнения. Когда бы я ее ни повстречал, всегда сделает книксен и так вежливо поздоровается; а когда ты вызываешь ее сюда, чтобы повышивать вместе, то она, как я заметил, никогда не хлопает дверью, а тихонько прикрывает ее за собой. Я уверен: из нее выйдет отличная горничная. И мисс Тейлор какая радость – видеть рядом с собой лицо, знакомое по прежней жизни. Знаешь, всякий раз, как Джеймс придет навестить дочь, она будет узнавать о нас. Он сумеет рассказать ей о нашем житье-бытье.

Эмма, не жалея усилий, поддерживала его мысли в новом, счастливом направлении; она надеялась, что игра в триктрак окончательно успокоит батюшку и ей не придется волноваться за его самочувствие. Уже внесли столик для игры, однако немедленно после этого в комнату вошел гость, и карты стали не нужны.

Мистер Найтли, рассудительный тридцатисеми- или тридцативосьмилетний мужчина, не только был старинным и добрым другом дома, но и состоял с Вудхаусами в свойстве, так как приходился мужу Изабеллы старшим братом. Он жил примерно в миле от Хайбери, часто навещал их и всегда был в Хартфилде желанным гостем; на сей раз визит его пришелся особенно кстати, так как он явился прямо из Лондона, от их общей родни. Он отсутствовал несколько дней, вернулся домой совсем недавно и, отобедав, сразу пошел в Хартфилд – порадовать их вестью, что на Бранзуик-сквер все в добром здравии. Он пришел как нельзя более вовремя и на некоторое время целиком занял внимание мистера Вудхауса, на которого благотворно действовали живость и деловитость мистера Найтли; на многочисленные расспросы о «бедняжке Изабелле» и детках

гость отвечал самым похвальным образом. Когда с расспросами было покончено, мистер Вудхаус поспешил поблагодарить дорогого друга:

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Найтли, прийти к нам с вестями в столь поздний час. Боюсь, прогулка вас утомила?

– Вовсе нет, сэр! Стоит чудесная лунная ночь, и к тому же так тепло, что я вынужден держаться подальше от вашего камина – он слишком жарко натоплен.

– Но дорога, должно быть, очень сырая и грязная. Боюсь, как бы вы не простудились!

– Грязная, сэр? Взгляните на мои туфли. На них ни пятнышка!

– Ну, вот это поистине удивительно! Вспомните, дожди шли непрерывно. Пока мы завтракали, лило как из ведра. Я даже хотел, чтобы венчание отложили.

– Кстати... я еще не поздравил вас с радостным событием! Хорошо сознавая, какого рода чувства испытываете вы оба, я не спешил; но, надеюсь, все сошло сносно. Как прошло бракосочетание? Кто больше всех плакал?

– Ах! Бедная мисс Тейлор! Как печально!

– Позвольте вас поправить: бедные мистер и мисс Вудхаус; мисс Тейлор же ни в коем случае нельзя назвать «бедной». Я очень высоко ценю и вас, и Эмму, однако независимость, поверьте, куда ценнее! Как бы там ни было, одному угодить гораздо проще, чем двоим.

– Особенно когда один или одна из этих двоих такое капризное и беспокойное создание! – лукаво заметила Эмма. – Я понимаю, куда вы клоните; не будь здесь батюшки, вы бы выражались яснее.

– Наверное, дорогая моя, так оно и есть, – со вздохом вымолвил мистер Вудхаус. – Боюсь, иногда я бываю очень капризен и несносен.

– Милый папочка! Неужели вы вообразили, будто я или мистер Найтли имеем в виду вас? Ничего подобного! Разумеется, я имела в виду одну лишь себя.

Мистеру Найтли нравится выискивать во мне недостатки, знаете ли, – в шутку, конечно! Мы с ним всегда говорим друг другу все, что думаем.

На самом деле мистер Найтли был одним из тех немногих, кто видел в Эмме Вудхаус недостатки, и единственным человеком, который говорил ей о них; и, несмотря на то, что Эмме его замечания были не слишком-то по душе, она понимала, что отцу ее такие замечания понравятся куда меньше. Мистер Вудхаус и помыслить не мог о том, что кто-то не считает его Эмму совершенством.

– Эмма знает, что я никогда ей не льщу, – сказал мистер Найтли, – но я не собирался никого порицать. Мисс Тейлор привыкла угождать двоим; теперь у нее будет одна забота. Скорее всего, она останется в выигрыше.

Эмма поспешила переменить тему:

– Вы спрашивали, как прошло венчание, и я с радостью вам расскажу, потому что мы все вели себя просто безупречно. Все были пунктуальны, никто не опоздал, все такие нарядные. Никто не проронил ни слезинки, и не было видно ни одного вытянутого лица. О нет! Мы ни на секунду не забывали, что будем жить по соседству, всего за полмили друг от друга. Мы уверены, что будем видеться ежедневно.

– Милая Эмма так стойко переносит утрату, – добавил ее отец. – Но, мистер Найтли, поверьте, для нее замужество бедной мисс Тейлор – большой удар. Вот увидите, она будет скучать по ней больше, чем ей кажется сейчас.

Эмма отвернулась и улыбнулась сквозь слезы.

– По такому товарищу невозможно не скучать, – согласился мистер Найтли. – Мы бы не любили ее столь горячо, сэр, если бы можно было предположить, будто мы легко смиримся с утратой. Однако Эмма осознает все преимущества брака для мисс Тейлор; она понимает, сколь отратно для мисс Тейлор в ее годы обзавестись собственным домом и сколь важно для нее быть уверенной в том, что семья ее надлежащим образом обеспечена. Следовательно, Эмма не может позволить себе сокрушаться о судьбе подруги. Всем друзьям мисс Тейлор стоит порадоваться, что она так удачно вышла замуж.

– Вы позабыли, что у меня есть еще один повод для радости, – сказала Эмма, – причем весьма существенный! Ведь я сама свела их, я, можно сказать, устроила эту свадьбу. Вспомните: я задумала сосватать их еще четыре года назад. И я добилась успеха и доказала всем, что я права, несмотря на то, что многие уверяли, будто мистер Уэстон ни за что не женится вторично. Такой успех способен утешить кого угодно и перевесить все потери.

В ответ на ее слова мистер Найтли лишь покачал головой. Мистер же Вудхаус добродушно заметил:

– Ах, дорогая моя, пожалуйста, не устраивай больше ничьих свадеб и не занимайся предсказаниями. Что бы ты ни сказала, все почему-то сбывается. Умоляю, не надо больше никаких свадеб!

– Папочка, обещаю, что не буду устраивать свадьбы для себя; но я чувствую, что устраивать судьбу других – мое призвание. Веселее и приятнее этого ничего нет на свете! И потом, после такого успеха... Все как один уверяли меня, что мистер Уэстон ни за что не женится во второй раз. О, что вы! Никогда! Мистер Уэстон так долго жил вдовцом, что привык к своему положению; ему даже удобно жить без жены, ведь он постоянно занят: то дела в городе, то гостит здесь у друзей; он желанный гость в любом доме, он всегда весел и бодр... Буквально каждый день его ждет приглашение отобедать или отужинать в гостях. О нет! Конечно, мистер Уэстон больше не женится. Поговаривали даже об обещании не жениться вторично, которое он якобы дал жене, лежащей на смертном одре, а другие – о том, что жениться ему не позволят его сын и зять. Чего только не выдумывали по этому поводу, но я ничему не верила. Четыре года назад мы с мисс Тейлор случайно столкнулись с ним на Бродвей-Лейн. Тут начался дождь, и он стрелой умчался на ферму Митчеллов, чтобы раздобыть для нас два зонтика... и я отринула все сомнения. С того самого часа замыслила я поженить их; и раз мне в этом деле сопутствовал такой успех, то вам, милый папочка, придется смириться с тем, что я не оставляю мысли о сватовстве.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря об «успехе», – заметил мистер Найтли. – Успех предполагает определенные усилия. Вы же потратили четыре года на то, чтобы потихоньку устроить их брак. Нечего сказать, стоящее занятие для ума молодой девицы! Но если, как я сильно подозреваю, ваше так называемое сватовство заключалось лишь в том, что вы в один прекрасный день, когда вам нечем было заняться, сказали себе: «Как было бы хорошо для мисс Тейлор, если бы мистер Уэстон на ней женился!» – и повторяли потом это себе

время от времени, то к чему толковать об успехе? В чем ваша заслуга? Чем тут гордиться? Вы просто удачно предвидели будущее, и более говорить не о чем.

– А разве вам неведома радость оттого, что ваша догадка оказалась удачной? Если нет, мне жаль вас. Я считала вас мудрее, потому что, поверьте мне, чтобы удачно предвидеть будущее, одного везения мало. Для такого рода предчувствий и догадок всегда нужен некий талант. А что касается моего неудачного выражения, к которому вы прицепились, то не знаю, почему я не имею права говорить о своем успехе. Вы тут нарисовали две прелестные картинки, но мне кажется, здесь уместна и третья – нечто среднее между ничегонеделанием и приложением всех сил. Если бы я не поощряла мистера Уэстона чаще приходить к нам, если бы не побуждала его к действию и не сглаживала мелких недоразумений, то, в конце концов, из моего замысла вполне могло ничего не получиться. Полагаю, вы достаточно знакомы с Хартфилдом, чтобы понять это.

– Такого прямого и откровенного человека, как Уэстон, и такую разумную и искреннюю женщину, как мисс Тейлор, вполне можно было предоставить самим себе: они бы и без вас прекрасно ладили. Вмешавшись в их дела, вы, скорее всего, больше испортили себе, чем помогли им.

– Эмма никогда не думает о себе, когда речь заходит о помощи ближним, – вмешался мистер Вудхаус, который понял смысл их разговора лишь отчасти. – Но, милая моя, пообещай, что не станешь больше устраивать ничьих свадеб! Свадьбы – глупое занятие, и вдобавок они разрушают семейный круг.

– Папочка, еще одну свадьбу я устрою – необходимо устроить судьбу мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Вам он нравится, папа, и я должна подыскать ему жену. В Хайбери нет никого, кто был бы достоин его, а он пробыл у нас уже целый год и так уютно обставил свой домик, что просто позор ему дальше оставаться холостяком. Когда сегодня он соединял руки новобрачных, у него был такой вид, словно он сам хотел, чтобы кто-то совершил над ним этот добрый обряд! Я очень высоко ценю мистера Элтона; устроить же его судьбу – единственный способ оказать ему услугу.

– Мистер Элтон и правда очень славный молодой человек, весьма достойный; я очень его уважаю. Если ты, милая, хочешь выказать ему внимание, то пригласи его как-нибудь к нам отобедать. Так будет куда лучше. Осмелюсь предположить, что и мистеру Найтли приятно будет присоединиться к нам.

– С превеликим удовольствием, сэр, в любое время, – смеясь, подтвердил мистер Найтли. – Совершенно согласен с вами: так будет куда лучше. Пригласите его к обеду, Эмма, угостите его превосходной рыбой и цыпленком, но жену себе пусть он выбирает сам. Поверьте мне, мужчина в возрасте двадцати шести-двадцати семи лет вполне способен сам о себе позаботиться.

Глава 2

Мистер Уэстон был уроженцем Хайбери; он родился в почтенной семье, которая на протяжении последних двух или трех поколений возвысилась, разбогатела и вошла в круг местной знати. Он получил хорошее образование, но, рано унаследовав небольшое состояние, стал пренебрегать обыденными занятиями, в которых преуспели его братья; он нашел применение своему активному, живому уму и общественному нраву, вступив в созданную в ту пору милицию графства.

Капитан Уэстон стал всеобщим любимцем; и, когда, благодаря превратностям военной жизни, он познакомился с мисс Черчилль из знатной йоркширской семьи и мисс Черчилль влюбилась в него, никто не удивился, кроме ее брата и его жены, преисполненных гордыни и спеси. Они никогда не видели жениха и полагали, что подобный брак унизит и оскорбит их.

Однако поскольку мисс Черчилль, совершеннолетняя девица, которая могла сама распоряжаться своим состоянием, хоть и небольшим по сравнению с состоянием других членов семьи, несмотря ни на какие уговоры, не собиралась отказываться от такой партии, то мистер Уэстон женился на ней, нанеся тем самым бесконечную обиду и унизив мистера и миссис Черчилль. Они прекратили с сестрой всякие отношения; внешние приличия, правда, соблюдались. Союз оказался неудачным и несчастливым. Должно быть, миссис Уэстон выиграла больше, ибо у нее был муж, чье мягкое сердце и добрый нрав побуждали его быть бесконечно благодарным жене за любовь; однако характер миссис Уэстон нельзя было назвать совершенным. У нее хватило решимости настоять на своем, невзирая на протесты брата, но не хватало духу не сокрушаться по поводу беспричинного гнева братца и не тосковать по роскоши родительского дома. Они жили на широкую ногу, однако куда им было до Энскума! Мужа она по-прежнему любила, но ей хотелось в одно и то же время быть женою капитана Уэстона и мисс Черчилль из поместья Энскум.

Со временем выяснилось, что капитану Уэстону, который, во многом благодаря стараниям Черчиллей, был убежден, что сделал блестящую партию, пришлось хуже всех. Когда после трех лет совместной жизни его жена скончалась, он оказался беднее, чем был до брака, да к тому же остался с ребенком на руках. Однако от расходов, связанных с ребенком, он вскоре был избавлен. Мальчик стал своего рода искуплением греха матери, и так смягченного тяжестью ее продолжительной болезни; и поскольку у мистера и миссис Черчилль не было ни своих детей, ни иных юных родственников, о которых они могли бы заботиться, то вскоре после кончины миссис Уэстон они предложили принять на себя все заботы по воспитанию Фрэнка. Можно допустить, что овдовевший отец некоторое время колебался и испытывал угрызения совести; но их вскоре пересилили другие соображения. Ребенок вырос, окруженный заботой и богатством Черчиллей, и ему не о чем было беспокоиться, кроме как о собственном благополучии и процветании.

Вдовец понял, что ему пора в корне менять жизнь. Он вышел в отставку и занялся торговлей. Здесь для него были открыты все двери, так как братья его уже преуспели по торговой части в Лондоне. Заботы не слишком обременяли его. В Хайбери у него был домик, где он в основном и коротал часы досуга; следующие восемнадцать или двадцать лет жизни он провел беспечно, деля их между полезным занятием и приятным обществом. К тому времени он преумножил свой капитал – теперь он стал достаточно богат для того, чтобы купить небольшое имение неподалеку от Хайбери, которое он давно мечтал приобрести, и даже для того, чтобы иметь возможность жениться на бесприданнице вроде мисс Тейлор, чтобы жить в полном соответствии с пожеланиями собственной дружелюбной и общительной натуры.

К этому моменту образ мисс Тейлор уже прочно поселился в его мыслях; так как он уже не был пылким юношей, нежные чувства не поколебали его решимости не обзаводиться семьей, покуда он не купит Рэндаллс (хотя четыре года назад о Рэндаллсе он мог лишь мечтать), но он непоколебимо шел своей дорогой, не упуская из виду ни одну из целей, пока ему не удалось осуществить все свои мечты. Он нажил состояние, купил дом и нашел жену; в его жизни начался новый, счастливейший период, какого он не знал доселе. Правда, он и прежде не был несчастлив – от этого его охранял его нрав даже в первом браке, – но второй брак должен был показать ему, как восхитительна может быть здравомыслящая и поистине добрая женщина; кроме того, второй брак, судя по всему, дал ему самое приятное доказательство того, что куда лучше выбирать, чем быть избранным, вызывать благодарность, а не чувствовать ее.

Он мог выбирать себе жену, руководствуясь лишь собственным вкусом; состояние, которое он нажил, было его собственное; что же касается Фрэнка, то подразумевалось, что он воспитывается не просто как дядюшкин наследник: в семействе дяди его, можно сказать, усыновили, и решено было, что, достигнув совершеннолетия, он примет фамилию Черчилль. Посему казалось маловероятным, что Фрэнку когда-либо понадобится поддержка отца. Мистер Уэстон не волновался об участи сына. Тетка его была женщиной властной, своевольной и полностью подчинила своим прихотям мужа; однако в силу своего характера мистер Уэстон просто не в состоянии был себе представить, будто прихоть любого рода может быть настолько сильной, чтобы повлиять на дорогое ему существо – как он полагал, заслуженно дорогое. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне и гордился им; и его добродушные отзывы о сыне как о весьма воспитанном молодом человеке заставляли жителей Хайбери также в некотором роде гордиться своим уроженцем. К нему относились особенно снисходительно именно из-за того, что считали своим, и потому его достижения и достоинства ценили особенно высоко и широко обсуждали.

Мистер Фрэнк Черчилль стал для Хайбери своего рода достопримечательностью: всем не терпелось своими глазами посмотреть на него, хотя его самого, видимо, вовсе не тянуло на родину, ибо он ни разу в жизни – с детства – не был в Хайбери. Частенько поговаривали о том, что он собирается приехать к отцу, однако до сих пор ему все время что-то мешало.

Теперь, когда его отец женился, обитатели Хайбери не без оснований полагали, что сын обязан навестить отца и мачеху. И миссис Перри, попивая чай у миссис и мисс Бейтс, и миссис и мисс Бейтс в гостях у миссис Перри толковали об одном и том же. Настало время Фрэнку Черчиллю появиться в родных местах; надежда увидеть его окрепла, когда стало известно, что он написал мачехе поздравительное письмо по случаю ее бракосочетания с его отцом. Несколько дней кряду приезд Фрэнка становился главной темой для обсуждения во время всех утренних визитов.

– Полагаю, вы слышали о том, какое чудное письмо написал мистер Фрэнк Черчилль миссис Уэстон? Письмо просто восхитительное! Такое милое. Мне кое-что пересказал мистер Вудхаус. Он читал письмо и говорит, что в жизни не видел такого чудесного послания.

Письмо и правда было в высшей степени ценным. Разумеется, у миссис Уэстон сложилось весьма лестное мнение о молодом человеке, написавшем его; и такое похвальное внимание – несомненное доказательство его добрейших намерений; письмо же от него стало тем самым драгоценным недостающим звеном, дополнившим собой и без того обильные и теплые поздравления и пожелания. Миссис Уэстон ощущала себя счастливейшей из женщин; благодаря своему жизненному опыту она еще больше ценила свое счастье. Лишь о разлуке с друзьями приходилось ей сожалеть. Она понимала, как горячо ее любят и как тяжело должны они переживать из-за того, что не могут видеться с ней ежечасно.

Она знала, что временами им очень ее недостает, и не могла без слез вспоминать о том, что с ее отъездом Эмма лишилась единственной отрады, что она часами тоскует, не зная, куда себя девать от скуки, и жаждет ее общества; но у ее милой Эммы сильный характер: она куда легче справляется с трудностями, чем большинство молодых девиц на ее месте. У нее достанет здравого смысла, энергии и силы духа, и можно надеяться, что она с легкостью преодолеет неизбежные препятствия и горести. Кроме того, Рэндаллс отделяет от Хартфилда такое небольшое расстояние, что даже женщина легко может проделать весь путь пешком; весьма отрадно сознавать это. Благодаря же счастливому характеру и обстоятельствам жизни мистера Уэстона можно смело надеяться на то, что и зимой они смогут проводить почти каждый вечер вместе.

Миссис Уэстон, можно сказать, неустанно благодарила судьбу, сведшую ее с мистером Уэстоном, и лишь изредка – и очень недолго – она предавалась сожалениям. Но ее довольный, прямо-таки цветущий вид и бодрость духа так бросались в глаза и были столь уместны, что Эмма, как ни хорошо она знала своего отца, иногда приходила в замешательство: он по-прежнему продолжал жалеть «бедную мисс Тейлор», когда они оставляли ее в Рэндаллсе, в тепле и уюте домашнего очага, или смотрели ей вслед, когда преданный, любящий муж вел ее к собственной карете. Всякий раз после ее ухода мистер Вудхаус неизменно выпускал легкий вздох и присовокуплял:

– Ах, бедняжка мисс Тейлор! Как ей, должно быть, хотелось остаться!

Однако мисс Тейлор ушла безвозвратно; сохранялся и повод сокрушаться о ней. Тем не менее спустя несколько недель мистер Вудхаус испытал некоторое облегчение. Соседи мало-помалу перестали изводить его поздравлениями по поводу столь горестного события; а свадебный пирог, ставший чуть не главной

причиной его расстройства, был съеден без остатка. Желудок мистера Вудхауса не переносил ничего жирного и тяжелого, и он всерьез полагал, что так же обстоит дело и с другими. То, что вредно ему, не полезно и прочим; поэтому он искренне пытался убедить новобрачных вообще отказаться от свадебного пирога, а когда его увещевания пропали втуне, стал серьезно уговаривать гостей не есть его. Он даже взял на себя труд посоветоваться по сему поводу с аптекарем, мистером Перри. Мистер Перри слыл человеком умным и степенным; его частые визиты были отрадой для мистера Вудхауса. Будучи призван к ответу, он не мог не признать, хотя и нехотя, как могло показаться, что свадебный пирог, конечно, кое-кому не пойдет на пользу... от него, можно сказать, один вред, если поедать его неумеренно. Получив такую солидную поддержку, мистер Вудхаус с новыми силами принялся убеждать гостей не прикасаться к пирогу; и, однако же, пирог поедали с удовольствием, и не было покоя великодушному сердцу мистера Вудхауса, пока пирог не доели до последней крошки.

В Хайбери прошел странный слух: будто бы видели, как все маленькие Перри объедались свадебным пирогом миссис Уэстон; но мистер Вудхаус наотрез отказывался верить подобной клевете.

Глава 3

Мистер Вудхаус был общителен – на свой лад. Ему очень нравилось, когда его навещали друзья; и, благодаря тому что он испокон веку жил в Хартфилде, имел добрый нрав, приличное состояние, дом и красавицу дочь, он даже стал своего рода главой собственного маленького кружка. Он не слишком интересовался жизнью семей, не входивших в «его» кружок; он испытывал ужас перед поздними возвращениями и многолюдными зваными обедами и ужинами и потому водил знакомство только с теми, кто соглашался приезжать к нему в гости на его условиях. К счастью для него, в Хайбери, включая Рэндаллс, относящийся к тому же приходу, и в обители мистера Найтли – Донуэлл-Эбби, или аббатстве Донуэлл в соседнем приходе, – все относились к нему с большим пониманием. Довольно часто, уступая настояниям Эммы, он приглашал некоторых лучших и избранных друзей отобедать; однако сам предпочитал видеть гостей за ужином, и, если только он не заявлял, что не в силах принимать никого, редко выдавался вечер, когда бы Эмма не составляла для него партию за карточным столом.

Истинная и давнишняя привязанность приводила в дом к мистеру Вудхаусу Уэстонов и мистера Найтли; кроме того, здесь всегда были рады мистеру Элтону. Человек он был молодой, жил по соседству один; одиночество претило мистеру Вудхаусу, и потому мистер Элтон в любой день, когда решался сменить унылое одиночество на изысканное и приятное общество, мог рассчитывать на гостеприимство мистера Вудхауса и его очаровательной дочери.

Кроме этого, так сказать, первого круга гостей был и другой, более широкий, из которых самыми желанными гостями были миссис и мисс Бейтс и миссис Годдард, три дамы, которых в Хартфилде почти всегда ждал теплый прием; за ними часто посылали карету, а после ужина отвозили их домой; при этом мистер Вудхаус не считал такую услугу в тягость ни Джеймсу, ни лошадям. Посылай он карету раз в год, он не уставал бы сокрушаться.

Миссис Бейтс, вдова бывшего приходского священника Хайбери, – почтенная старушка, для которой пребывание в гостях сводилось уже почти только к двум вещам: чаю и кадрили. Они с дочерью жили очень скромно, но при этом были окружены всеобщей любовью и уважением, невзирая на стесненные обстоятельства. Как ни странно, дочь ее, несмотря на то, что она не могла похвастаться ни молодостью, ни красотой, ни богатством, ни мужем (она была не замужем), любили все соседи. Казалось бы, мисс Бейтс была приговорена во мнении света, так как не обладала ничем, что привлекало бы к ней людей; не блистала она и особым умом, благодаря которому ее предыдущие недостатки некоторым образом искуплялись бы или внушали невольное уважение тем, кто мог ее ненавидеть. Но и красотой, и умом мисс Бейтс природа тоже обделила. Юность ее пролетела незаметно, а зрелые годы проходили в хлопотах и заботах о стареющей матушке и стараниях хоть как-то свести концы с концами. И тем не менее она была счастлива; вдобавок окружающие отзывались о ней не иначе как с почтением. Вот какое чудо сотворили ее безграничное добродушие и покладистость характера. Она любила всех соседей, живо интересовалась их делами и преувеличивала их достоинства; себя почитала счастливейшим созданием, и, живя одним домом с обожающей ее матушкой, окруженная столь превосходными соседями и друзьями, считала, что ей нечего больше желать. Ее простота и бодрость характера, покладистость и отзывчивость находили путь к сердцу всех ее знакомых и были источником счастья для нее самой. Она часами могла говорить о пустяках – эту черту особенно ценил в ней мистер Вудхаус; рассуждения и безобидные сплетни просто лились из нее потоком.

Миссис Годдард заведовала пансионом – не просто какой-то школой для девочек, не новомодным учебным заведением, которое, прикрываясь цветистыми фразами, применяло в воспитании юношества последние достижения вольнодумной мысли и новые методы образования (в них юные девицы за огромную плату лишались здоровья и приучались к тщеславию), нет, она руководила настоящим, честным, старомодным английским пансионом, в котором по сходной цене предлагался разумный набор занятий и куда родители без опаски ссылали дочерей, будучи уверенными в том, что девочки получат какие-никакие знания и, вернувшись домой, не станут презирать родителей за «отсталость». Пансион миссис Годдард пользовался – и вполне заслуженно – доброй славой; к тому же климат в Хайбери считался целебным для здоровья; под пансион был отведен просторный дом с садом, кормили воспитанниц обильно, летом позволяли бегать и играть, сколько им заблагорассудится, а зимой хозяйка собственноручно лечила их от обморожения. Ничего нет удивительного в том, что теперь за нею в церковь следовали двадцать пар молодых девиц. Она была женщиной доброй, по-матерински заботливой; в юности ей пришлось напряженно работать, и теперь она считала, что иногда вполне вправе устроить себе выходной и отправиться в гости выпить чайку. Будучи многим обязанной в прошлом доброте мистера Вудхауса, она почитала за особую честь когда только возможно покидать свою уютную гостиную, увешанную образчиками рукоделия, и проводить вечер за карточной игрой у камина со стариком Вудхаусом, то выигрывая, то проигрывая несколько шестипенсовиков.

Вот каких гостей Эмма находила возможным собирать у себя в доме чаще всего; она радовалась их визитам главным образом из-за отца, ибо для нее ни одна из перечисленных дам не могла сравниться с миссис Уэстон. Ей приятно было видеть довольство батюшки и еще приятнее от сознания того, что она так ловко все устраивает; однако тихая скука, исходящая от трех почтенных женщин, невольно наводила на мысли о том, сколько еще таких томительных длинных вечеров предстоит ей пережить...

Как-то утром, когда она сидела, привычно ожидая гостей и очередного тоскливого вечера, от миссис Годдард принесли записку, в которой та в самых почтительных выражениях осведомлялась, нельзя ли привести с собой мисс Смит; просьба пришлась как нельзя кстати. Мисс Смит, очень хорошенькая семнадцатилетняя девушка, была знакома Эмме лишь шапочно, и она давно хотела лично познакомиться с нею. Эмма ответила весьма изысканно составленным приглашением, и вечер больше не страшил очаровательную хозяйку Хартфилда.

Харриет Смит была чьей-то внебрачной дочерью. Несколько лет назад некто, оставшийся неизвестным, поместил ее в пансион миссис Годдард, а впоследствии она была переведена в разряд пансионерки, постоянно живущей в семье хозяйки пансиона. Вот и все, что было о ней известно. Близких друзей у нее не было, но в Хайбери ее принимали повсеместно; вот и теперь она только что вернулась из деревни, где гостила у своих однокашниц по пансиону.

Красота Харриет Смит относилась к тому типу, который особенно привлекал Эмму. Блондинка невысокого роста, румяная, голубоглазая, с точеными чертами лица и ласковой улыбкой. Еще до конца вечера Эмма была очарована и манерами мисс Смит, и ее внешностью и преисполнилась решимости продолжать знакомство.

Судя по репликам мисс Смит, умом она не блистала, однако Эмма ее нашла весьма интересной особой – она напрочь была лишена неловкости и стеснительности, качеств, столь тягостных при первом знакомстве; она держалась просто и открыто, но в то же время ненавязчиво. И потом, она выказывала такую трогательную признательность за то, что ее пригласили в Хартфилд, и так безыскусно восторгалась великолепием обстановки, каждой вещью, настолько превосходящей то, к чему она привыкла, что Эмма нашла новую знакомую не лишенной здравого смысла и решила, что она заслуживает всяческого поощрения. Ее следует возвысить. Кроткие голубые глазки и вся природная прелесть мисс Смит не должны впустую растрачиваться на низшие слои общества Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые она уже успела завязать, не делают ей чести. Вот, например, те друзья, у которых она недавно гостила, – люди в своем роде порядочные; однако знакомство с ними, несомненно, ей вредит. Эмма наслышана была о семействе по фамилии Мартин, так как они арендовали большую ферму у мистера Найтли. Жили они в приходе Донуэлл, что делало им честь, как полагала Эмма, так как знала, что мистер Найтли о них весьма высокого мнения. Но они, скорее всего, люди грубые, неотесанные и совершенно не подходят в знакомые девушке, которой до совершенства недостает самой малости – учености и изысканности. Вот ей-то, Эмме, и следует обратить на это внимание, заняться воспитанием мисс Смит, она отдалит ее от прежних, неподходящих знакомых и введет ее в хорошее общество; она сформирует ее вкусы, суждения и манеры. Дело обещало быть интересным и, несомненно, добрым; такое занятие в высшей степени подходило Эмме, учитывая ее собственное положение, а также избыток свободного времени и сил.

Она столь самозабвенно восхищалась этими ласковыми голубыми глазками, говорила и слушала, строя между делом в голове различные планы, что вечер пролетел незаметно; и общий ужин, которым всегда завершались подобные вечера – обыкновенно она терпеливо просиживала за столом положенное время, молчала и кивала, – был уже подан и накрыт, и, прежде чем она успела распорядиться, стол придвинули поближе к камину. С живостью, несколько даже превосходящей ее обычное гостеприимство, – хотя ее, как и любую хозяйку, радовало славословие друзей по поводу ее внимания и расторопности, – преисполненная новыми мыслями, распоряжалась она за столом, хлопотала и окружала всех лаской и заботой, настойчиво угощая гостей котлетами из цыплят и морских гребешков. Ей было известно, что такое внимание польстит самолюбию благовоспитанных соседей, которые привыкли рано уезжать домой и ложиться спать.

Чувства бедного мистера Вудхауса, как всегда в подобных случаях, подвергались суровому испытанию. Он, разумеется, был хлебосольным хозяином, потому что так было принято в годы его молодости; однако, будучи убежден во вредности ужина, он не без жалости взирал на каждое новое подаваемое кушанье; и, в то время как долг хозяина призывал его угощать гостей, забота об их здоровье заставляла его с сожалением смотреть на то, как они едят.

Он бы еще смирился, если бы гости ели овсяную кашу-размазню, мисочка которой стояла перед ним самим; однако при виде того, как гости уплетали всякие вкусности, он испытывал поистине адские мучения!

– Миссис Бейтс, – говорил он, – позвольте предложить вам яичко. Не бойтесь, одно яйцо всмятку не повредит организму. Сэрль варит яйца всмятку, как никто. Я бы не рискнул предлагать вам яйцо, сваренное другим, но вам бояться нет нужды – видите, яйца очень мелкие. Одно маленькое яичко вам не повредит. Мисс Бейтс, позвольте Эмма положит вам чуточку пирога – буквально крошечный кусочек. Мы всегда подаем пироги с яблоками, причем с сырыми. Можете не опасаться, что в пироге попадется какое-нибудь старое варенье. Заварной крем? Нет, не рекомендую. Миссис Годдард, позвольте я налью вам вина – всего полрюмки. Даже меньше половины, а потом долью водой. Думаю, вам это не повредит.

Эмма не возражала отцу, но потчевала гостей куда более сытными яствами; нынешним вечером ей было особенно приятно доставить им удовольствие. В ее

намерения входило порадовать мисс Смит; она вполне преуспела в этом. Мисс Вудхаус считалась в Хайбери столь выдающейся личностью, что перспектива быть ей представленной внушала молодой девушке столько же ужаса, сколько и радости, однако из гостей юная, скромная девушка уходила преисполненной величайшего удовольствия: мисс Вудхаус не только держалась с ней весь вечер чрезвычайно приветливо, но и на прощание – подумать только! – обменялась с ней рукопожатиями!

Глава 4

Вскоре Харриет Смит стала в Хартфилде своим человеком. Эмма не привыкла терять время даром и потому постоянно приглашала новую знакомую в гости, всячески поощряла и велела заходить почаще; и чем дальше, тем больше радовалась новой крепнущей дружбе. Эмма почти сразу поняла, насколько полезна может оказаться Харриет в качестве спутницы в ее пеших прогулках. Потеря миссис Уэстон в этом отношении прежде казалась ей невозполнимой. Отец ее никогда не выходил за пределы парка; тропинка, обсаженная с двух сторон кустарником, подходила ему и для долгой, и для короткой прогулки, в зависимости от времени года; поэтому, с тех пор как мисс Тейлор вышла замуж Эмма редко покидала Хартфилд. Однажды она рискнула одна пойти пешком в Рэндаллс, однако прогулка не доставила ей радости; а с Харриет Смит можно пойти куда угодно – еще один повод радоваться новой дружбе. Словом, чем ближе Эмма знакомилась с Харриет, тем больше одобряла ее и тем сильнее утверждалась в своих добрых побуждениях.

Конечно, Харриет умом не блистала, но зато она обладала мягким, податливым и отзывчивым характером; кроме того, самонадеянность и тщеславие были ей чужды; ей недоставало лишь руководства со стороны более сильной натуры. Она сразу доверчиво выказала Эмме свою привязанность; а ее склонность к хорошему обществу и переимчивость доказывали, что она, пусть даже бессознательно, обладает хорошим вкусом. Словом, Эмма почти уверилась в том, что нашла в Харриет идеальную подругу. Разумеется, о такой дружбе, какая соединяла ее с миссис Уэстон, и речи не было – второй такой не найти. Но второй такой подруги, как миссис Уэстон, Эмма и не хотела. Нет, тут было нечто совершенно иное; новая дружба укрепляла ее независимость. Миссис Уэстон была объектом обожания и почитания; Эмма не могла не видеть всех ее достоинств и была ей бесконечно благодарна. Харриет же можно любить как

человека, которому нужна ее помощь. Для миссис Уэстон она не могла сделать ничего; Харриет же была чистым листом.

Эмма начала с попытки выяснить, кто были родители Харриет; однако этого девушка сказать не могла. Она охотно говорила на любую тему, но о своем происхождении ничего не знала. Эмма могла предполагать что ей вздумается, однако невольно подумала: окажись она на месте подруги, уж она бы постаралась выяснить правду. Харриет проницательностью не отличалась. Ей было довольно тех сведений, которые миссис Годдард угодно было ей дать, а дальше она не заглядывала.

Естественным образом их разговоры вертелись часто вокруг миссис Годдард, других преподавателей, соучениц по пансиону и школьных дел. Если бы не дружба с семейством Мартин с фермы Эбби-Милл, то школьными делами и ограничивался бы кругозор Харриет. Однако Мартин занимали значительную часть ее мыслей; она провела у них два счастливых месяца и теперь с удовольствием вспоминала о своей жизни на ферме и описывала все чудеса и удобства быта своих знакомых. Словоохотливость подруги забавляла Эмму – любопытно послушать, как живут за пределами твоего круга; кроме того, она восхищалась наивной восторженностью, с какой Харриет описывала жизнь на ферме. Подумать только, у миссис Мартин целых две гостиные! Две большие, просторные гостиные – одна почти такая же большая, как гостиная у миссис Годдард; а их старшая горничная живет с ними уже двадцать пять лет; у них восемь коров, из них две олдернейской породы, и еще есть одна коровка уэльской породы, такая миленькая коровка, право! А миссис Мартин сказала: раз ей так нравится эта коровка, пусть она зовется ее, Харриет, коровкою; а в саду у них беседка, где они обыкновенно пили чай. Не беседка, а настоящий летний домик – такой славный, право! И просторный – пожалуй, там и дюжине человек не будет тесно.

Некоторое время Эмму забавляли эти истории, и она не вдумывалась в то, что за ними стоит; однако, получше разобравшись в составе семьи, она забеспокоилась. Вначале она была введена в заблуждение, решив, что семья состоит из матери, дочери, сына и его жены, которые живут одной семьей; однако позже выяснилось, что мистер Мартин – герой большинства рассказов, о котором Харриет всегда упоминала с одобрением, отмечая его готовность прийти на помощь, – холостяк. Никакой молодой миссис Мартин, его жены, нет и в помине; радушие и гостеприимство его показались Эмме подозрительными. Ее маленькому другу грозит опасность! Если она вовремя не позаботится о ней,

Харриет может навеки пропасть.

Теперь, когда ее мысли получили новое направление, Эмма засыпала Харриет вопросами и особенно часто наводила ее на разговор о мистере Мартине. Харриет не выказывала неприязни к таким беседам. Она очень охотно говорила о совместных прогулках при луне и невинных домашних развлечениях; и снова Эмма наслушалась вволю о его добродушии и бескорыстии. Однажды он проскакал туда и обратно целых три мили, чтобы привезти Харриет грецких орехов, потому что она призналась, что обожает орехи, – впрочем, он всегда такой любезный и услужливый! Однажды вечером он пригласил к ним в гостиную сына пастуха, чтобы тот ей спел. Она обожает петь. Он немного поет и сам. Харриет считает его очень умным и понятливым. У него славное стадо овец; пока она жила у Мартинов, ему удалось выручить за шерсть больше, чем любому другому фермеру в округе. По ее мнению, все очень хорошо отзываются о мистере Мартине. Его мать и сестры его очень любят. Однажды миссис Мартин сказала ей (при этом личико Харриет зарделось), что лучшего сына и пожелать нельзя, и потому она уверена: женившись, ее сын будет прекрасным мужем. Не то чтобы его матушка хочет, чтобы он женился, нет! Она вовсе не торопит его.

«Браво, миссис Мартин! – подумала Эмма. – Вы знаете, чего хотите».

– А когда я уезжала, миссис Мартин была настолько любезна, что послала миссис Годдард отличного гуся в подарок: миссис Годдард никогда не видела такого жирного. Миссис Годдард запекла гуся в следующее воскресенье и пригласила всех трех учительниц: мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон – на ужин.

– Наверное, мистер Мартин не интересуется ничем, что не связано с его фермой? Он не читает?

– Ах нет... то есть да... не знаю... он, по-моему, много читает... но только совсем не то, что вы могли бы представить. Он читает «Сельскохозяйственные доклады» и некоторые другие книги... они лежат у него на подоконнике... да, и представьте, он их все читает про себя! Но иногда по вечерам, прежде чем мы садились играть в карты, он зачитывал нам вслух кое-что из «Изящных выдержек» – очень интересно! Еще я знаю, что он читал роман «Векфильдский священник» господина Голдсмита. Правда, он не читал ни «Лесного романа» госпожи Радклифф, ни «Детей аббатства», даже не слышал об этих книгах, пока я не упомянула о них, но теперь, узнав о них, он полон решимости достать их и прочесть.

Эмма не замедлила со следующим вопросом:

– Каков из себя мистер Мартин?

– Ах! Он не красив... вовсе не красив. Вначале он показался мне очень простым и некрасивым, однако теперь я не считаю его таким. Знаете ли, когда знакомишься с ним получше, перестаешь замечать, что он некрасив. Вы ведь никогда его не видели? Он иногда приезжает в Хайбери и уж точно проезжает его каждую неделю по пути в Кингстон. Он очень часто проезжал мимо вас.

– Вполне возможно... может, я даже и видела его раз пятьдесят, но и понятия не имела, как его зовут. Молодой фермер, верхом на лошади или пешком – последний человек, способный возбудить мое любопытство. Насколько мне известно, у меня нет ничего общего с сословием йоменов, мелких землевладельцев. Человек, стоящий на одну-две ступени ниже меня по положению в обществе и к тому же обладающий выигрышной внешностью, еще может привлечь мое внимание; я могу чем-то помочь его семье. Но фермер... Мои помощь и содействие ему ни к чему; следовательно, в одном смысле он находится в превосходном положении, во всех же прочих отношениях не стоит моего внимания.

– Разумеется. Ах да, конечно, вряд ли вы когда-либо замечали его... но он знает вас очень хорошо... я имею в виду – внешне.

– Не сомневаюсь, что он вполне достойный молодой человек. Я просто уверена в этом! Я желаю ему всяческих благ. Как по-вашему, сколько ему лет?

– Восьмого июня прошлого года ему исполнилось двадцать четыре года, а мой день рождения – двадцать третьего, представляете, как забавно? Всего через две недели и еще один день!

– Всего двадцать четыре года... Он еще слишком молод, чтобы обзаводиться семьей. Матушка его, безусловно, права, что не торопит сына с женитьбой. Кажется, им и так живется неплохо, и, если бы она взяла на себя труд женить его, в будущем она, возможно, раскаялась бы в этом. Шесть лет спустя он, вероятно, и сумеет подобрать себе хорошую молодую женщину из своего сословия, с небольшим приданым, что будет вполне желательно.

– Шесть лет спустя! Дорогая мисс Вудхаус, да ведь ему тогда будет тридцать лет!

– Что ж, большинство мужчин, у которых нет своего дохода, не могут себе позволить жениться раньше. Как мне представляется, мистеру Мартину только предстоит нажить состояние – здесь он находится в том же положении, что и прочие. Все, что он мог получить после смерти своего отца, все, в чем состоит его доля в семейной собственности, – смею предположить, все это в ходу, помещено в дело, и так далее; следовательно, при надлежащем усердии и везении со временем он может разбогатеть, однако почти невозможно, чтобы он скоро сумел осуществить хоть что-то из намеченного.

– Совершенно верно, так и есть. Но живут они с большим комфортом. У них нет лакея, но, кроме этого, они ни в чем не испытывают нужды. И миссис Мартин говорит, что на следующий год они наймут мальчика.

– Харриет, мне бы не хотелось, чтобы вы попали в неприятную ситуацию, когда он все-таки женится – я имею в виду знакомство с его женой. Хотя его сестрами, получившими прекрасное образование, пренебрегать нельзя, из этого еще не следует, что он не женится на такой особе, с которой вам совершенно не подобает водить дружбу. Из-за несчастных обстоятельств вашего рождения вам следует быть особенно осмотрительной в выборе знакомых. Не может быть никакого сомнения в том, что вы – дочь джентльмена, и вам надлежит всеми силами поддерживать свои притязания, иначе отыщется немало людей, которые найдут удовольствие в том, чтобы унижить вас.

– Да, вы правы... полагаю, так и есть. Но пока я желанная гостья в Хартфилде и вы, мисс Вудхаус, столь добры ко мне, я не боюсь ничьих поношений.

– Харриет, вы очень понятливы и чувствительны; но я собираюсь настолько прочно укоренить вас в хорошем обществе, чтобы вы стали независимы даже от Хартфилда и мисс Вудхаус. Мне хочется, чтобы вы постоянно вращались в высших кругах – и в связи с этим вам необходимо прекратить нежелательные знакомства; следовательно, если вам предстоит жить в наших краях до того времени, когда женится мистер Мартин, я бы не хотела, чтобы вы из-за дружбы с его сестрами были вынуждены поддерживать знакомство с его женой – скорее всего, ею окажется необразованная дочка какого-нибудь простого фермера.

– Разумеется... Да. Не то чтобы я считала, будто мистер Мартин способен жениться на ком угодно... без образования или на плохо воспитанной девушке. И тем не менее я не собираюсь противопоставлять свое мнение вашему – я уверена в том, что не пожелаю водить дружбу с его женой. Я навсегда сохраню к сестрам Мартин чувство величайшего уважения, особенно к Элизабет, и мне будет очень жаль расстаться с ними, потому что они почти так же хорошо образованы, как и я. Но если он женится на какой-нибудь невежественной, вульгарной девице, конечно, я сделаю все возможное, чтобы не приезжать к ней.

Пока подруга изливала душу, Эмма внимательно следила за ней; она не заметила никаких тревожных признаков влюбленности. Молодой человек, несомненно, был ее первым обожателем, однако Эмма полагала, что с другой стороны такой же привязанности не возникло и Харриет легко удастся отвадить от неподходящего знакомства и неподобающих чувств.

На следующий же день, когда они гуляли по Донуэллской дороге, они встретили мистера Мартина. Он шел пешком. Бросив на Эмму весьма почтительный взгляд, он с явным удовольствием улыбнулся ее спутнице. Эмма не жалела, что ей представилась такая возможность увидеть мистера Роберта Мартина; отойдя на несколько ярдов вперед, она, не прекращая разговора, окинула предмет их вчерашней беседы быстрым взглядом. Одет он был чисто, опрятно и с виду похож был на человека разумного, однако никаких иных достоинств она в нем не углядела. Поставь его рядом с джентльменом, подумала Эмма, и он миглом утратит в глазах Харриет все преимущества. Харриет невозможно упрекнуть в нечуткости к хорошим манерам – она неустанно с восхищением твердит об обходительности мистера Вудхауса. Мистер же Мартин выглядел так, словно понятия не имел о хороших манерах.

Харриет проговорила со своим знакомым всего несколько минут, так как мисс Вудхаус нельзя было заставлять ждать; затем она догнала Эмму, сияя улыбкой. Очевидно, подруга пребывала в приподнятом настроении, которое мисс Вудхаус надеялась быстро привести в норму.

– Подумать только, как интересно, что мы встретились! И как странно! По чистой случайности, как он сказал, он не поехал кругом, мимо Рэндаллса. Он даже и не подозревал, что мы ходим этой дорогой. Думал, что мы почти всегда ходим к Рэндаллсу. Он пока не сумел достать «Люби в лесу» – был так занят во время последней поездки в Кингстон, что совсем позабыл о книге, но завтра он едет

туда опять. Не правда ли, как странно, что мы вот так случайно встретились? Скажите же, мисс Вудхаус, таков ли он, каким вы ожидали его увидеть? Что вы о нем думаете? Вы тоже считаете, что он очень некрасив?

– С виду – несомненно. И однако, с лица воды не пить: его внешность ничто по сравнению с полным отсутствием у него тонкости. Впрочем, иного от него я не ждала; однако я и понятия не имела, что он окажется таким грубым, таким приземленным. Признаюсь, я рисовала его себе на одну или две ступени ближе к людям благородным.

– Конечно, – приниженно согласилась Харриет, – он не такой благовоспитанный, как настоящий джентльмен.

– Харриет, у меня есть все основания полагать, что благодаря знакомству с нами вы будете постоянно вращаться в обществе настоящих джентльменов; вы поймете: отличие от них мистера Мартина просто разительно. В Хартфилде вы имели возможность познакомиться с такими высокообразованными и прекрасно воспитанными молодыми людьми, что я была бы удивлена, если бы вы теперь снова могли бывать в обществе мистера Мартина, не воспринимая его как низшее существо по сравнению с вами. Я удивляюсь себе самой: как могла я считать его до сих пор подходящим знакомым для вас? Скажите, разве сейчас у вас не возникло подобного чувства? Отличие бросается в глаза! Я уверена: его неуклюжий вид, неотесанные манеры и грубый голос неприятно поразили вас. Хотя я стояла в отдалении, однако расслышала, что голос у него совершенно немелодичный.

– Конечно, он не похож на мистера Найтли. Он не так изящен, и у него не такая походка, как у мистера Найтли. Разница между ними совершенно очевидна. Да, мистер Найтли такой приятный, милый!

– Мистер Найтли так изыскан, что просто несправедливо сравнивать мистера Мартина с ним. Да даже если взять сотню настоящих джентльменов, то и среди них вряд ли отыщется хоть один, похожий на мистера Найтли. Однако он не единственный джентльмен, с которым вы общаетесь последнее время. Что вы скажете о мистере Уэстоне или мистере Элтоне? Сравните-ка мистера Мартина с кем-нибудь из них. Сравните их манеру держаться, ходить, говорить, молчать. Различие будет явным.

– Ах да! Между ними большая разница. Но мистер Уэстон – почти старик. Должно быть, ему между сорока и пятьюдесятью годами?

– Возраст лишь делает его хорошие манеры более ценными. Чем старше человек, Харриет, тем важнее, чтобы его манеры не были плохими, так как с годами и тембр голоса, и грубость, и неуклюжесть становятся все очевиднее и неприятнее. То, с чем в юноше еще можно смириться, в более пожилом человеке вызывает отвращение. Теперь мистер Мартин неотесан и груб, но что будет с ним, когда он достигнет возраста мистера Уэстона?

– И говорить нечего! – отвечала Харриет довольно уныло.

– Догадаться несложно. Он станет обыкновенным грубым, вульгарным фермером – полностью равнодушным к своему внешнему виду и не думающим ни о чем, кроме прибыли и убытка.

– Неужели? Как это будет печально!

– Вот вам пример того, насколько огрубляют человека его занятия: он забыл справиться о книге, которую вы ему советовали прочесть. Его голова была слишком занята наживой, чтобы вспомнить о чем-то другом. Но чего и ждать от человека, стремящегося разбогатеть? К чему такому книги? У меня нет сомнений, что он непременно преуспеет и в свое время сделается богачом. Но нас с вами его невежество и грубость задевать не должны.

– Странно, что он не вспомнил о книге, – вот все, что ответила Харриет.

Так как слова были сказаны с оттенком грустного неудовольствия, Эмма решила, что пора на этом и закончить. Поэтому она некоторое время молчала. Следующим ее высказыванием было:

– Возможно, в одном отношении манеры мистера Элтона даже превосходят манеры мистера Найтли или мистера Уэстона. В них больше изящества. Их можно спокойно принять за образец. Мистеру Уэстону свойственны излишняя открытость, живость и откровенная прямота, которые в нем не выглядят отталкивающе благодаря его неизменному добродушию. Однако такие манеры не подходят для копирования. Равно как и откровенность, решительность и степенность мистера Найтли – хотя ему самому такие качества соответствуют

как нельзя лучше. Его внешность, лицо и положение словно обязывают его вести себя только так и не иначе. Но вздумай какой-нибудь молодой человек подражать ему, и подобное поведение будет казаться недопустимым. А вот взять за образец мистера Элтона спокойно можно посоветовать любому молодому человеку. Мистер Элтон добродушен, весел, любезен, услужлив и изыщен. Мне кажется, в последнее время он сделался особенно чувствителен. Не знаю, Харриет, не пытается ли он при помощи своей чрезмерной мягкости подольститься к кому-нибудь из нас, но от меня не укрылось, что его манеры сделались мягче, чем обыкновенно. Должно быть, он хочет понравиться вам. Не говорила ли я вам, что он сказал о вас позавчера?

И она с удовольствием передала Харриет какой-то теплый отзыв о ней, услышанный от мистера Элтона; Харриет зарделась и со смущенной улыбкой пролепетала, что всегда очень уважала мистера Элтона.

Именно мистеру Элтону, по замыслу Эммы, суждено было вытеснить из прелестной головки Харриет образ молодого фермера. Эмма решила, что мистер Элтон – превосходная партия для ее подруги. Дело настолько очевидно, что сосватать их вполне возможно, желательно и естественно. Таким благодеянием она потом вправе будет гордиться. Эмме казалось, что гармоничность этого союза ясна всем окружающим. С самого первого вечера появления Харриет в Хартфилде замышляла Эмма устроить ее счастье. Чем дольше Эмма размышляла над своим планом, тем очевиднее ей становилась его целесообразность. Положение мистера Элтона представлялось весьма подходящим: он был благородного происхождения и не имел низких родственников; в то же время он не был выходцем из такой знатной семьи, чтобы счесть Харриет плохой партией из-за сомнительных обстоятельств ее рождения. У него есть для жены уютный дом и, как представлялось Эмме, вполне достаточный доход, ибо, несмотря на то, что приход Хайбери считался небольшим, известно было, что у мистера Элтона имеются некоторые средства. Она отдавала должное его общительности, благонамеренности и респектабельности; кроме того, он не лишен был ума и умел вести себя в обществе.

Начало было положено: Эмма знала, что мистер Элтон восхищается красотой Харриет. Она надеялась, что, благодаря частым встречам в Хартфилде, он укрепит в своем мнении и это станет прочной основой для развития отношений с его стороны; а что касается Харриет – мысль о том, что он отдает ей предпочтение, несомненно, даст толчок ее нежным чувствам. Мистер Элтон и в самом деле очень приятный молодой человек: такой способен без труда

понравиться любой не слишком привередливой женщине. Молодой викарий считался красавчиком; прихожанки были от него без ума. Правда, Эмма не относилась к числу его почитательниц: по ее мнению, ему доставало светской тонкости, изящества, без которых она не могла бы обойтись; но девушку, которая была так благодарна Роберту Мартину за то, что тот съездил ей за орехами, вполне могут покорить восхищенные взоры мистера Элтона.

Глава 5

– Не знаю, миссис Уэстон, – говорил мистер Найтли, – какого вы мнения о дружбе Эммы с Харриет Смит. Мне кажется, это плохо.

– Плохо! Вы действительно так считаете? Но почему?

– Думаю, что такая дружба ни одной из них не идет на пользу.

– Вы удивляете меня! Эмма, несомненно, помогает Харриет – развивает ее, возвышает. Можно сказать, что и Харриет, став новым предметом интереса для Эммы, способна тоже помочь ей... в своем роде. Я наблюдаю за их растущей взаимной привязанностью с величайшим удовольствием. Насколько же по-разному мы с вами относимся к их отношениям! Но отчего вы считаете, что их дружба не идет им обоим на пользу? Знаете, мистер Найтли, тут мы с вами, пожалуй, в очередной раз поссоримся из-за Эммы.

– Может, вы считаете, что я намеренно приехал для того, чтобы искать с вами ссоры, зная, что Уэстона нет дома и что вам предстоит сражаться со мной в одиночку?

– Будь мистер Уэстон дома, он, несомненно, поддержал бы меня, ибо он придерживается по данному вопросу мнения, совершенно сходного с моим. Да мы только вчера говорили с ним об этом и сошлись на том, что это счастье для Эммы, что в Хайбери нашлась девушка, с которой она может общаться. Мистер Найтли, в данном вопросе я не могу считать вас беспристрастным судьей. Вы настолько привыкли жить один, что не понимаете ценности спутника; впрочем, ни один мужчина не может хорошо судить о том, какое удовольствие находит

женщина в обществе представительницы своего пола, привыкнув к этому за всю предыдущую жизнь. Могу вообразить, какие возражения выдвинете вы против Харриет Смит. Она не та девушка из высшего общества, какую Эмме следует выбирать себе в подруги. Но с другой стороны, раз Эмма так жаждет развивать ее, для нее самой появится стимул больше читать. Они будут читать вместе. Я знаю, она хочет именно этого.

– Эмма любит читать с тех самых пор, как ей исполнилось двенадцать лет. В разное время мне доводилось видеть огромное количество составленных ею списков книг, которые она намеревалась регулярно читать от корки до корки. Должен сказать, то были превосходные списки – прекрасный выбор, – и так аккуратно составлены! Иногда по алфавиту, а иногда по какому-то иному принципу. Помню список, составленный ею в возрасте четырнадцати лет – тогда я еще подумал, что такой выбор делает честь ее вкусу, и некоторое время даже хранил этот список у себя. Я могу сказать, что и теперь она, наверное, тоже составила очень хороший список. Однако ожидать от Эммы, что она станет следовать своему плану, не приходится – я давно утратил всякие надежды. Ее никогда не хватало на занятия, требующие усилий и терпения; она предпочитает не трудиться, а быть занятой. Там, где сама мисс Тейлор потерпела поражение, Харриет Смит ничем не поможет – я нисколько в том не сомневаюсь. Помнится, вам ни разу не удалось убедить ее прочесть хотя бы половину из того, что вы хотели. Вы знаете, что я прав.

– Пожалуй, – улыбаясь, заметила миссис Уэстон, – я соглашусь. Но с тех пор, как мы живем раздельно, я не припомню ни одного случая, чтобы Эмма не сделала чего-то из того, что я просила.

– Вряд ли вам по вкусу придется мое желание освежить вашу память, – с чувством произнес мистер Найтли и мгновение-другое молчал. – Но я, – вскоре продолжил он, – к счастью, не подпал под ее очарование: я отчетливо вижу, слышу и помню все. Эмму испортило то, что она самая умная в семье. Уже в десятилетнем возрасте она имела способность без труда отвечать на вопросы, которые ставили в тупик ее семнадцатилетнюю сестру. Эмма всегда отличалась живостью и самоуверенностью; Изабелла же была медлительна и робка. А уж с тех пор, как ей стукнуло двенадцать, Эмма сделалась полноправной хозяйкой в доме и вертит всеми вами как хочет. Лишившись матери, она утратила единственного человека, способного обуздать ее. Она унаследовала одаренность своей матери, поэтому, думаю, мать имела бы на нее влияние.

– Вижу, мистер Найтли, случись мне покинуть дом мистера Вудхауса и искать себе другое место, вы стали бы последним человеком, у кого я просила бы рекомендаций. Не думаю, что вы хоть кому-то замолвили бы за меня словечко. Я уверена: вы всегда считали, что я не подхожу для той должности, какую занимала.

– Да, – подтвердил он с улыбкой, – гораздо лучше вам сейчас; вы очень подходите для роли жены, а вот роль гувернантки – не про вас. Однако, живя в Хартфилде, вы все время подспудно готовились к тому, чтобы стать превосходной женой. Возможно, вы и не дали Эмме образцового образования, чего мы вправе были бы от вас ожидать. Но вы зато учились у нее – и были превосходной ученицей! Об этом свидетельствует нынешнее ваше положение. Вы научились смирять свои порывы и делать то, что должно; попроси меня Уэстон до вашей женитьбы подыскать ему жену, я бы, не колеблясь, назвал имя мисс Тейлор.

– Благодарю вас. Стать хорошей женой для такого человека, как мистер Уэстон, – невелика заслуга!

– Да, по правде говоря, боюсь, что вы растрчиваете силы впустую: приготовившись выносить все тяготы жизни, вы нашли, что переносить-то, собственно, нечего. Однако не следует впадать в отчаяние. Уэстон еще может рассердиться на вас... скажем, за то, что вы живете на широкую ногу; может статься, его сын станет ему досаждать.

– О, смилуйтесь, только не это! Да и вряд ли такое произойдет. Пожалуйста, мистер Найтли, не предсказывайте неприятностей с той стороны.

– На самом деле я ничего не предсказываю. Я просто перечисляю возможности. Я не претендую на лавры Эммы в области предсказаний и догадок. Всем сердцем надеюсь, что молодой человек унаследует достоинства Уэстонов и состояние Черчиллей. Но вот Харриет Смит... она и вполнину не внушает мне таких надежд. Я считаю, что Эмма не могла найти себе подруги хуже. Она совершенно невежественна; на Эмму, которая, по ее мнению, знает все, она взирает снизу вверх. Она льстит Эмме всеми возможными способами; и лесть ее тем вреднее, что она неумышленна. Ее невежество – ежечасная лесть. Как может Эмма вообразить, что ей самой необходимо чему-то учиться, когда в присутствии Харриет она столь остро чувствует свое превосходство? Рискну предположить, что и Харриет тоже не выигрывает от их дружбы. Хартфилд только заставит ее

разочароваться в своих прежних привязанностях. Она станет задирать нос перед людьми, равными ей по положению и жизненным обстоятельствам. Я сильно сомневаюсь в том, что уроки Эммы укрепляют в ней силу духа и способность разумно приспособливаться к изменчивой жизни. Воззрения Эммы могут лишь слегка отлакировать ее.

– А вот я склонна более вас полагаться на здравый смысл Эммы и больше вашего пекусь о ее теперешнем благополучии; и все равно я не вижу в их дружбе ничего плохого. Как дивно она выглядела вчера вечером!

– Ах! Вы скорее согласны говорить о ее внешности, чем о ее уме, да? Очень хорошо! Я даже не попытаюсь отрицать того, что Эмма хорошенькая.

– Хорошенькая! Да она настоящая красавица! Можете ли вы представить существо, ближе ее стоящее к идеалу красоты?

– Не знаю, что я мог бы представить, но, признаю, редко доводилось мне видеть лицо и фигурку более приятные, чем у нее. Но я пристрастен, так как я старый друг.

– Какие глаза – настоящие карие глаза! И такие лучистые! Правильные черты лица, спокойствие и открытость во взгляде... А уж стать – что за прелесть! Цветущий, здоровый вид, и как раз такие, как надо, рост и размер – такая крепкая и ладная фигура. Она так и пышет здоровьем – тому подтверждение не только цветущий вид, но и настроение, посадка головы, взгляд. Иногда слышишь, как про ребенка говорят: «Он воплощение здоровья»; и Эмма всегда наводит меня на мысль о том, что она – воплощение здоровья взрослого человека. Она просто прелесть. Мистер Нйтли, разве вы со мной не согласны?

– Что касается ее внешности, я не нахожу в ней ни малейшего изъяна, – отвечал мистер Нйтли. – Я совершенно согласен с вашим описанием. Мне нравится глядеть на нее; со своей стороны могу добавить, что при всей своей красоте она не тщеславна. Собственная внешность, кажется, мало занимает ее. Ее тщеславие в другом. Миссис Уэстон, вам не удастся переубедить меня. Мне не нравится ее дружба с Харриет Смит, и я опасаюсь, что она принесет им обоим лишь вред.

– А я, мистер Найтли, равным образом твердо убеждена, что никакого вреда не будет. При всех своих маленьких недостатках наша милая Эмма – чудесное создание. Где найдем мы лучшую дочь, добрейшую сестру, преданнейшего друга? Нет-нет! Она обладает такими качествами, на какие можно положиться. Она не способна никому причинить истинный вред; она не совершит по-настоящему серьезного промаха. На один промах Эмма сто раз оказывается права.

– Прекрасно! Не буду вас больше мучить. Ваша Эмма – сущий ангел, а я подожду брюзжать до Рождества, когда приедут Джон и Изабелла. Джон питает к Эмме разумную и, следовательно, не слепую привязанность, а Изабелла всегда придерживается того же мнения, что и ее муж, кроме тех случаев, когда он не поддерживает ее опасений о здоровье детей. Я уверен, они оба будут на моей стороне.

– Знаю, все вы слишком любите ее для того, чтобы несправедливо или недобро судить о ней, но простите меня, мистер Найтли, если я позволю себе – видите ли, я считаю, что обладаю некоторым правом говорить как бы от лица матери Эммы, – так вот, позволю себе намекнуть: не думаю, что имеет смысл без конца твердить о вреде дружбы Эммы с Харриет. Прошу меня простить, но, даже если заподозрить, что их дружба не сулит обеим одних лишь радостей, невозможно ожидать от Эммы, ответственной только перед своим отцом, которому, кстати, Харриет очень нравится, чтобы она прекратила знаться со своей подругой – эта дружба является для нее источником удовольствия. Я так привыкла давать советы что вам, мистер Найтли, не следует удивляться, если я иногда вспоминаю о своей прежней должности.

– Да я вовсе и не удивляюсь! – воскликнул он. – Премного благодарен вам за наставление! Совет очень хорош, и у него будет более счастливая судьба, нежели у большинства даваемых вами советов, ибо я ему последую.

– Миссис Джон Найтли легковозбудима; разговоры о сестре могут ее расстроить.

– Будьте спокойны, – сказал ее собеседник, – я и голоса не подам. Приберегу свое дурное настроение про себя. Эмма вызывает у меня вполне искреннее участие. Даже Изабелла никогда не порождала во мне столь горячего сочувствия, хоть она и стала мне близким человеком. Трудно, наверное, испытывать к кому-либо больший интерес. Судьба Эммы мне небезразлична. Интересно, что с ней станет?

– Мне тоже интересно, – негромко проговорила миссис Уэстон, – очень интересно.

– Она уверяет всех и каждого, будто никогда не выйдет замуж, что, разумеется, совершенно ничего не значит. Просто она, по-моему, до сих пор не встречала мужчину, который стал бы ей небезразличен. Ей бы не помешало по уши влюбиться, найдя, разумеется, достойный объект любви. Хотелось бы мне взглянуть на влюбленную Эмму, которая к тому же не слишком уверена в ответном чувстве; такое испытание пойдет ей на пользу. Но в наших краях нет никого, кто привлек бы ее внимание; к тому же она так редко выезжает из дому.

– Да, действительно, сейчас она настроена весьма решительно, – сказала миссис Уэстон, – и это вполне объяснимо. Пока она мирно и счастливо живет в Хартфилде, я – в том числе и из-за бедного мистера Вудхауса – даже боюсь пожелать ей влюбиться, ведь это состояние чревато столькими трудностями. Нет, сейчас я бы не советовала Эмме вступать в брак, хотя, уверяю вас, я не питаю никакого пренебрежения к этому институту.

Миссис Уэстон говорила много, однако кое-что намеренно утаила. Еще не пришло время открыть некоторые далеко идущие планы, которые она строила совместно с мистером Уэстоном по поводу судьбы своей любимицы. В Рэндаллсе питали кое-какие надежды относительно будущей жизни Эммы, однако раскрывать карты раньше времени было бы нежелательно. Тут и мистер Найтли уже спокойно осведомился: «Что Уэстон думает о погоде, ждать ли дождика?» И миссис Уэстон поняла, что ему больше нечего сказать и никаких подозрений у него не возникло.

Глава 6

Не испытывая ни малейших колебаний, Эмма направляла мысли Харриет в определенное русло; она неустанно хвалила подругу, возвышая ту в собственных глазах; она считала, что преследует благородную цель, кроме того, оказалось, что Харриет сама давно считает мистера Элтона замечательно красивым и любезным мужчиной; поэтому Эмма постоянно напоминала Харриет о том, как мистер Элтон ею восхищается: разумеется, он выражает свои эмоции

не прямо, но намеками... Вскоре она вполне уверилась в том, что необходимо и в Харриет пробудить ответное чувство, как только к этому представится удобный случай. Ей казалось, что мистер Элтон почти готов влюбиться, если уже не влюблен в Харриет. С ним дело, можно сказать, было решенное. Он отзывался о Харриет с такой теплотой, так расхваливал ее, что большего пока нечего было и желать – остальное дополнит время. Он подметил разительную перемену в ее манере держаться с тех пор, как ее приняли в Хартфорде, и такая зоркость была не единственным доказательством его растущей привязанности.

– Вы дали мисс Смит все, что ей требовалось, – говорил он. – Вы сделали ее грациозной и непринужденной. Когда она впервые оказалась в вашем доме, это было просто очаровательное и красивое дитя природы, но, по моему мнению, те достоинства, которые вы ей сообщили, бесконечно ценнее тех, что свойственны ее натуре.

– Я рада, что вы думаете, будто я была ей полезна. Но Харриет нуждалась лишь в огранке и нескольких незначительных намеках. Она сама обладает от природы естественной грацией, милым характером и безыскусностью. Так что мои заслуги невелики.

– Если бы позволительно было спорить с дамой, – не уступал галантный мистер Элтон, – то...

– Возможно, я сообщила немного более решительности ее характеру, приучила ее задумываться над вещами, которые до сих пор не приходили ей в голову.

– Вот именно! Вот что особенно поражает меня. Решительность, именно решительность! Сколь же искусной оказалась учительница!

– Лично мне обучение доставило величайшее удовольствие. Никогда не встречала я столь благодарной ученицы.

– В этом я и не сомневаюсь. – Произнося эти слова, он испустил легкий удовлетворенный вздох; Эмма сочла его настроение несомненным доказательством влюбленности.

Следующий день принес новые радости. Мистер Элтон с большим энтузиазмом поддержал Эмму в ее внезапном желании написать портрет Харриет.

– Харриет, кто-нибудь писал вас? – спросила она. – Вы когда-нибудь позировали для портрета?

Харриет как раз собиралась выйти из комнаты; остановившись на пороге, она с очаровательной наивностью произнесла:

– Ах, боже! Нет, никогда!

Дождавшись, покуда она скроется из виду, Эмма тотчас воскликнула:

– Ее портрет станет поистине бесценным сокровищем! Я бы не пожалела за него никаких денег. У меня просто руки чешутся самой испытать свои способности. Вы, наверное, не знаете, но два или три года назад мной овладела страсть писать портреты; я сделала наброски с нескольких друзей. Все сочли, что в целом мне удалось добиться сходства. Потом я постепенно охладела к этому занятию. Но сейчас... да-да, я уверена, если Харриет станет позировать, я снова рискну испытать свои силы. Какое, должно быть, удовольствие иметь у себя ее портрет!

– Ради всего святого, мисс Вудхаус! – вскричал мистер Элтон. – Напишите портрет! Он в самом деле станет сокровищем! Умоляю, мисс Вудхаус, примените свой восхитительный талант в пользу вашего друга! Разумеется, я видел ваши рисунки. Как могли вы подумать, что я невежествен в сем вопросе? Разве в этой комнате не достаточно образчиков ваших пейзажей и натюрмортов! И разве в гостиной у миссис Уэстон в Рэндаллсе нет нескольких несравненных ваших фигур?

«Да, – подумала Эмма, – добрый человек! Но что общего у фигур и пейзажей с настоящим портретом? Вы, милостивый государь, ничего не смыслите в рисовании. Незачем притворяться, будто мои творения вас восхищают. Приберегите свои восторги для личика Харриет».

– Что ж, мистер Элтон, раз вы столь великодушно одобряете мой замысел, полагаю, мне стоит попробовать. У Харриет изящные, точеные черты лица, что затрудняет достижение портретного сходства; и все же рисунок глаз и линии возле губ столь необычны, что так и тянет запечатлеть это своеобразие на бумаге.

– Совершенно верно – рисунок глаз и линии возле губ! Я нимало не сомневаюсь в вашем успехе. Умоляю, просто умоляю вас попробовать свои силы. Когда вы напишете портрет, он станет, по вашим же собственным словам, бесценным сокровищем.

– Но, мистер Элтон, я боюсь, что Харриет не понравится позировать. Она так мало озабочена собственной внешностью... Вы заметили, как удивила ее моя просьба? Как мило она воскликнула: «Ах нет! Никогда!»

– О, уверяю вас, я все подметил. Ее слова от меня не ускользнули. И все же мне кажется, что ее удастся убедить позировать вам.

Вскоре вернулась Харриет; услышав предложение написать ее портрет, она, не колеблясь, дала свое согласие – к величайшему облегчению двух других участников сцены. Эмма пожелала немедленно приступить к делу и тут же извлекла портфель, в котором хранились наброски к ее прежним портретам (к слову сказать, ни один из них так и не был закончен), чтобы вместе с друзьями выбрать подходящие пропорции и размеры. Она разложила эскизы на столе. За миниатюрой следовал поясной портрет, за ним – портрет в полный рост; рисунки были выполнены в карандаше, пастели, акварели... пересмотрели все по очереди. Эмма всю жизнь стремилась попробовать всё и добилась значительных успехов как в рисовании, так и в музыке – успехов гораздо больших, чем можно было предположить, судя по тому, как мало она затрачивала усилий и на то и на другое. Она играла и пела; рисовала почти в любой технике, однако ей всегда не хватало упорства. Ни в чем не добилась она такой степени совершенства, которой радовалась бы сама и которой, судя по ее задаткам, ей нетрудно было бы достичь. Сама Эмма не слишком обманывалась в отношении своих художественных и музыкальных талантов, однако была не против того, чтобы на сей счет обманывались другие, и не слишком раскаивалась, узнав, что ее репутация музыкантши и художницы зачастую превосходит ее истинные заслуги.

В каждом наброске было свое достоинство – в менее проработанных, пожалуй, больше всего. Писала Эмма бойко. Но, будь ее рисунки гораздо хуже или, скажем, вдесятеро лучше, удовольствие и восхищение двух ее собеседников были бы точно такими же. Оба пришли в полный восторг. Сходство всех поразило: и как это мисс Вудхаус точно все передает!

– Боюсь, для вас здесь выбор небогатый, – вздохнула Эмма. – У меня моделями были лишь члены моей семьи. Вот отец... еще один батюшкин портрет... но он так разволновался от необходимости позировать, что пришлось рисовать его украдкой; поэтому ни один из этих двух портретов не отличается особым сходством. Вот, видите, миссис Уэстон, и снова она, и снова, и опять она. Милая миссис Уэстон! Мой всегдашний добрый друг; что бы я без нее делала? Вот она позировала всегда, когда бы я ее ни попросила. Вот моя сестра. Ее изящная фигурка мне тут удалась, да и лицо, по-моему, похоже. Позируй она дольше, я добилась бы еще большего сходства, но она так торопилась, так хотела, чтобы я нарисовала заодно всех ее детишек, что спокойно не сидела. А вот, полюбуйтесь, это трое из моих племянников! Вот они – Генри, Джон и Белла, по порядку, но, как видите, все портреты похожи, словно писались с одного ребенка. Сестрица так хотела, чтобы я нарисовала их, что я не могла ей отказать, но трех-четырехлетних детишек, знаете ли, не заставишь стоять смирно. Оттого добиться портретного сходства трудновато – все они румянощекие крепыши. Легко рисовать детей с грубыми, резкими чертами лица, но у баловней матерей редко бывают такие черты. А вот и набросок четвертого, он тогда был еще младенцем. Я зарисовала его, пока он спал на софе, и, если заметите, добилась большого сходства. Видите хохолок у него на голове? Он так уютно спит, уткнувшись головой в подушку! Да, вышло очень похоже. Я считаю, что имею право гордиться маленьким Джорджем. И угол софы получился неплохо. А вот моя последняя работа, – она развернула рисунок джентльмена в миниатюре, портрет в полный рост, – последняя и лучшая. Это мой брат, мистер Джон Найтли. Тут до завершения осталось совсем немного, но я была так раздосадована, что отложила его и поклялась, что больше никогда не стану писать портретов. Да и как можно было не рассердиться? После всех моих мучений, когда я уже добилась настоящего сходства – мы с миссис Уэстон сошлись на том, что портрет вышел очень хорош, только он слишком красив, слишком льстит оригиналу и, пожалуй, вот тут, справа, небольшой огрех, – так вот, после всех трудов его жена, а моя дорогая сестра Изабелла холодно заметила: «Да, отдаленное сходство есть, но портрет вышел неудачным и не делает ему чести». А сколько пришлось перед тем уговаривать ее мужа попозировать! Он согласился в виде большого одолжения; словом, всех этих треволнений для меня было слишком. Поэтому я никогда не закончу его – да и зачем? Всякий гость, приходя на Бранзуик-сквер, упрекал бы меня в том, что портрет нехорош. И вот, как я уже говорила, я тогда зареклась писать портреты. Но ради Харриет, точнее, ради меня самой я нарушу свое намерение. Кроме того, в настоящее время вокруг нас не наблюдается, к счастью, ни мужей, ни жен.

Мистера Элтона новый поворот в разговоре необычайно позабавил и порадовал; он беспрестанно повторял:

– Пока, как вы выразились, вокруг нас действительно не наблюдается ни мужей, ни жен. Именно так! Ни мужей, ни жен!

Он повторял эти слова так многозначительно, что Эмма невольно задалась вопросом: а не уйти ли ей и не оставить ли его с Харриет наедине? Но так как она хотела рисовать, то решила, что он потерпит с выражением своих чувств.

Вскоре она определилась с размером портрета и материалом. Она заявила, что намерена писать акварельный портрет в полный рост, такой, как портрет мистера Джона Найтли. Если рисунок выйдет удачным и понравится ей, то займет почетное место на стене над каминной полкой.

Начался сеанс позирования: Харриет краснела, бледнела, улыбалась, боялась шевельнуться – словом, являла собой, на опытный взгляд художницы, очаровательную картинку. Однако продвинуться в работе Эмме казалось почти невозможным, так как у нее за спиной суетился мистер Элтон, восхищаясь каждым сделанным ею маз ком. Она была бы рада, если бы он поместился где-то в отдалении, откуда мог бы любоваться очаровательной натурщицей, не мешая ей работать; в конце концов он так надоел Эмме, что она попросила его перейти куда-нибудь в другое место. Потом ей пришло в голову, что во время сеанса он может занимать их чтением. Если мистер Элтон будет так любезен и почитает им вслух, они будут так ему благодарны! За чтением и ей легче будет преодолевать муки творчества, и мисс Смит невольно позабудет о неудобствах.

Мистер Элтон охотно согласился. Харриет слушала, а Эмма спокойно рисовала. Надо пригласить его приходить почаще – так он сможет присутствовать на сеансах живописи. Какая отрада для влюбленного! Если Эмма хоть на миг откладывала карандаш в сторону, он тут же подскакивал к ней и шумно выражал восхищение скоростью и качеством ее работы. Его присутствие не раздражало Эмму; он уверял ее, будто сходство замечательное, хотя об истинном сходстве говорить было пока рано. Словом, критик из него был никудышный, однако восторженность влюбленного была выше всяческих похвал, да и услужливости ему было не занимать.

Словом, работа над портретом шла успешно; Эмма осталась настолько довольна наброском, сделанным в первый день, что испытывала желание продолжать. С самого начала ей удалось уловить характерные черты оригинала; а так как она намеревалась несколько приукрасить фигуру своей натурщицы – сделать ее повыше и поизящнее, – то она была совершенно уверена в том, что в конце концов у нее выйдет портрет, приятный во всех отношениях, и займет предназначенное ему место, делая честь им обоим, ибо воплотит красоту одной, искусность другой и дружбу обеих. Портрет должен вызвать у мистера Элтона самые приятные ассоциации и укрепить зарождающееся чувство.

Уговорились, что Харриет придет позировать и на следующий день; мистер Элтон, как и следовало ожидать, умолял о разрешении снова присутствовать и читать им.

– Ну разумеется! Непременно! Мы с радостью примем вас в свой кружок.

Назавтра воспоследовал тот же обмен любезностями и учтивостями, тот же успех и удовлетворение, что и накануне. То же сопровождало и последующие сеансы; портрет создавался стремительно и успешно. Все, кто видел рисунок, хвалили его; мистер же Элтон буквально захлебывался от восторга и отрицал любую критику.

– Мисс Вудхаус лишь чуточку приукрасила подругу, – заметила как-то миссис Уэстон, ни на секунду не заподозрив, что обращается к влюбленному. – Выражение глаз передано вернее всего, но у мисс Смит не такие брови и ресницы. И это слегка портит портрет.

– Вы находите? – отвечал он. – Я не могу согласиться с вами. Мне кажется, что каждая черточка просто дышит сходством. Никогда в жизни не видел, чтобы портрет так походил на оригинал! Наверное, стоит принять во внимание игру света и тени.

– Эмма, вы нарисовали ее слишком высокой, – сказал мистер Найтли.

Эмма знала, что он прав, однако не призналась в этом, а мистер Элтон горячо воскликнул:

– О, что вы! Рост совершенно нормальный! Учтите, что она сидит, что, естественно, накладывает отпечаток... короче говоря, точно передает самую суть... а пропорции, знаете ли, надобно сохранить. Пропорции, рисунок в перспективе... да что там говорить! На портрете в точности передан рост мисс Смит. В точности!

– Очень славный портрет, – сказал мистер Вудхаус. – И так премило написано! Как и все твои рисунки, милая. Я не знаю никого, кто так же хорошо рисует, как ты. Но вот что мне не совсем нравится – она у тебя сидит, кажется, на улице, а на плечи у нее наброшена только легкая шаль. Невольно закрадывается мысль, что так и простудиться недолго.

– Дорогой папочка, но ведь предполагается, что на дворе лето, теплый летний день! Посмотрите на то дерево!

– Дорогая моя, сидеть на улице всегда небезопасно.

– Можете говорить что угодно, сэр, – вскричал мистер Элтон, – но я должен признать, что мысль нарисовать мисс Смит на улице я нахожу чрезвычайно удачной; а дерево выписано с такой неповторимой живостью! Любой другой фон значительно проигрывал бы в выразительности. Наивность манер мисс Смит... и вообще... О, это просто восхитительно! Глаз не могу отвести! Никогда не видел подобного сходства.

Затем понадобилось заказать для портрета рамку; и тут возникли некоторые трудности. Обрамить рисунок следовало немедленно; это надо было сделать в Лондоне; заказ необходимо было передать посредством какого-либо умного, понимающего человека, на чей вкус можно положиться. А Изабелле, которая обычно выполняла подобные поручения, претила мысль выбираться из дому в такую туманную декабрьскую погоду. Но как только о неприятности сообщили мистеру Элтону, все тут же и разрешилось. Он галантно поспешил на выручку. Если бы дело поручили ему, с каким бесконечным удовольствием он бы его выполнил! Он в любой момент может выехать в Лондон. Невозможно выразить, как он будет признателен за то, что ему доверят выполнить такое поручение.

– О нет, вы слишком добры! У меня и в мыслях не было так обременять вас! Ни за что на свете не стану отнимать ваше драгоценное время!

Последовали неизбежные в подобных случаях мольбы и уверения, и через несколько минут дело было решено.

Мистеру Элтону предстояло отвезти портрет в Лондон, выбрать раму и дать указания. Эмма взялась так упаковать рисунок, чтобы он доехал до Лондона в целости и сохранности и при этом не слишком обременил мистера Элтона. Он же, напротив, казалось, стремился принять на себя как можно больше трудов.

– Какое бесценное сокровище! – сказал он с нежным вздохом, принимая сверток.

«Даже для влюбленного он слишком слащав, – думала Эмма. – То есть слащав на мой вкус, вполне допускаю, что другие лишь одобряют такое поведение. Он превосходный молодой человек, и именно такой, какой нужен Харриет. «Именно так», как говорит он сам. Но все же он слишком много вздыхает, напускает на себя томный вид и рассыпается в комплиментах. Будь я объектом его страсти, я бы не вынесла такого. Мне и так, хоть я и на второстепенных ролях, достаётся немало вздохов и комплиментов. Но таким способом он выражает мне признательность за свою Харриет».

Глава 7

В тот самый день, когда мистер Элтон уехал в Лондон, Эмме представился новый повод оказать благодеяние подруге. Харриет пришла в Хартфилд, как обычно, вскоре после завтрака; спустя какое-то время она ушла домой, с тем чтобы вернуться к обеду. Она вернулась раньше обычного, крайне взволнованная, с блуждающим взглядом – словом, ее вид предвещал нечто сверхъестественное, чем ей не терпелось поделиться. Ей понадобилось полминуты, чтобы рассказать все. Как только она вернулась в пансион к миссис Годдард, ей сообщили, что час назад заходил мистер Мартин и, не застав ее дома, да особенно на то и не рассчитывая, оставил ей небольшой пакет от одной из своих сестер и ушел; вскрыв пакет, она обнаружила, что в нем, кроме нот двух песенок, которые она давала Элизабет переписать, есть еще письмо, предназначенное для нее. Это письмо было от него – от мистера Мартина – и содержало формальное предложение руки и сердца! Кто бы мог подумать? Она была так удивлена, что не знала, что делать. Да, настоящее предложение! Письмо составлено в весьма учтивых выражениях, по крайней мере, ей так

показалось. А пишет он так, словно в самом деле очень ее любит... но она не знает... и вот она прибежала сюда как можно быстрее спросить совета мисс Вудхаус: что ей теперь делать?

Эмма невольно устыдилась за подругу: ее довольный и смущенный вид и ее сомнения требовали суровой отповеди.

– Ручаюсь, – воскликнула она, – этот молодчик пойдет на все, чтобы добиться своего! Намерен, видите ли, составить себе хорошую партию!

– Вы прочтете письмо? – взмолилась Харриет. – Пожалуйста, прочтите! Я так на вас надеюсь!

Долго уговаривать Эмму не пришлось. Прочитав послание, она задумалась. Стиль превзошел ее ожидания. Не только не было в письме грамматических ошибок, но и составлено оно было так, что не стыдно было бы и джентльмену; письмо было написано хотя и просто, но дышало искренним чувством; деликатность и искренность делали честь его автору. Письмо было кратким, но исполненным здравого смысла, теплоты, свободы, достоинства и даже некоторой утонченности. Эмма некоторое время собиралась с мыслями; а Харриет в этот момент взволнованно ждала ее приговора. Наконец она не выдержала:

– Ну как, хорошее письмо? Не кажется ли вам, что оно слишком кратко?

– Письмо действительно неплохое, – начала Эмма. – Настолько ловко написано, что, принимая во внимание все обстоятельства, я полагаю, что ему, должно быть, помогала одна из его сестер. Я с трудом могу себе представить, чтобы тот молодой человек, который на моих глазах разговаривал с вами, на следующий день мог бы выразить свои мысли так изящно, полагаясь только на собственные силы. И все же стиль письма не женский. Нет, определенно написано слишком сильно и сжато – женщина написала бы многословнее. Несомненно, он человек здравомыслящий и, как я подозреваю, не лишен природного дара, ибо, когда он берет в руки перо, разум естественным образом подсказывает ему нужные слова. Бывают такие мужчины. Да, я понимаю людей такого склада. Энергичный, решительный, способен на чувство до известных пределов, негрубый. Гораздо лучшее письмо, чем я ожидала, возьмите его назад, Харриет.

– Да... – Харриет все еще ждала ответа. – Ну и что же мне делать?

– В каком смысле – что вам делать? Вы имеете в виду с этим письмом?

– Ну да.

– Но в чем вы сомневаетесь? Разумеется, вы должны ответить на него, причем быстро!

– Я понимаю. Но что мне написать? Дорогая мисс Вудхаус, прошу вас, посоветуйте!

– О нет, нет! Будет куда лучше, если вы напишете ответ самостоятельно. Уверена, вы сумеете найти точные выражения. Вам нечего бояться, что вас не поймут, а это самое главное. Вы должны выражаться совершенно недвусмысленно; никаких сомнений или колебаний; уверена, вы сами найдете нужные слова, чтобы мягко, но с достоинством поблагодарить его за честь и посочувствовать невольной причиненной боли. Кто-кто, а вы сумеете намекнуть, как горько вам разочаровывать его.

– Значит, по-вашему, я должна ему отказать? – спросила Харриет, понутив голову.

– Должна отказать! Дорогая моя Харриет, что с вами? Неужели вы сомневаетесь по этому поводу? Я полагала... но прошу меня извинить, может быть, я стала жертвой ошибочного представления. Да, определенно я заблуждалась относительно вас, если вы не уверены в содержании вашего ответа. Я вообразила, будто вы советуетесь со мной лишь по поводу того, как лучше выразиться.

Харриет молчала. Эмма продолжала немного осторожнее:

– Могу ли я истолковать ваши сомнения как признак того, что вы собираетесь принять его предложение?

– Нет-нет! Разумеется, я не собираюсь... Что мне делать? Что бы вы мне посоветовали? Умоляю, дорогая мисс Вудхаус, подскажите мне, что делать!

– Харриет, я не вправе давать вам никаких советов. Не желаю иметь с этим ничего общего. Вы должны заглянуть в свое сердце и определиться со своими чувствами.

– Я и понятия не имела, что так сильно нравлюсь ему, – задумчиво проговорила Харриет, не сводя взгляда с письма.

Какое-то время Эмме удавалось сдерживаться; однако, понимая, насколько подобное письмо может польстить уму ее подружки, она сочла за лучшее добавить:

– Харриет, я завела за правило следующее. Если женщина сомневается, принять ей предложение или отказать, значит, ей определенно следует отказать. Если нет уверенности в том, что нужно ответить «да», значит, нужно решительно сказать «нет». Это не тот случай, когда допустимы колебания и сомнения. Считая себя вашим другом, тем более старшим вас летами, я почитаю за долг сообщить вам свое мнение. Только не думайте, будто я пытаюсь повлиять на вас.

– О нет! Я знаю, вы слишком, слишком добры ко мне... но если бы вы только намекнули, как мне лучше поступить... Нет-нет, я не то имела в виду... Как вы и сказали, для такого необходимо решиться... Колебания тут неуместны... Это очень серьезная вещь... Наверное, безопаснее будет ответить «нет». Как по-вашему, мне стоит отказать ему?

– Ни за что на свете, – сказала Эмма с ласковой улыбкой, – не стала бы я давать вам советы в таком деле. Кто, как не вы сами, лучше других знаете, в чем ваше счастье? Если вы предпочитаете мистера Мартина любому другому, если вы считаете его самым достойным вас человеком, тогда к чему сомнения? Вы краснеете? Вам в голову пришел еще кто-то, подходящий под это определение? Харриет, Харриет! Не обманывайтесь; не позволяйте благодарности и сочувствию сбить вас с пути истинного. Признайтесь, о ком вы сейчас думаете?

Симптомы были благоприятными: вместо ответа, Харриет, стоявшая у камина, смущенно отвернулась. И хотя письмо по-прежнему было у нее, она механически вертела его в руках, почти забыв о нем. Эмма с нетерпением ждала результата, однако не питая больших надежд. Наконец Харриет дрожащим голосом произнесла:

– Мисс Вудхаус, так как вы не поделились со мной своим мнением, я должна поступать так, как считаю нужным. И теперь я определенно решилась... словом, я почти уверена в том, что откажу мистеру Мартину. Вы считаете, я права?

– Совершенно, совершенно правы, дражайшая моя Харриет! Вы поступаете правильно. Пока вы сомневались, я придерживала свое мнение при себе, но теперь, когда вы полностью решились, я, не колеблясь, заявляю, что одобряю вас! Дорогая Харриет, вы чрезвычайно порадовали меня своим решением! Меня чрезвычайно огорчило бы, если бы пришлось разорвать с вами знакомство, что неизбежно случилось бы, выйди вы за мистера Мартина. Покуда у вас сохранялась хоть капля сомнений, я ничего не говорила об этом, потому что не хотела влиять на вас. Но ваше замужество стоило бы мне потери друга. Я не могла бы ездить с визитами к миссис Роберт Мартин на ферму Эбби-Милл. Теперь же я спокойна за вас навсегда.

О подобных последствиях Харриет и не помышляла, и слова Эммы чрезвычайно поразили ее.

– Вы не могли бы приезжать ко мне? – воскликнула она с ошеломленным видом. – Да-да, верно, не могли бы... но мне и в голову не приходило... Это было бы так ужасно! О, теперь я спасена! Дорогая мисс Вудхаус, ни на что на свете я не променяла бы счастье и честь близкой дружбы с вами.

– Действительно, Харриет, я очень страдала бы, лишившись вашей дружбы, однако такова суровая правда. Своим поступком вы перечеркнули бы себе дорогу в хорошее общество. Я должна была бы забыть вас.

– Боже мой! Я бы не вынесла... Да я бы умерла, если бы знала, что никогда больше не переступлю порога Хартфилда!

– Милое дитя! Чтобы такая девушка, как вы, оказалась сосланной на ферму Эбби-Милл! Вы были бы на всю жизнь обречены общаться с необразованными и вульгарными людьми! Меня лишь поражает, как у молодого человека хватило наглости просить вашей руки. Должно быть, он о себе чрезвычайно высокого мнения.

– Я не думаю, что он настолько самодоволен, – робко возразила Харриет, которой совесть не позволяла смириться с такой оценкой. – По крайней мере, он очень

добродушен, и я всегда буду испытывать к нему чувство признательности и уважать его... но ведь это совершенно другое... И потом, хотя я ему, может быть, нравлюсь, отсюда вовсе не следует, что я должна... Кроме того, с тех пор, как я начала ходить к вам, я повстречала немало людей... и если вспомнить их внешность и манеры, тут вовсе не может быть никакого сравнения... Один из них так красив и мил! Однако я все же считаю мистера Мартина очень любезным молодым человеком и высоко ценю его. Он так предан мне и написал такое письмо... но расстаться с вами – нет, на это я не могла бы пойти ни при каких обстоятельствах!

– Спасибо, спасибо, мой дружок! Мы с вами не расстанемся. Женщина не обязана выходить замуж только потому, что мужчина просит ее об этом, или потому, что он ей предан и может написать такое – надо признаться, довольно милое – письмо.

– Ах да! И к тому же письмо довольно короткое.

Эмма понимала, что вкус подруги оставляет желать лучшего, но вслух заметила, что слова Харриет совершенно справедливы и для нее слабым утешением было бы сознавать, что ее муж, чьи неотесанные манеры ежечасно оскорбляли бы ее, способен написать порядочное письмо.

– О да, вот именно! Какое значение имеют письма? Самое главное – быть счастливым в приятной компании. Я твердо решила отказать ему. Но как мне это сделать? В каких выражениях?

Эмма заверила подругу, что трудностей с ответом не возникнет, и посоветовала написать прямо, на что было получено согласие в надежде на ее помощь; и хотя Эмма продолжала упорно уверять, что никакая помощь не потребуется, на деле она буквально продиктовала Харриет ответ. Пока Харриет перечитывала письмо Роберта Мартина, пока обдумывала ответ, сердечко ее снова растаяло, а решимость пропала; и настолько расстроила ее мысль о том, что он будет несчастен, и она так переживала о том, что его сестры и матушка сочтут ее неблагодарной, что Эмме подумалось: явись сейчас сюда молодой человек, и она в конце концов примет его предложение.

Однако ответ был наконец написан, запечатан и отправлен. Дело было закончено, Харриет спасена. Весь вечер она пребывала в унынии, однако Эмма

прекрасно понимала состояние подруги и по мере сил старалась развеселить и отвлечь ее, то уверяя в своей преданности, то напоминая ей о мистере Элтоне.

– Меня больше никогда не пригласят на ферму Эбби-Милл, – вздыхала Харриет.

– Если бы и пригласили, Харриет, голубушка, я бы вас ни за что не отпустила! Вы слишком нужны здесь, в Хартфилде, чтобы понапрасну терять время в Эбби-Милл.

Некоторое время спустя Харриет воскликнула:

– Вот удивилась бы миссис Годдард, узнай она, что случилось! Я уверена, что мисс Нэш удивится... ведь мисс Нэш полагает, что ее сестра очень удачно вышла замуж, а ее зять всего-навсего торговец сукном.

– Харриет, ну какого достоинства или утонченности можно требовать от школьной учительницы? Рискну предположить, что мисс Нэш станет завидовать вам только потому, что вам сделали предложение. Даже такой поклонник в ее глазах выглядит ценным приобретением. Однако она и не догадывается о том, что вам суждено иное. Внимание известной вам особы вряд ли стало уже предметом всеобщего обсуждения в Хайбери. Поэтому я полагаю, что мы с вами единственные, кто понимает значение его взглядов и поведения.

Харриет зарделась, улыбнулась и пролепетала: ей странно, что некоторые так хорошо к ней относятся. Мысль о мистере Элтоне, несомненно, подбодрила ее; но все же спустя некоторое время в ее нежном сердечке вновь загорелась жалость к отвергнутому мистеру Мартину.

– Теперь он получил мое письмо, – тихо сказала она. – Интересно, что они все сейчас делают? Знают ли его сестры? Если он несчастен, они тоже будут несчастны. Я надеюсь, он не очень расстроится.

– Давайте подумаем о тех наших отсутствующих друзьях, кто занят более приятными делами! – воскликнула Эмма. – Может быть, именно сейчас, сию минуту, мистер Элтон показывает картину своей матери и сестрам, рассказывает, насколько оригинал красивее портрета, и после того, как его пять или шесть раз попросят, согласится назвать им ваше имя, столь дорогое его сердцу.

– Мой портрет? Но он ведь оставил его на Бонд-стрит.

– Если бы так! Тогда я ничего не понимаю в характере мистера Элтона. Нет, моя милая скромница, уверяю вас, что рисунок не окажется на Бонд-стрит до завтрашнего утра, когда он оседлает свою лошадь. На сегодняшний вечер ваш портрет – его утешение, его единственная отрада. Портрет поможет мистеру Элтону раскрыть свои намерения перед родней; посредством этого рисунка он как бы вводит вас в их круг, возбуждая в каждом из своих родственников приятнейшие чувства, свойственные человеческой природе: живое любопытство и теплое предрасположение. Как им сейчас весело, как живо они обсуждают предстоящие события, сколько радужных надежд и новых, радостных мыслей зарождается в их головах!

Харриет снова улыбнулась и перестала грустить.

Глава 8

На ночь Харриет осталась в Хартфилде. В последние недели она проводила здесь большую половину своего времени; ей даже отвели собственную спальню; Эмма сочла, что во всех отношениях спокойнее и приятнее будет, сколько возможно, держать ее при себе. На следующее утро Харриет обязана была час или два провести у миссис Годдард, однако потом Эмма ждала ее обратно; в Хартфилде ей предстояло провести, как обычно, несколько дней.

Пока ее не было, зашел мистер Найтли и некоторое время посидел с мистером Вудхаусом и Эммой, пока мистер Вудхаус, который еще раньше вознамерился выйти прогуляться, не уступил настоянию дочери и гостя – оба уговорили его не жертвовать своим намерением во имя гостеприимства – и скрепя сердце, расточая пространные извинения, не покинул их. Мистер Найтли, которого в Хартфилде считали совершенно за своего, в сжатых и резких выражениях преодолел нерешительность хозяина дома.

– Что ж, мистер Найтли, надеюсь, вы меня простите и не сочтете грубияном, если я воспользуюсь советом Эммы и выйду прогуляться на четверть часика. Так как солнце зашло, я полагаю, что в состоянии буду совершить три круга. Я с

вами без церемоний, мистер Найтли. Нам, инвалидам, всегда кажется, будто мы обладаем некими привилегиями.

– Дорогой мой сэр, не делайте из меня чужака.

– Оставляю вам свою дочь – прекрасная замена! Эмма с удовольствием займет вас. Засим вынужден просить у вас прощения и отправляюсь на прогулку: три круга – вот мой зимний обычай.

– Вы не могли бы придумать ничего лучшего, сэр.

– Я бы попросил вас об удовольствии сопровождать меня, мистер Найтли, но я очень медленно хожу и боюсь утомить вас, кроме того, вам ведь еще предстоит долгий обратный путь домой, в Донуэлл.

– Спасибо, сэр, спасибо! Я и сам сию минуту собирался уходить. По-моему, чем скорее вы отправитесь на прогулку, тем лучше. Я подам вам пальто и открою садовую калитку.

Наконец мистер Вудхаус ушел; но мистер Найтли, вместо того чтобы немедленно последовать его примеру, снова сел и, казалось, был расположен еще поболтать. Он завел речь о Харриет, причем отзывался о ней самым благоприятным образом – Эмме еще не доводилось слышать от него похвал в адрес своей подружки.

– Я не в состоянии так, как вы, восхищаться ее красотой, – сказал он, – но она премиленькое создание, да и нрава самого похвального. Ее характер всецело зависит от общества, в котором она вращается; однако не сомневаюсь, что в хороших руках из нее выйдет достойная женщина.

– Я рада, что вы так думаете. Надеюсь, тут и хорошие руки не понадобятся.

– Полно, – возразил он. – Вы напрашиваетесь на комплимент, и потому вот вам: вы улучшили ее. Вы излечили ее от манеры глупо хихикать в ответ на любое замечание; она действительно делает вам честь.

– Благодарю вас. Я бы очень огорчилась, если бы узнала, что оказалась для нее бесполезна; однако мои заслуги в основном остаются незамеченными. Вот вы,

например, нечасто жалуется меня похвалой.

– Значит, вы ждете ее снова сегодня утром?

– Она должна явиться с минуты на минуту. Странно, что ее до сих пор нет.

– Кое-что задержало ее. Возможно, к ней кто-то пришел.

– Как у нас в Хайбери любят почесать языки! Житья нет от этих сплетниц!

– Возможно, Харриет куда благосклоннее вас относится к некоторым особам.

Признавая его правоту, Эмма не стала возражать и промолчала. Он же с улыбкой добавил:

– Я не вправе распространяться о подробностях, однако должен сообщить, что у меня есть все основания полагать: скоро вашей маленькой подружке будет сделано весьма лестное предложение.

– В самом деле? Как так? Какого рода?

– Уверяю вас, весьма серьезного, – заверил он улыбаясь.

– Весьма серьезного! Это не может быть ничто другое, кроме... Кто влюблен в нее? Кто поверяет вам свои тайны?

Эмма была более чем наполовину уверена, что намек обронил мистер Элтон. Мистер Найтли считался в Хайбери кем-то вроде всеобщего друга и советчика; кроме того, она знала, как уважает его мистер Элтон и как считается с его мнением.

– У меня есть все основания полагать, – продолжал он, – что скоро Харриет Смит получит предложение руки и сердца, притом с совершенно неожиданной стороны: от Роберта Мартина. После того как она летом гостила у него на ферме, он совершенно потерял голову. Он отчаянно влюблен и собирается жениться на ней.

– Он очень любезен. – Эмма поджала губы. – Однако уверен ли он в том, что Харриет согласится выйти за него?

– Да будет вам! Ладно, открою вам секрет: он намерен сделать ей предложение. Теперь вы довольны? Пару дней назад, вечером, он заглянул ко мне с целью испросить моего совета по этому поводу. Он знает, что я очень расположен к нему и ко всей его семье, и, полагаю, считает меня одним из своих лучших друзей. Он пришел спросить меня, не слишком ли, по-моему, неблагоприятно ему жениться так рано; не считаю ли я его слишком молодым; короче говоря, одобряю ли я в целом его выбор; возможно, он стал сомневаться с тех пор, как ее, не без вашего участия, начали относить к высшему обществу, точнее, ставить несколько выше его по положению. Я был весьма удовлетворен его словами. Редко встретишь такого здравомыслящего молодого человека, как Роберт Мартин. Он всегда говорит по существу: прямо, открыто и очень взвешенно. Он поведал мне обо всем: о своих теперешних обстоятельствах и о дальнейших планах, а также о том, что они все собираются делать в случае его женитьбы. Он превосходный молодой человек, образцовый сын и брат. Я, не колеблясь, одобрил его намерения. Он доказал мне, что может позволить себе жениться; по-моему, он сделал прекрасный выбор. Я, не жалея слов, расхваливал его избранницу; словом, он ушел от меня совершенно счастливый. Даже если бы прежде он невысоко ценил мое мнение, теперь он, по всей вероятности, преисполнился ко мне уважения и, рискну предположить, покинул мой дом, считая меня своим самым лучшим другом и советником. Он был у меня позавчера вечером. Думаю, что ему не понадобится много времени, чтобы поговорить с дамой своего сердца, а так как вчера он, кажется, в городе не объявлялся, вполне вероятно, что он отправится к миссис Годдард сегодня. Потому-то я и сказал вам, что к ней сегодня, возможно, кое-кто придет – кое-кто, кого она вовсе не сочтет докучным и утомительным.

– Прошу вас, мистер Найтли, скажите, – лукаво попросила Эмма, которая на протяжении почти всей его речи улыбалась про себя, – откуда вам известно, что мистер Мартин не объяснился вчера?

Он удивился:

– Ну конечно, ручаться я не могу, однако же такой вывод сделать нетрудно. Разве не провела она весь вчерашний день с вами?

– Полно, – улыбнулась Эмма, – в ответ на то, что вы мне поведали, я вам тоже кое-что расскажу. Он действительно говорил с нею вчера – точнее, прислал ей письмо – и получил отказ.

Ей пришлось повторить свои слова еще раз, так как мистер Найтли отказывался верить. Получив заверения в том, что так все и было, он вспыхнул и вскочил с места. Пылая негодованием, он заявил:

– Значит, она куда глупее, чем я предполагал! Почему же эта пустышка ему отказала?

– Ах! Разумеется, – возразила Эмма, – мужчине не понять, как девица может отказаться от предложения руки и сердца! Вы, верно, воображаете, будто женщины рады выскочить замуж за кого угодно – хоть за первого встречного!

– Чушь! Ни одному мужчине такое и в голову не придет. Подумать только! Харриет Смит отказала Роберту Мартину! Если она это сделала, она полная дура! Впрочем, по-моему, вы ошибаетесь.

– Я видела ее ответ; яснее и быть не может.

– Вы видели ее ответ! Я понял. Вы его и написали. Эмма, это ваших рук дело! Вы убедили ее отказаться ему.

– Если и убедила (а я далека от утверждения, будто это так), то я отнюдь не считаю, что поступила дурно. Допускаю, что ваш мистер Мартин – порядочный молодой человек, однако я не могу признать его ровней для Харриет; я порядком удивилась, что он вообще осмелился обратиться к ней с подобным предложением. Судя по вашему рассказу, он, кажется, испытывал какие-то сомнения. Жаль, что он не посчитался с ними.

– Он – не ровня для Харриет! – громко и с чувством повторил мистер Найтли и несколько секунд спустя прибавил, посуровев: – Да, он и верно не ровня ей: он настолько же выше ее по разуму, насколько и по положению. Эмма, вас ослепляет ваше увлечение этой девушкой. Да как может Харриет Смит – при ее-то происхождении, характере, воспитании – рассчитывать на более выгодную партию, чем Роберт Мартин? Она – внебрачная дочь неизвестно кого! Скорее всего, бесприданница; знатной родней она тоже похвастаться не может. Про нее

известно только, что она постоянно живет при пансионе. Нельзя ее назвать ни умной, ни образованной. Ее не научили ничему полезному; для того же, чтобы развиваться в нужном направлении самостоятельно, она слишком молода и бесхитростна. В силу возраста у нее не было времени приобрести ценный жизненный опыт; кроме того, маловероятно, чтобы она, со своими куриными мозгами, способна была научиться чему-либо полезному. Она хорошенькая, добродушная девушка, но это все ее достоинства! Мои сомнения насчет этого союза касались исключительно Мартина, так как для него женитьба на Харриет Смит – явный мезальянс. По-моему, он вправе рассчитывать для себя на более выгодную партию; а если он собирался приобрести разумную спутницу жизни и дельную помощницу, он явно просчитался. Однако все мои доводы бесполезны для влюбленного; я склонен был положиться на то, что и вреда от нее не будет, так как он вполне способен облагородить Харриет и вылепить из нее впоследствии хорошую жену. Одобряя его решение, я полагал, что она только выиграет, выйдя за него замуж; и нисколько не сомневался (как не сомневаюсь и сейчас): не найдется человека, не согласного с тем, что ей невероятно повезло. Я уверен был даже в том, что вы будете довольны. Я сразу подумал о вас: вам не придется сожалеть о том, что ваша приятельница покидает Хайбери, ибо вы будете радоваться, что она так хорошо устроена. Помню, я еще сказал себе: «Даже Эмма, при всей ее склонности к Харриет, сочтет, что это хорошая партия».

– Не перестаю вам удивляться. Вы столь мало знаете Эмму, чтобы предположить, что она обрадуется... Как! Счесть фермера (а при всех своих несомненных достоинствах мистер Мартин всего лишь фермер) хорошей партией для моей ближайшей подруги! Не жалеть, что она покидает Хайбери, так как она выходит за человека, с которым я никогда не смогу водить знакомство! Удивляюсь, как такое могло прийти вам в голову! Уверяю вас, я мыслю совершенно по-иному. И ни в коем случае не считаю ваше мнение правильным. Вы предвзято относитесь к Харриет. Однако не сомневаюсь, что найдутся люди, которые, подобно мне, оценят ее по достоинству. Мистер Мартин, возможно, и богаче ее, однако по положению в обществе он находится неизмеримо ниже. Она вращается в ином кругу. Выйдя за него, она скатится вниз.

– Скатится вниз? Незаконнорожденная дурочка скатится вниз, выйдя за уважаемого, умного и благородного фермера!

– Что касается обстоятельств ее рождения, их не следует рассматривать с общепринятой точки зрения, хотя в юридическом смысле она – никто. Она не обязана расплачиваться за грехи своих родителей, опускаясь на уровень ниже тех, с кем она воспитывалась. Вряд ли можно сомневаться и в том, что ее отец джентльмен, притом джентльмен состоятельный. Ей положено весьма щедрое содержание; на ее воспитание и удобства денег не жалеют. Для меня очевидно, что она – дочь джентльмена; насколько мне известно, никто не станет отрицать, что она общается с дочерьми джентльменов. Она неизмеримо выше Роберта Мартина.

– Кем бы ни были ее родители, – не сдавался мистер Найтли, – кто бы ни заботился о ней, отсюда совершенно не следует, что ее попечители собираются ввести ее в то общество, которое вы называете «хорошим». Получив весьма посредственное образование, она осталась на попечении миссис Годдард жить, как умеет, – короче говоря, передана миссис Годдард, обречена знаться с миссис Годдард. Очевидно, ее друзья решили, что этого с нее довольно. И действительно, этого было довольно. Сама она ничего лучшего для себя и не желала. До тех пор, пока вы не избрали ее себе в наперсницы, ей даже и в голову не приходило считать себя выше своего окружения; она не питала никаких тщеславных надежд. Летом она была счастлива на ферме у Мартинов. Тогда у нее не было мыслей о собственном превосходстве. Если же теперь подобные мысли закрались к ней в голову, то винить за это следует вас. Плохую службу вы, Эмма, сослужили Харриет Смит. Роберт Мартин ни за что не осмелился бы зайти так далеко, если бы не был убежден, что он ей не неприятен. Я хорошо его знаю. Если бы речь шла просто об эгоистичном влечении с его стороны, он ни за что не решился бы докучать ей. К тому же он напроць лишен самонадеянности, уж вы мне поверьте. Так что у него были основания предлагать ей руку и сердце. Его к этому поощряли.

Эмма решила, что для нее безопаснее будет не отвечать; она предпочла вернуть разговор в прежнее русло:

– Вы верный друг для мистера Мартина, однако при этом, как я уже говорила, вы крайне несправедливы к Харриет. Почему вы решили, будто она недостойна хорошей партии? Да, умом она не блещет, но здравого смысла у нее больше, чем вам кажется, и она не заслуживает презрения с вашей стороны. Позвольте напомнить вам ваши собственные слова. Допустим, ваше описание справедливо и она всего лишь хорошенькая и добронравная девушка. Однако она не просто хорошенькая! Она настоящая красавица – девяносто девять человек из ста, без

сомнения, признают мою правоту. А мужчины, несмотря на все уверения, почему-то предпочитают красавиц умницам; покамест хорошенькое личико обладает для них большей притягательностью, нежели ум, такая прелестная девушка, как Харриет, может быть уверена во всеобщем восхищении! Следовательно, она имеет право выбирать. Да и ее добросердечие не стоит сбрасывать со счетов. Добавьте к этому ее мягкий, покладистый характер, изящные манеры, очень скромное самомнение и умение довольствоваться малым. Я очень удивлюсь, если большинство представителей вашего пола не оценят такую красоту в сочетании с таким характером и не сочтут их высшей добродетелью, какой может обладать женщина.

– Честное слово, Эмма, когда я слышу, как вы поносите свойственный вам разум, я чуть ли не готов сам согласиться с вами. Лучше быть вовсе без ума, чем так неправильно применять свой разум, как вы.

– Разумеется! – весело воскликнула она. – Я знаю, что именно так вы все и думаете. Я знаю, что такая девушка, как Харриет, составит счастье любого мужчины – ее внешность завораживает, а ум будет льстить его самомнению. Ах! Харриет стоит только пальчиком поманить... Даже для вас она стала бы желанной партией – если бы вы вздумали вдруг жениться. И стоит ли удивляться и осуждать ее – семнадцатилетнюю, только вступающую в жизнь, только начинающую пользоваться известностью, только за то, что она не приняла первое же полученное ею предложение? Нет! Ради бога, дайте ей время оглядеться.

– Я и прежде считал вашу тесную дружбу глупостью, – отвечал на то мистер Найтли, – хотя мысли свои держал при себе. Но теперь я вижу, что дружба эта принесет Харриет несчастье. Вы так напичкаете ее мыслями о ее красоте и о том, на что она имеет право претендовать, что спустя короткое время ей все женихи будут казаться плохими. Тщеславие, не подкрепленное умом, выходит для его обладательницы боком. Юной девице ничего не стоит возомнить себя выше всех; но может статься, воздыхатели не выстроятся в очередь, дабы просить руки мисс Харриет Смит, хотя она и очень хорошенькая девушка. Людям здравомыслящим, что бы вы там ни говорили, жена-дурочка ни к чему. Людям знатным не по душе родниться с девушкой, чье происхождение туманно. А самые щепетильные и осторожные воздыхатели испугаются неудобного и постыдного положения, в каком могут оказаться, если приподнимется завеса над тайной ее рождения. Выйдя же за Роберта Мартина, она обретет покой, уважение и вечное счастье; но, если вы станете поощрять ее выйти замуж за

человека, стоящего выше ее, поучать, чтобы она довольствовалась не меньше чем влиятельным и очень состоятельным человеком, она, возможно, так и проведет всю жизнь в пансионе миссис Годдард, впрочем, нет: такая девушка, как Харриет Смит, рано или поздно выскочит замуж, да только она уже рада будет, если удастся подцепить сына старого учителя чистописания.

– Мы с вами, мистер Найтли, по данному вопросу думаем совершенно по-разному, поэтому дальнейшие разговоры абсолютно неуместны. Мы только будем все сильнее злить друг друга. Но поскольку вы заговорили о том, будто я запретила ей выходить за Роберта Мартина, я должна ответить вам: я ни к чему ее не принуждала. Она сама отказала ему, притом в таких выражениях, что, полагаю, больше он к ней не подступится. И ее решения ничто не изменит, какие бы горести за ним ни последовали; не стану притворяться, будто я вовсе не оказала на нее никакого влияния, но уверяю вас, мне почти ничего не надо было делать. Его внешность и дурные манеры настолько не в его пользу, что даже если когда-либо она и питала к нему симпатию, то теперь с этим покончено. Дерзну предположить: до тех пор, пока она не знала никого другого, она еще выносила его. Он – брат ее подруг и из кожи вон лез, чтобы угодить ей. Бывая в гостях у него на ферме, она просто не видела и не знала никого лучше, потому-то и относилась к нему снисходительно. Поэтому он и решился сделать ей предложение. Но теперь все изменилось. Она познакомилась с настоящими джентльменами, и теперь у неотесанного, грубого фермера нет ни малейшей возможности получить руку Харриет.

– Чушь, самая несусветная чушь из всех, какие мне доводилось слышать! – в сердцах воскликнул мистер Найтли. – Роберт Мартин буквально олицетворение здравого смысла, а его манеры излучают искренность и добродушие – все это говорит в его пользу. В нем куда больше истинного благородства, чем способна понять и оценить Харриет Смит.

Эмма напустила на себя беззаботный вид и промолчала, но на самом деле ей было не по себе: ей очень хотелось, чтобы он ушел. Она не раскаивалась в содеянном. Она считала, что имеет больше прав, чем он, судить о правах женщин и об истинном благородстве, однако она привыкла доверять его суждениям и уважать их, поэтому ее задело то, что он так открыто выступает против нее; его гнев также был очень неприятен. Несколько минут прошли в неловком молчании. Эмма сделала всего одну попытку заговорить о погоде, однако ответа не получила. Он напряженно размышлял о чем-то и в конце концов заявил:

– Для Роберта Мартина потеря невелика – правда, вряд ли он сейчас в состоянии это понять. Надеюсь, вскоре он утешится. Мне неясно какие планы строите вы в отношении Харриет, но, поскольку вы не скрываете своего пристрастия к сватовству, рискну предположить, что и ее вы намерены с кем-то свести, строите планы и плетете сети. Позвольте же на правах друга намекнуть: если вашей целью является Элтон, не трудитесь – ничего не выйдет.

Эмма засмеялась и отрицательно покачала головой. Он продолжал:

– Положитесь на мое слово, с Элтоном ничего не получится. Он в своем роде очень хороший малый, в нашем приходе его все уважают, но он ни в коем случае не женится очертя голову. Ему, впрочем, как и всем остальным, ясны все выгоды солидного дохода. Элтон способен на сентиментальные речи, но действовать будет, повинаясь разуму, а не зову сердца. Ему так же хорошо известно, чего он добивается от жизни, как вам, наверное, известны притязания Харриет. Он знает, что он весьма привлекательный молодой человек; в любом доме он желанный гость и всеобщий любимец; однако в обществе мужчин сдерживаться и притворяться ему ни к чему, и из его слов, произносимых в кругу близких друзей, я понял, что он не намерен продешевить. Как-то я слышал, как он с воодушевлением описывал знакомых своих сестер – некое семейство, в котором есть несколько юных леди; каждая из них является наследницей двадцати тысяч годового дохода.

– Я весьма вам признательна, – заявила Эмма, снова рассмеявшись. – Если бы я действительно замышляла женить мистера Элтона на Харриет, очень мило с вашей стороны было бы открыть мне глаза. Однако в настоящее время я хочу лишь удержать Харриет при себе. Со сватовством покончено раз навсегда! Повторить такой успех, как в Рэндаллсе, мне не удастся. Лучше отстраниться, пока все хорошо.

– Что ж, засим прощайте, – заявил он, вставая, и немедленно ушел.

Он был очень раздосадован. Он понимал, как огорчен и унижен сейчас молодой фермер, и сам испытывал унижение, так как своим одобрением невольно поспособствовал его выбору; а уж роль Эммы во всей этой истории раздражала его чрезвычайно.

Эмма также ощущала досаду, однако, в отличие от мистера Найтли, не вполне понимала ее причины. В отличие от мистера Найтли, она не могла совершенно положиться на себя и не была столь же непоколебимо убеждена в справедливости собственных суждений и в ложности суждений и оценок своего оппонента. Он ушел с сознанием своей правоты, ее же оставил в сомнениях. Пусть все не так плохо, однако исцелить ее от хандры способны были лишь время и Харриет. Почему Харриет так долго не возвращается? Эмме стало не по себе. Что, если молодой человек сегодня самолично явился к миссис Годдард, увиделся с Харриет и склонил ее выйти за него замуж? Эмма разволновалась не на шутку, и, когда наконец появилась Харриет, веселая, беззаботная – ее задержали всякие мелкие дела, – Эмма вздохнула с облегчением и перестала мучиться. Пусть мистер Найтли думает и говорит что хочет, а она не сделала ничего, что не могло бы быть оправданным женской дружбой и женским чувством.

Его слова о мистере Элтоне слегка встревожили Эмму, но потом она успокоила себя: мистер Найтли не в состоянии понять его так же хорошо, как она; кроме того, у мистера Найтли, как бы пренебрежительно ни отзывался он о ее склонности к сватовству, нет ее остроты восприятия; вдобавок он был раздосадован; следовательно, он скорее выдавал желаемое за действительное, чем знал что-то доподлинно. Разумеется, в мужском кругу мистер Элтон держится более непринужденно, чем в ее присутствии; и уж конечно, мистер Элтон не может быть совершенно неосмотрительным и равнодушным к деньгам, наоборот, вполне естественно предположить, что ему не чужд особый интерес к такого рода делам, но мистер Найтли забывает о том, что любовь способна превозмочь любые меркантильные соображения. Самому мистеру Найтли подобные чувства неведомы, а вот ей довелось наблюдать немало подобных примеров, и посему она не сомневается: пылкая страсть способна преодолеть всякие сомнения, вызванные к жизни разумной предосторожностью; а осторожность, превосходящая степень обычную, была, по ее убеждению, несвойственна мистеру Элтону.

При виде радостной, беззаботной Харриет Эмма тоже повеселела: Харриет явно начинает забывать мистера Мартина и жаждет поговорить о мистере Элтоне. Она с величайшим удовольствием передала то, что сообщила ей мисс Нэш. К миссис Годдард пришел мистер Перри, чтобы осмотреть больного ребенка, и мисс Нэш его видела, и он сказал мисс Нэш, что вчера, возвращаясь из Клейтон-парка, он встретил мистера Элтона и, к своему великому удивлению, узнал, что мистер Элтон едет в Лондон и не собирается возвращаться до завтра, хотя вечером они должны были играть в вист, а ведь известно, что прежде он не

пропускал ни одного вечера; мистер Перри пытался пристыдить его: мистеру Элтону, как лучшему игроку, совестно не появляться; он всячески убеждал его отложить поездку всего на день, однако толку от этого не было. Мистер Элтон был исполнен решимости ехать, он сказал очень решительным тоном, что едет по делу, которое ни за что не отложил бы – ни за какие блага мира! И еще что-то о каком-то очень завидном поручении и о том, что он хранит у себя нечто чрезвычайно ценное. Мистер Перри не вполне его понял, но совершенно убежден, что тут не обошлось без дамы, – он так ему и сказал, а мистер Элтон только улыбался и выглядел очень многозначительно. Он ускорил в превосходном настроении. Мисс Нэш передала ей всю историю и еще много чего наговорила про мистера Элтона; и прибавила, глядя на нее со значением, что она не притворяется, будто понимает, какое у него может быть дело, она только знает: кого бы ни предпочел мистер Элтон, ее можно почитать величайшею счастливцею на свете, ибо, вне всякого сомнения, трудно найти второго такого красавца с такими изящными манерами, как мистер Элтон.

Глава 9

Поссорившись с мистером Найтли, Эмма места себе не находила. Он так рассердился на нее, что не показывался в Хартфилде дольше обычного; когда же наконец пришел, его суровый взгляд свидетельствовал о том, что она не прощена. Эмме стало грустно, но она не чувствовала за собой никакой вины. Наоборот, все ее планы и предположения все более и более подтверждались, а события последующих нескольких дней окончательно уверили ее в своей правоте.

Вскоре по возвращении мистер Элтон торжественно вручил ей пресловутый портрет в изящной рамочке. Его повесили над каминной полкой, мистер Элтон встал, чтобы полюбоваться портретом, и от восхищения словно лишился дара речи – он лишь томно вздыхал. Что же касается Харриет, то ее склонность к нему росла день ото дня. Вскоре Эмма вполне успокоилась: о мистере Мартине подруга если и поминала, то только сравнивая его с мистером Элтоном – разумеется, последний превосходил молодого фермера во всех отношениях.

Эмма намеревалась развить своего маленького друга при помощи полезного чтения и бесед, однако им так и не удалось продвинуться дальше нескольких

первых глав и обещаний «продолжить завтра». Куда легче было болтать, чем заниматься, куда приятнее дать волю фантазии и обсуждать будущее Харриет, чем трудиться над пополнением ее образования или внушать ей сухие, скучные факты; единственным же литературным занятием, которое в настоящее время увлекало Харриет, единственной духовной пищей, которую она словно копила впрок, на старость, было собирание всевозможных загадок и шарад, какие ей попадались, и переписывание их в подготовленные Эммой тетрадки в четверть листа, сшитые из глянцевого бумаги, украшенной завитушками и виньетками.

В наш просвещенный век подобные душеспасительные занятия не являются редкостью. Мисс Нэш, старшая учительница в школе миссис Годдард, записала по меньшей мере три сотни загадок; она же подвигла Харриет собирать все загадки; Харриет надеялась с помощью мисс Вудхаус перещеголять свою наставницу. Эмма призвала на помощь вдохновение, память и вкус, и, так как почерк у Харриет был прелестный, ее собрание обещало стать лучшим в своем роде – как по содержанию, так и по форме.

Мистера Вудхауса новое начинание заинтересовало почти так же сильно, как и девушек, и он очень часто пытался вспомнить что-нибудь подходящее к случаю. Во дни его молодости было столько хитроумных загадок – странно, однако, что сейчас он не в состоянии припомнить ни одной! Но он надеется, что постепенно вспомнит. Его попытки всегда заканчивались старой загадкой «Холодная Китти огонь разожгла».

Его большой друг Перри, которому он рассказал о занятии девушек, тоже пока не мог припомнить ни одной загадки, но мистеру Вудхаусу хотелось, чтобы Перри держал уши открытыми: раз он всюду бывает, может, и услышит где что-нибудь подходящее.

Его дочь ни в коей мере не желала, чтобы в собирании загадок участвовали все лучшие умы Хайбери. Она просила помощи у одного мистера Элтона. Его приглашали внести вклад в эту коллекцию шарад и разных головоломок всем, что он только может припомнить; она с удовольствием наблюдала за его усилиями. В то же время от Эммы не ускользнуло, насколько он осторожен – словно опасается, что с его уст сорвется какое-нибудь неуместное выражение, не несущее в себе комплимента прекрасному полу. Очевидно, он очень боялся оскорбить слух присутствующих в гостиной дам. Благодаря ему коллекция пополнилась парой-тройкой загадок самого изысканного свойства; а радость и воодушевление, с какими он наконец вспомнил и довольно слащаво

продекламировал одну хорошо известную шараду, чуть не заставили ее пожалеть о том, что они уже записали ее несколько страниц назад. Вот эта шарада:

Мой первый слог – в кипящем чайнике;

Второй – с китами связан неслучайно.

А вместе – океан, свобода,

Стихия, красота, природа!

– Мистер Элтон, а почему бы вам самому не сочинить для нас шараду? – предложила Эмма. – Для вас ничего не может быть легче, а мы пополним коллекцию безусловно новым экземпляром.

Мистер Элтон стал отнекиваться. Он никогда не писал, вообще никогда в жизни не сочинял ничего подобного. О, в вопросах сочинительства шарад он сущий глупец! Он боится, что даже мисс Вудхаус... (тут он помедлил) или мисс Смит не вдохновят его на такой подвиг.

Однако на следующий же день он принес им плоды своего вдохновения. Он заскочил всего на несколько минут – принес им шараду, которую, по его словам, сочинил один его приятель. Этот приятель посвятил свое произведение некоей молодой даме, предмету его восхищения. Выслушав его сбивчивые объяснения, Эмма тут же поняла, что шараду придумал он сам.

– Я не предлагаю ее в коллекцию мисс Смит, – заявил он. – Поскольку она принадлежит моему другу, я не имею права представлять ее на суд общественности, но, возможно, вам не будет неприятно взглянуть на нее.

Речь его была предназначена более Эмме, нежели Харриет, что Эмма вполне понимала. Он очень стеснялся, и ему легче было встретиться глазами с ней, чем с ее подругой. Вскоре он ушел – впрочем, еще немного помедлил на пороге.

– Возьмите, – сказала Эмма, улыбаясь и подталкивая листок к Харриет. – Это ваше. Возьмите то, что вам принадлежит.

Но Харриет так дрожала, что не смела прикоснуться к листку; и Эмма, никогда не страдавшая от излишней застенчивости, вынуждена была первой изучить его содержимое.

Мисс...

ШАРАДА

Сначала – буквы три, исходят от движенья,

От обода, от колеса, от достижений.

Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком,

О самом сладостном, бесценном и глубоком.

А в целом – высоко предназначенье,

Не каждому дается отношенье

К другим, равно к себе – без сожаленья,

В восторге, радости и в упоенье.

Умом глубоким угадаешь —

В глазах лучистых прочитаю!

Эмма перечла шараду, подумала немного, отгадала, какое слово имеется в виду, снова пробежала глазами шараду, чтобы удостовериться наверняка, а затем передала листок Харриет. Она уселась, радостно улыбаясь, и сказала себе, пока Харриет ломала голову над загадкой, преисполненная надежд и томления: «Недурно, мистер Элтон, очень и очень недурно. Я читывала и худшие шарады. «Возлюбить» – вполне ясный намек. Он делает вам честь. Куда уж яснее? Он вполне недвусмысленно взывает: «Умоляю, мисс Смит, позвольте открыть вам свое сердце. Отнеситесь к моей шараде и к моим намерениям одинаково снисходительно».

«В глазах лучистых прочитаю!»

Вылитая Харриет. Для ее ясных глазок невозможно подобрать лучшего эпитета!

«Умом глубоким отгадаешь...» Хм. Это у Харриет-то – глубокий ум? Что ж, тем лучше. Мужчина должен влюбиться поистине без памяти, чтобы так описывать предмет своих воздыханий. Ах, мистер Найтли! Хотелось бы мне, чтобы вы сейчас присутствовали в нашей гостиной; последние события развеяли бы ваше недоверие. Один раз в жизни вы вынуждены будете признать себя неправым. Честное слово, превосходная шарада! Совершенно исключает всякие двусмысленные толкования. Значит, и объяснение в любви не заставит себя ждать».

Она с неохотой вынуждена была отвлечься от своих в высшей степени приятных размышлений, которые в противном случае грозили вылиться в продолжительные разговоры, поскольку Харриет трепетала от волнения и измучила ее вопросами:

– Какое же тут спрятано слово, мисс Вудхаус? Что это может быть? Совершенно, совершенно не представляю... ни малейшей зацепки... Ах, как трудно! Я понятия не имею... Прошу вас, мисс Вудхаус, попробуйте отгадать! Пожалуйста, помогите мне! Никогда не встречала такой трудной загадки. Что же это такое? Движение? Интересно, кто таков его приятель... и кто эта молодая дама! Как вы думаете, это хорошая шарада? Смысл приличный? Может, он загадал слово «колесо»? «От обода, от колеса, от достижений»! Или, может, это «чувство»? «Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком»... Что же? Вечность? Высота? О нет! В «высоте» целых три слога! Разгадка должна быть очень хитроумной, иначе он не принес бы шараду. Ах, мисс Вудхаус, как вы думаете, доберемся ли мы когда-нибудь до ее сути?

– Вечность и высота? Чушь! Моя милая Харриет, о чем вы? Какой смысл приносить нам шараду, якобы сочиненную другом, если отгадка – «колесо» или «высота»? Дайте сюда листок и слушайте внимательно. «Мисс...» – читайте: «Мисс Смит». «Сначала – буквы три, исходят от движенья, / От обода, от колеса, от достижений». Это – «воз». «Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком, / О самом сладостном, бесценном и глубоком». Это – «любить». Только и всего! Ну а теперь – самое главное: «А в целом («возлюбить», понимаете!) – высоко предназначенье, / Не каждому дается отношение / К другим, равно к себе – без сожаленья (возлюбить ближнего, как самого себя!) / В восторге, радости и упоенье». Какой изысканный комплимент! Но за ним еще следует предложение; думаю, милая Харриет, вам не составит большого труда разъяснить себе его

смысл. Прочтите еще раз и успокойтесь. Нет никаких сомнений в том, что шарада написана о вас и для вас.

Харриет не пришлось долго убеждать в столь приятном для нее открытии. Она перечла заключительные строчки, вспыхнула и счастливо потупилась. Говорить она не могла – от избытка чувств. Однако ей говорить и не требовалось. За нее говорила Эмма.

– Значение этой шарady настолько ясно и недвусмысленно, – увлеченно продолжала она, – что у меня нет ни малейших сомнений относительно намерений мистера Элтона. Предмет его воздыханий – вы! Надеюсь, вскоре вы получите полнейшее доказательство его чувств. Да, вероятнее всего, так и будет. Мне казалось, что говорить о чем-то определенном несколько преждевременно; однако теперь у меня исчезли последние сомнения. Состояние его настолько же ясно и определенно, как и мое желание благополучного завершения этой истории, которое я питаю с тех самых пор, как узнала вас. Да, Харриет, с самых первых дней нашего знакомства я желаю, чтобы произошло то, что, несомненно, вскоре случится. Не скажу, какой мнится мне ваша взаимная склонность с мистером Элтоном – более желаемой или более естественной. Вероятность и законность такого взаимного влечения превосходно дополняют друг друга! Я очень счастлива. Поздравляю, милая Харриет, поздравляю от всего сердца. Такой привязанностью может гордиться любая женщина. От такого союза не приходится ждать ничего, кроме блага. Подобный брак даст вам все, что вам нужно, – уважение, независимость, достойный дом; благодаря новому положению вы окажетесь в центре кружка всех ваших истинных друзей, будете жить вблизи от Хартфилда и недалеко от меня... Наша дружба сохранится навсегда. Такой союз, милая Харриет, никогда не заставит ни одну из нас покраснеть от стыда.

Вначале от Харриет невозможно было добиться никаких иных слов, кроме бессвязных восклицаний: «Мисс Вудхаус!» да «Дорогая мисс Вудхаус!», которые она сопровождала пылкими объятиями. Но когда наконец к обеим девушкам вернулась способность снова вести беседу, Эмма с удовлетворением признала, что ее подруга относится к своему положению, предчувствует будущее и вспоминает прошлое именно так, как ей и надлежит. Достоинствам мистера Элтона она воздавала щедрую хвалу.

– Все, что вы говорите, всегда правильно, – вскричала Харриет, – и посему я полагаю, и верю, и надеюсь, что, скорее всего, так оно и будет; иначе я бы и

помыслить о таком не смела! Это настолько превосходит то, что я заслуживаю! Мистер Элтон, подумать только! Ведь он может взять в жены кого угодно! Относительно его двух мнений быть не может. Он настолько превосходит меня во всем... Подумать только, какие славные стишки: «К мисс...» Боже мой, какой он умный! Неужели они действительно посвящены мне?

– Для меня это вопрос решенный. Никаких сомнений быть не может! Положитесь на меня. Стихи – нечто вроде пролога к пьесе, эпиграфа к главе романа; и вскоре за ними последует проза совершенно определенного рода.

– Вот уж совершенно неожиданный поворот! Какой-нибудь месяц назад я и мечтать не смела... Просто чудо какое-то...

– Когда такие вот мисс Смит и мистер Элтон встречаются – а они действительно встретились, – тогда и происходит настоящее чудо; но еще чудеснее то, что это очевидное и такое желаемое, просто осязаемое желаемое событие настолько отвечает заветным мечтам ваших друзей. Не всегда знакомство немедленно выливается в столь совершенную форму. Вы с мистером Элтоном самой судьбой предназначены друг другу; вы принадлежите друг другу всеми помыслами и чувствами. Ваша свадьба будет такой же пышной, как и свадьба в Рэндаллсе. Кажется, в самом воздухе Хартфилда витает некий ветерок, который разносит аромат любви в нужном направлении, и именно в ту сторону, в какую любви и надлежит лететь. Помните слова Шекспира? «Гладким не бывает путь истинной любви...»[1 - У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», акт 1, сцена 1.] Если бы в Хартфилде задумали издать «Сон в летнюю ночь», то одна эта строчка заслужила бы долгих примечаний.

– Подумать только, что мистер Элтон полюбил меня, не кого-нибудь, а именно меня, а ведь до Михайлова дня[2 - Михайлов день – 29 сентября; в Англии и Уэльсе один из квартальных дней, то есть день квартальных платежей: срок внесения аренды, уплаты процентов и т. д.] я даже не знала его и ни разу не говорила с ним! Он такой красивый, видный мужчина – красивее всех! Все почитают его, совсем как мистера Найтли. Все и всегда рады ему... и знаете, что говорят? Стоит ему только захотеть, и он мог бы вообще не обедать и не ужинать один у себя дома – у него больше приглашений в гости, чем дней в неделе. А как он замечательно читает проповеди! С тех самых пор, как его назначили в наш приход, мисс Нэш все за ним записывает. Боже мой! Как вспомню, когда я в первый раз увидела его! Могла ли я тогда подумать... Когда мы с сестрами Эббот слышали, что он идет мимо, прибежали в прихожую, где

окна на улицу, и стали смотреть сквозь щелку в шторе, а потом пришла мисс Нэш, отругала нас и отправила прочь, а сама осталась наблюдать, но потом она сжалилась надо мной и позволила мне тоже взглянуть на него – у нее доброе сердце. И каким же красавцем он нам показался! Он шел об руку с мистером Коулом.

– Вот союз, которому, несомненно, обрадуются все ваши друзья, что бы они там себе ни воображали, но против такого союза никто возражать не станет, если только у него есть хоть толика здравого смысла, а нам с вами ни к чему считать своих знакомых глупцами. Если друзья всей душой желают вам счастья, то вот человек, чей дружелюбный характер дает все основания надеяться на счастливый брак с ним; если им хочется, чтобы вы обосновались в том же кругу и в той же местности, в каких они сами рады были бы видеть вас, то эти планы осуществляются; если же их единственной целью является удачно – во всех смыслах этого слова – выдать вас замуж, то вот вам и подходящее состояние, и почет, и новое положение в обществе, которое должно удовлетворить всех.

– Правда, истинная правда! Как вы хорошо говорите! Я люблю вас слушать. Вы все-все понимаете. Вы с мистером Элтоном оба такие умные! Как быстро вы уловили смысл его шарады! Да если бы я целый год гадала, то и тогда не поняла бы!

– Судя по тому, как он вчера отказывался сочинить шараду, я решила, что ему очень хотелось поупражняться в своем умении.

– Мне кажется, это, вне всякого сомнения, самая лучшая шарада из всех, какие я знаю!

– Я определенно не знаю шарады, у которой был бы более ясный смысл.

– А длинная какая! Прежде нам с вами таких почти и не попадалось!

– Длина как раз не является доказательством ее ценности. Но в то же время шараде не следует и быть слишком короткой.

Однако Харриет была так поглощена своим счастьем – она без конца перечитывала сладкие ее сердцу строки, – что не слушала Эмму. В ее головке роились самые лестные предположения.

– Одно дело, – лепетала она, зардевшись, – когда у человека просто есть здравый смысл, такой, как у всех прочих... Если понадобилось выразить свои чувства, такой человек садится и пишет письмо и коротко выражает то, что хочет сказать. И совсем другое дело – сочинять стихи и шарады, такие, как эта.

Более пылкого неприятия прозы мистера Мартина Эмме трудно было и желать.

– Какие славные стишки! – продолжала Харриет. – Особенно две последние строчки! Но как я посмею вернуть ему листок со стихами или сказать, что я разгадала их смысл? Ах, мисс Вудхаус, как же нам тут поступить?

– Предоставьте дело мне. Вам ничего делать и не придется. Отчего-то я уверена в том, что сегодня вечером он сюда придет, и вот тогда я отдам ему его шараду, заведу шуточный разговор, и вы не будете скомпрометированы. Пусть ваши томные глазки посылают ему нежные взгляды. Доверьтесь мне.

– Ах, мисс Вудхаус, какая жалость, что эти прелестные стишки нельзя переписать ко мне в альбом; у меня нет ни одной шарады, которая была бы хоть в половину так же хороша.

– Выкиньте две последние строчки и можете смело переписывать стихи в ваш альбом.

– Да, но эти две строчки...

– Согласна, они самые ценные, но не для всех. Наслаждайтесь ими в одиночестве. Они нисколько не пострадают от того, что их отделили от остальных стихов. Ни само двустишие не пострадает, ни смысл шарады не изменится. Если отбросить две последние строчки, исчезнет скрытый, тайный смысл, останется только изящная, галантная шарада, способная украсить собой любой альбом. Поверьте мне, ему не понравится пренебрежение его творением, точно так же, как пренебрежение его чувством. Влюбленного поэта следует либо поощрять и как поэта, и как влюбленного, либо отвергать в обоих качествах. Дайте мне альбом, я сама перепишу стихи, и тогда никто не заподозрит, будто шарада имеет какое-то отношение к вам.

Харриет подчинилась, хотя ее рассудок упорно отказывался делить шараду на две части; ей мнилось, будто подруга переписывает в ее альбом признание в любви. Слишком драгоценным казалось ей это признание, чтобы можно было показать его хоть кому-то.

– Никогда не выпущу своего альбома из рук, – заявила она.

– Прекрасно! – одобрила Эмма. – Вполне естественное чувство. И чем дольше оно будет длиться, тем более я буду довольна. Но вот идет мой батюшка: вы не станете возражать, если я прочту шараду ему? Она должна ему чрезвычайно понравиться! Он обожает всякие загадки, особенно такие, которые таят в себе комплимент даме. Ведь батюшка относится ко всем нам с нежнейшим трепетом! Ну же, позвольте мне прочесть ему шараду!

Харриет посерьезнела.

– Моя милая Харриет, не стоит придавать этой шараде такое большое значение. Вы выдадите себя, если будете слишком задумчивы или слишком поспешно признаетесь в ответном чувстве, и выйдет, что вы приписываете шараде больше, чем содержится в ней на самом деле, – или вообще придаете ей смысл, каким она не обладает. Пусть не введет вас в заблуждение эта маленькая дань восхищения. Если бы он волновался о том, чтобы его чувства сохранялись в тайне, он не оставил бы листка со стихами в моем присутствии. Но вспомните: он подтолкнул листок скорее ко мне, нежели к вам. Давайте же не будем относиться к этому изъятию его чувств слишком торжественно. Его поощрили достаточно; он спокойно может продолжать в том же духе, и незачем томиться и вздыхать над его шарадой.

– Ах! Нет... Надеюсь, я не выгляжу смешной? Делайте как вам угодно.

Вошел мистер Вудхаус и очень скоро сам навел разговор на нужный предмет, осведомившись, как часто бывало:

– Ну, милочки, как поживает ваш альбом? Записали что-нибудь новенькое?

– Да, папа. Кстати, мы кое-что хотим вам прочесть – кое-что совсем новенькое. Сегодня утром на столе мы обнаружили лист бумаги (полагаем, его оставила фея), а на нем была премилая шарада. Мы только что переписали ее в альбом.

Она прочла ему шараду именно так, как он любил – медленно и четко, повторяя каждую строку два или три раза кряду, объясняя по ходу чтения каждое слово. Мистер Вудхаус пришел в восторг; как и предвидела Эмма, особенно ему понравилась разгадка.

– Ах, верно, это очень точно, прекрасно сказано! Весьма справедливо. «В восторге, радости и упоенье»! Шарада такая прелестная, дорогая моя, что я с легкостью могу догадаться, какая фея принесла ее. Никто, кроме тебя, Эмма, не написал бы так складно.

Эмма лишь кивнула и улыбнулась в ответ. Отец же ее призадумался, а потом с легким вздохом продолжал:

– Ах! Нетрудно догадаться, в кого ты пошла. Твоя дорогая матушка была такой же мастерицей сочинять подобные мудреные стихи! Вот бы мне ее память! Но я ничего не могу припомнить, даже ту загадку, которую ты неоднократно от меня слышала. Я отчетливо помню только первую строфу, а там их было несколько.

Холодная Китти огонь разожгла.

Парнишке, что встретился на пути,

Так жарко что близко не подойти,

Да надо – иначе пепел и мгла...

Вот и все, что сохранилось у меня в памяти, – а ведь продолжение было так ловко составлено... Но по-моему, голубушка, ты говорила, что она у вас уже есть.

– Да, папа. Она есть в нашем альбоме на второй странице. Мы переписали ее из книги «Извлечения из изящной словесности», изданной, как тебе известно, господином Гарриком.

– Да, да, верно... Хотелось бы мне припомнить ее целиком.

Холодная Китти огонь разожгла...

Это имя напоминает мне о бедняжке Изабелле; ведь мы чуть было не окрестили ее Кэтрин, в честь бабушки. Надеюсь, она приедет к нам на следующей неделе. Милая, ты подумала, куда поместишь ее? И какую комнату отведешь детям?

– Конечно, папа! Она, разумеется, будет спать в своей комнате, в той, которая была всегда ее комнатой. А дети будут в детской – как всегда. Зачем что-то менять?

– Не знаю, дорогая моя. Как давно она не была у нас! С прошлой Пасхи, да и тогда пробыла всего несколько дней... Ужасно хлопотная профессия у мистера Джона Найтли – адвокат! Бедняжка Изабелла! Как печально, что ее увезли от нас! И как грустно ей будет, приехав, не застать здесь мисс Тейлор...

– Папа, она несколько не удивится!

– Не знаю, милочка. Помню, как удивился я, узнав, что мисс Тейлор выходит замуж.

– Когда Изабелла приедет, нам следует пригласить мистера и миссис Уэстон на обед.

– Да, дорогая, если времени хватит. – Мистер Вудхаус снова приуныл. – Но ведь Изабелла приезжает всего на неделю. Вряд ли мы успеем...

– Жаль, что они не смогут погостить подольше; однако им, скорее всего, придется уехать. Мистер Джон Найтли должен вернуться в город двадцать восьмого; и нам, папа, еще радоваться надо, что все время они проведут у нас, что Донуэлл не украдет у нашего счастья два или три дня. На это Рождество мистер Найтли обещал не заявлять о своих правах на них, хотя, как вам известно, у него они не гостили даже дольше, чем у нас.

– Да, моя милая, как было бы тяжело, если бы бедняжке Изабелле пришлось остановиться не в Хартфилде, а где-нибудь еще.

Мистер Вудхаус никогда не считался с братскими правами мистера Найтли или с чьими-нибудь правами на Изабеллу, кроме своих собственных. Некоторое время он сидел, погруженный в раздумья.

– Но я не понимаю, зачем бедняжке Изабелле возвращаться так скоро? – воскликнул он наконец. – Ведь вернуться нужно ему, а не ей! Знаешь, Эмма, думаю, мне удастся уговорить Изабеллу побыть у нас подольше. Она с детьми может остаться и погостить в свое удовольствие.

– Ах, папенька! Вы так и не привыкли к замужеству Изабеллы и, боюсь, никогда не привыкнете. Изабелла не может остаться, если ее муж уезжает.

Признавая справедливость ее слов, мистер Вудхаус не спорил. Как бы это ни было неприятно, ему оставалось лишь покорно вздыхать; Эмма поняла, что батюшка сейчас опечален раздумьями о необходимости для его старшей дочери повсюду следовать за мужем, и поспешила направить его мысли в другую сторону, пытаясь поднять ему настроение.

– Пока мои сестра и брат будут здесь, Харриет должна бывать у нас как можно чаще. Вот увидите, она будет в восторге от детей. Ведь мы очень ими гордимся, верно, папенька? Интересно, кто покажется ей более хорошеньким, Генри или Джон?

– Да, интересно! Бедняжки, как им тут будет хорошо! Знаете ли, Харриет, им очень нравится в Хартфилде.

– Нисколько не сомневаюсь, сэр. Как может кому-то здесь не понравиться?

– Генри очень хорошенький мальчик, а Джон очень похож на свою маму. Генри старший, и назвали его в мою честь, а не в честь его отца! Джона, второго, назвали в честь отца. Возможно, кое-кто удивится, почему в честь отца не назвали первенца, но Изабелла пожелала, чтобы его назвали Генри, – ах, какая она заботливая! И притом Генри такой умненький мальчик! Впрочем, оба малыша на удивление умны, но такие озорники! Встанут, бывало, возле моего кресла и просят: «Дедушка, не дадите ли веревочки?» А один раз Генри попросил у меня ножик, но я сказал ему, что ножики делают только для дедушек. Мне кажется, их отец частенько бывает с ними строг.

– Он только кажется вам строгим, – возразила Эмма, – потому что вы сами так мягки. Но если бы вы сравнили его с другими отцами, вы бы не считали его суровым. Он хочет, чтобы мальчики были крепкими и здоровыми; если они не слушаются, балуются, он иногда позволяет себе резко одернуть их. Но он любит

их всем сердцем! Определенно мистер Джон Найтли – любящий отец. Дети его обожают.

– А потом является их дядюшка и подбрасывает их до потолка! Это так страшно!

– Но им, папа, это нравится: они буквально визжат от восторга. Для них это такое наслаждение, такая радость, что, если бы их дядюшка не установил среди них очередь, малыш, которого он подбрасывает первым, ни за что не уступил бы своего удовольствия другим.

– Ну, вот этого я понять никак не могу.

– У всех так, папенька. Одна половина человечества никак не поймет радостей другой половины.

Позже, в тот момент, когда девушки уже прощались, чтобы снова встретиться в четыре часа за обедом, как обычно, в гостиную вошел автор несравненной шарады. Харриет отвернулась, но Эмма сумела принять его со своей обычной приветливостью. По его виду Эмма, со свойственной ей проницательностью, тотчас поняла: жребий брошен, ставки сделаны. Она вообразила, что он пришел посмотреть, как продвигается дело. Он, однако, явился под удобным предлогом – спросить, сможет ли мистер Вудхаус вечером обойтись без него, или же на него в Хартфилде рассчитывают. Если на его присутствие рассчитывают хоть в малейшей степени, он, безусловно, придет, если же нет... его друг Коул так давно зазывает его к себе на обед и придает этому такое значение, что он условно пообещал ему прийти.

Эмма поблагодарила мистера Элтона за доверие, однако не могла согласиться с тем, чтобы он разочаровывал своего друга: разумеется, ее батюшка способен составить партию и без мистера Элтона. В ответ мистер Элтон еще раз выразил готовность отказаться ради них от обеда у друга – Эмма вновь отклонила его жертву; и только когда он уже собрался откланяться, она взяла со стола листок бумаги и подала ему:

– А! Вот, кстати, та шарada, которую вы столь любезно нам оставили. Спасибо за то, что разрешили ее прочесть. Мы в таком восторге, что я позволила себе смелость записать ее в альбом мисс Смит. Надеюсь, ваш друг не обидится? Разумеется, я записала лишь первые восемь строчек.

Очевидно, мистер Элтон не нашелся что ответить. Вид у него был довольно смущенный, даже сконфуженный; он пробормотал что-то о «чести», бросил взгляд на Эмму, потом на Харриет и затем, увидев, что раскрытый альбом лежит на столе, взял его и принялся очень внимательно читать. Чтобы замять неловкость, Эмма, улыбаясь, заметила:

– Вы должны передать своему приятелю мои извинения. Но такую хорошую шараду нельзя ограничивать лишь одним или двумя читателями. Ваш друг может быть уверен: раз он пишет с таким изяществом, ему нечего бояться отказа.

– Без колебаний признаю, – медленно, дрожащим голосом отвечал мистер Элтон, – без колебаний признаю... по крайней мере, если мой приятель чувствует то же, что и я... у меня нет ни малейших сомнений в том, что, доведись ему узнать, какой высокой чести удостоились его скромные стихи, – он снова бросил взгляд на альбом и положил его на стол, – мой друг счел бы, что этой минутой может гордиться так, как ничем в жизни.

Произнеся эту речь, он немедленно удалился. Эмма сочла, что он ушел вовремя, ибо, несмотря на все его добрые и похвальные качества, речам его свойственна была некая напыщенность, от которой ее разбирал смех. Она убежала, чтобы не расхохотаться прилюдно, оставив Харриет наслаждаться нежными и более возвышенными радостями.

Глава 10

Хотя на дворе стояла середина декабря, погода пока еще позволяла нашим подругам относительно регулярно прогуливаться; и наутро Эмме предстояло нанести благотворительный визит одной бедной семье, в которой были больные. Жили они неподалеку от Хайбери.

Путь к уединенному домику пролегал по так называемой Пастырской дороге, которая отходила под прямым углом от широкой, хотя и беспорядочно застроенной главной улицы. На этой дороге, как следовало из названия, находилось благословенное жилище мистера Элтона. Вначале надо было

миновать несколько жалких лачуг, а потом пройти по дорожке примерно с четверть мили до домика приходского священника: домик был старый и не слишком крепкий и стоял почти вплотную к дороге. Дом священника не мог похвастаться выгодным местоположением, однако стараниями настоящего хозяина он изрядно похорошел. Учитывая все обстоятельства, нашим дамам невозможно было миновать домик, не замедлив шага и не окинув жилище священника любопытными взорами. Эмма заметила:

– Вот и он. Сюда однажды вы и переселитесь вместе со своим альбомом загадок.

Харриет почти одновременно воскликнула:

– Ах, какой миленький домик! Какой хорошенький! А вон и желтые занавесочки, которыми так восхищается мисс Нэш.

– Сейчас, – сказала Эмма, когда они миновали дом мистера Элтона, особо выделив слово «сейчас», – я нечасто хожу этой дорогой. Но потом у меня будет стимул, и я постепенно изучу до мелочей все живые изгороди, ворота, пруды и подстриженные деревья в этой части Хайбери.

Как выяснилось, Харриет прежде ни разу не бывала у домика священника, и ее любопытство было настолько острым, что, принимая во внимание все внешние и внутренние обстоятельства, Эмме ничего не оставалось, как приписать любопытство подруги ее любви. Ведь заметил же мистер Элтон в ней живой и острый ум!

– Что бы нам такое сочинить, чтобы зайти? – сказала она. – Не могу придумать ни одного благовидного предлога: ни служанки, о которой я хотела бы навести справки у его экономки, ни записки от моего отца.

Она поразмыслила, но так ничего и не придумала. После того как обе несколько минут помолчали, Харриет заметила:

– А интересно, мисс Вудхаус, почему бы вам самой не выйти замуж, не собраться под венец? Ведь вы такая очаровательная!

Эмма засмеялась в ответ:

– Харриет, мое очарование еще недостаточный повод для того, чтобы выйти замуж. Я должна найти очаровательными других людей – по крайней мере одного человека. И я не только не собираюсь замуж в настоящее время, но и вообще не имею особых намерений пойти под венец.

– Ах! Вы только так говорите, но я не могу вам поверить.

– Для того чтобы поколебать мою решимость, я должна найти человека, на голову превосходящего всех моих теперешних знакомых. Мистер Элтон, как вы понимаете, – опомнившись, добавила она, – не в счет... да я, по правде говоря, и не желаю встретить такого человека. Лучше не подвергаться соблазну. К чему мне что-то менять в своей жизни? Случись мне выйти замуж, я, должно быть, вскоре раскаялась бы в своем поступке.

– Помилуйте! Так странно слышать подобные речи из уст женщины!

– У меня нет никаких мотивов, которые обычно побуждают женщин вступать в брак. Если бы, положим, я влюбилась, это было бы совершенно другое дело! Но мне еще не случалось влюбляться... это мне не свойственно, не свойственно моей натуре. Вряд ли я когда-нибудь полюблю. А без любви... уверена, я буду дурой, если променяю мое теперешнее положение на положение замужней дамы. Богатства мне не надо, трудов я не ищу, положения в обществе тоже. По-моему, мало кто из замужних дам пользуется в доме мужа хоть половиной того влияния, какое имею я в Хартфилде. И никогда, ни за что не могла бы я ожидать, что стану так же любима и важна... настолько на первом месте и настолько всегда права в глазах другого мужчины, как в глазах моего отца.

– Не хотите же вы остаться старой девой, как мисс Бейтс!

– Вам, Харриет, трудно вообразить для себя более ужасное будущее. И если бы я хоть на минуту представила, что сделаюсь похожей на мисс Бейтс! Такой же глупой, такой же самодовольной, всегда веселой и бодрой, такой нудной, такой неразборчивой и невзыскательной и так же склонной рассказывать обо всех, кто каким-то образом связан со мной, – да я бы завтра же выскочила замуж! Но, между нами говоря, я убеждена, что всякое сходство между нами исключается, если не считать того, что обе мы не замужем.

– Но все же вы собираетесь остаться старой девой? Это так ужасно!

– Ничего страшного, Харриет, я ведь не буду бедной старой девой – только бедность вызывает презрение у общества по отношению к старым девам! Одинокая старая дева с мизерным доходом неизбежно обречена быть смешной и нелепой! Над ней потешаются все детишки. Но незамужняя дама, обладающая приличным состоянием, пользуется всеобщим уважением и может быть столь же разумна и приятна в общении, как и все прочие. Мое мнение не столь грешит против беспристрастия и здравого смысла света, как кажется на первый взгляд, ибо очень малый доход имеет обыкновение связывать ум и портить характер. Те, кто едва сводит концы с концами, вынуждены волей-неволей вращаться в очень узком и, как правило, очень жалком кругу и, вполне естественно, становятся скупыми и злобными. Впрочем, сказанное совершенно не подходит к мисс Бейтс. Она раздражает меня своим чрезмерным добродушием и глупостью, но в целом она вполне сносна, несмотря на свое одиночество и бедность. Определенно можно сказать, что бедность не ограничила ее разум. Я искренне полагаю, что, будь у нее всего лишь шиллинг, она половину – шесть пенсов – скорее всего, раздала бы другим; и никто ее не боится – этим она и привлекает.

– Но помилуйте! Что вы будете делать? Чем займете себя, когда состаритесь?

– Харриет, льщу себя надеждой, что я обладаю активным и деятельным умом. У меня богатый внутренний мир, так почему же в сорок или пятьдесят лет я не смогу занять себя лучше, чем сейчас, в возрасте двадцати одного года? Обычные женские занятия, требующие остроты зрения, ловкости рук и ясности ума, будут так же или же с незначительными вариациями открыты для меня, как и сейчас. Если я буду меньше рисовать, то стану больше читать; если придется оставить музыку, стану ткать ковры. А что касается объектов интереса, объектов приложения чувств – по правде говоря, именно здесь таится опасность признания собственной неполноценности, и я считаю это великим злом, которого незамужним следует избегать, – то и здесь мне повезло: мне есть о ком заботиться. У моей сестры много детишек, которых я очень люблю! Что бы ни случилось, забота о племянниках способна скрасить зрелые годы, время, когда моя жизнь начнет клониться к закату. Мне с лихвой достанет надежд и страхов; и хотя моя любовь к ним несравнима с родительской, она больше подходит моим представлениям об удобстве, так как родительская любовь слишком горяча и слепа. Племянники и племянницы! Предвкушаю, как часто буду я оставлять своих милых племянниц у себя в гостях!

– Кстати, знакомы ли вы с племянницей мисс Бейтс? То есть я знаю, вы, должно быть, видели ее сто раз... но знакомы ли вы с ней?

– О да! Когда бы она ни приехала в Хайбери, нас с нею всегда заставляют встречаться. Пожалуй, одного этого почти достаточно, чтобы заставить меня разочароваться в племянницах. Боже сохрани! По крайней мере, я полагаю, что не способна так же докучать людям со всеми маленькими Найтли, вместе взятыми, чем она со своей Джейн Ферфакс. Меня тошнит при одном упоминании о Джейн Ферфакс! Каждое письмо от нее перечитывается раз по сорок кряду, снова и снова передаются ее приветы всем друзьям, а если она всего лишь посылает тетке фасон корсажа или вяжет бабушке подвязки, то разговоров об этом хватает на целый месяц! Я ничего плохого не желаю Джейн Ферфакс, но она надоела мне до смерти.

Они как раз подошли к цели своего путешествия, и все посторонние разговоры волей-неволей прекратились. Эмма очень жалела своих подопечных; и страдания бедняков столь же высвобождали ее лучшие качества – такие, как сострадание, доброта, отзывчивость и терпение, – сколь облегчали они ее кошелек. Эмма относилась к ним снисходительно, делая скидку на их невежество и многочисленные соблазны, каким подвергалась их добродетель, и не испытывала романтических иллюзий касательно их благости; она сочувствовала их горестям всей душой и всегда предлагала помощь столь же тонко, сколь и добросердечно. Среди ее теперешних бедных подопечных были больные; пробыв в жалкой лачужке столько, сколько потребовалось, чтобы помочь и по мере сил утешить страдальцев, она покидала их под сильным впечатлением от увиденного. На обратном пути она сказала своей подруге:

– Харриет, бывают зрелища, на которые кое-кому полезно посмотреть. Какими ничтожными по сравнению с этим видятся наши мелкие хлопоты! Сейчас мне кажется, что весь день я не смогу думать ни о чем, кроме этих несчастных созданий... но... кто знает, как скоро воспоминания о них выветрятся из моей головы?

– Верно, верно, – вздохнула Харриет. – Бедняжки! Невозможно думать ни о чем другом.

– И я, по правде говоря, не думаю, что впечатления наши скоро изгладятся, – сказала Эмма, выходя за низкую живую изгородь и шагнув на шаткую ступеньку, которая замыкала узкую скользкую тропку, ведущую через сад от домика бедняков, и выводила на дорогу. – Не думаю, – повторила она, останавливаясь и окидывая взглядом общее запустение этого места, вспоминая еще большую

нищету внутри.

– Разумеется, нет! – отозвалась ее спутница.

Они продолжали путь. Далее дорога делала некрутой поворот, и, повернув за угол, они заметили мистера Элтона. Он был так близко от них, что Эмма успела лишь сказать через плечо:

– Ах, Харриет, вот неожиданная встреча, призванная испытать наши благие намерения! – Она развеселилась. – Однако если допустить, что наше сочувствие, потребовавшее от нас немало терпения, хоть немного скрасило жизнь этим несчастным, значит, мы не зря потратили время. Раз по отношению к сирым и убогим мы испытываем жалость, то ее вполне хватает для того, чтобы помочь им чем можно. А остальное пустое сочувствие, только огорчительное для нас самих.

Харриет лишь смогла пискнуть в ответ:

– О, конечно да...

И тут мистер Элтон поравнялся с ними.

Разговор начался со страданий и чаяний бедной семьи, которую навещали девушки. Мистер Элтон как раз направлялся к ним, но теперь, разумеется, ему пришлось на некоторое время отложить свой визит. Однако они очень живо обсудили, что можно и нужно сделать для несчастных. Потом мистер Элтон повернул назад, дабы проводить их.

«Такое совпадение добрых намерений, – подумала Эмма, – такое обоюдное желание принести как можно больше пользы несчастным! Наша встреча, несомненно, должна поспособствовать всплеску чувств с обеих сторон. Я бы не удивилась, если бы результатом таких благих намерений стало объяснение в любви. Да, должно быть, он бы объяснился, не будь здесь меня. Жаль, что я здесь, а не где-то в другом месте».

Горячо желая оказаться как можно дальше от влюбленных, она вскоре намеренно повернула и пошла по узенькой тропинке, которая поднималась вверх, а парочку оставила на главной дороге. Но не прошло и двух минут, как

Эмма обнаружила, что Харриет, по укоренившейся привычке к зависимости и подражанию, тоже свернула вбок и поднимается за нею следом. Короче говоря, скоро парочка нагонит ее! Так не годится; Эмма немедленно остановилась под предлогом того, что ей якобы нужно заново зашнуровать ботинок, и согнулась на дорожке в три погибели, всецело поглощенная своим занятием. Своих спутников она уговорила не ждать ее, а идти вперед, обещая нагнать их через полминуты. Они повиновались ее воле; к тому времени, когда она сочла разумным покончить со своим ботинком – она постаралась медлить сколь можно дольше, – к ее радости, ее догнала девочка из бедняцкой лачуги. Согласно распоряжениям мисс Вудхаус, девочка с кувшином направлялась в Хартфилд за крепким бульоном для больных. Вполне естественно, Эмма пошла рядом с девочкой, расспрашивая ее и беседуя с ней; вернее, поведение мисс Вудхаус было бы естественным, действующая она неумышленно; однако, благодаря ее разговору с девочкой, двое ее спутников по-прежнему шли впереди и не обязаны были ждать ее. Правда, она, сама того не желая, скоро догнала их – девочка бежала быстро, а они шли медленно – и тем более огорчилась Эмма, увидев, что они, очевидно, поглощены разговором, увлекательным для обоих. Мистер Элтон что-то живо рассказывал, Харриет слушала; внимательное выражение так шло ее личику! Услав девочку вперед, Эмма принялась ломать голову, что бы ей еще придумать, чтобы замедлить свое продвижение вперед, как вдруг оба обернулись, и ей ничего не оставалось, как присоединиться к своим друзьям.

Мистер Элтон все еще говорил, увлеченно расписывая какие-то интересные подробности; Эмма испытала некоторое разочарование, обнаружив, что он всего лишь давал своей белокурой спутнице подробный отчет о вчерашнем ужине у своего приятеля Коула. Когда она их догнала, описание как раз дошло до стилтонского сыра, уилтширской баранины, масла, сельдерея, свеклы и десерта.

«Несомненно, это была лишь прелюдия: не будь меня, вскоре они бы перешли к более интересным темам, – задумчиво размышляла она, – влюбленным приятно слышать все о предмете своего чувства, и любое начало служит вступлением к тому, что лежит у них на сердце. Жаль, что мне не удалось провозиться дольше!»

Теперь все трое мирно шли рядом. Наконец впереди показался домик священника. Тут внезапная решимость по крайней мере завести Харриет в этот дом снова заставила Эмму притвориться, будто с ее шнурками что-то не в порядке и наклониться, чтобы перевязать их. Она ловко и незаметно оборвала

шнурок и поспешно выкинула его в канаву. Теперь уже она была вынуждена остановить их и сообщить о том, что она не в состоянии благополучно добраться до дому.

– У меня оторвался шнурок, – объяснила она, – и я не знаю, как дойду. Понимаю, что причиняю вам обоим массу неудобств, но, кажется, со мной такое нечасто случается. Мистер Элтон, я вынуждена просить у вас позволения зайти к вам домой и взять у вашей экономки что-нибудь – кусок ленты или веревку, – чтобы можно было зашнуровать ботинок.

Мистер Элтон так и просиял; и ничто не могло умерить его прыти и внимания, пока он препровождал их к себе и заботился об удобстве своих спутниц. Судя по всему, в комнате, куда их провели – окнами на дорогу, – он главным образом и обитал. В задней стене была дверь, ведущая в другую, смежную комнату; дверь была открыта, и Эмма прошла в заднее помещение с экономкой, чтобы там без помех принять ее помощь. Согласно правилам приличия, она не имела права затворять за собой дверь, однако она буквально настояла на том, чтобы мистер Элтон закрыл ее, что и было сделано – правда, не до конца. Непрерывно развлекая экономку разговорами, Эмма надеялась, что хозяин дома в смежной комнате улучит момент и перейдет наконец к занимающей его теме. Целых десять минут она не слышала никого, кроме себя. Дольше тянуть было неприлично. Волей-неволей пришлось завершить свои дела и выйти в гостиную.

Харриет и мистер Элтон стояли рядом у одного из окон. Вид у них был самый что ни на есть благоприятный, и целых полминуты Эмма наслаждалась своей проницательностью и умением свести влюбленных. Однако оказалось, что все ее усилия пропали даром: он так и не перешел к делу. Он был само очарование, сама любезность, уверял Харриет, что, заметив, как они проходят мимо его дома, он нарочно пошел за ними следом; осыпал ее изысканными комплиментами, расхваливал, но так и не сказал ничего серьезного.

«Он не привык действовать сгоряча, – утешала себя Эмма, – он продвигается не спеша, шаг за шагом, и не станет рисковать, пока не убедится в полном успехе».

И все же, несмотря на то, что ее хитроумный замысел пока не привел к цели, она не могла не гордиться собой: ведь благодаря ей влюбленные получили чудесную возможность побыть наедине и таким образом приблизить желанную развязку.

Оставим пока мистера Элтона. Руководить его счастьем или ускорять предпринимаемые им меры было больше не во власти Эммы. Радостные ожидания и хлопоты заняли все ее время и помыслы: сестра с семейством должна была вот-вот приехать. И в продолжение тех десяти дней, что Найтли гостили в Хартфилде, невозможно было ожидать – да Эмма и сама это осознавала, – чтобы влюбленным потребовалось от нее что-то сверх обычной, случайной помощи. Тем не менее они могли бы, если бы пожелали, двинуть дело вперед очень быстро – так или иначе, бессмысленно топтаться на одном месте. Эмма решила на время предоставить их самим себе. Бывают люди, для которых чем больше делаешь, тем меньше они делают сами.

Мистер и миссис Джон Найтли стали в Суррее объектами повышенного внимания, так как давно уже здесь не были. Прежде, в первый год как они поженились, они все праздники проводили либо в Хартфилде, либо в аббатстве Донуэлл, однако нынешней осенью они вывозили детей на море. Из-за этого они много месяцев не показывались в Суррее у родственников, а мистер Вудхаус и вовсе не виделся с ними, ведь его нельзя было подвигнуть на выезд в Лондон даже ради возможности повидаться с бедняжкой Изабеллой. Поэтому теперь мистер Вудхаус очень волновался и был преисполнен самых черных предчувствий, которые омрачали его радость от чрезмерно краткого визита.

Он постоянно беспокоился о том, каким опасным для нее может стать путешествие, а еще – хотя и не так сильно – волновался о судьбе своих лошадей и кучера, которым предстояло везти часть семьи дочери последнюю половину пути; однако его опасения оказались беспочвенны. Шестнадцать миль были преодолены счастливо: мистер и миссис Джон Найтли, их пятеро детей и солидное число няnek в безопасности добрались до Хартфилда. Шумная радость от их прибытия, суeta оттого, что надобно было всех приветить, расспросить, разместить по комнатам и позаботиться обо всех, стала причиной суматохи и замешательства, каких его нервы при иных обстоятельствах ни за что не вынесли бы. Да и теперь, по правде говоря, продлись эта суeta дольше, он бы не выдержал. Однако миссис Джон Найтли настолько уважала чувства своего батюшки и настолько привыкла к порядкам, заведенным в Хартфилде, что, невзирая на материнское беспокойство за малышей – их надлежало немедленно утихомирить, накормить, напоить, уложить спать, развлечь, дать возможность привыкнуть к новому дому и поиграть вволю, – она, как всегда, не позволила

детям долго докучать дедушке ни самим, ни опосредованно, через взрослых, которые слишком пристально бы их опекали.

Миссис Джон Найтли была хорошенькой, элегантной молодой женщиной с мягким и спокойным характером. Она отличалась приветливостью и ласковостью и была всецело поглощена своей семьей. Оставаясь преданной женой и любящей матерью, она была столь нежно привязана к отцу и сестре, что, если бы не тесные узы брака, более пылкая любовь могла бы показаться невозможной. Она ни в ком из своих близких не видела недостатков. Она не отличалась ни живостью ума, ни быстротой соображения, этим она походила на своего отца. Во многом унаследовала она и его характер: будучи сама хрупкого здоровья, она чрезмерно опекала своих детей, постоянно дрожала за них и так же безоглядно верила своему мистеру Уингфилду, лондонскому врачу, как верил ее отец мистеру Перри. Отец и дочь были также очень схожи общей благожелательностью натур и привычкой поддерживать отношения со всеми старыми знакомыми.

Мистер Джон Найтли был человек высокого роста, очень благообразный и очень умный; он делал блестящую адвокатскую карьеру, был образцовым семьянином – словом, человеком, достойным всяческих похвал. Однако его сдержанность и необщительность мешали ему стать душой общества. Кроме того, иногда ему не доставало чувства юмора. Нрава он был доброго и редко взрывался, так что его вряд ли можно было упрекнуть во вспыльчивости, однако и чрезмерным добродушием похвастать он не мог. Его недостатки питались тем, что жена его просто боготворила. Крайняя мягкость ее нрава, несомненно, служила его характеру плохую службу. Он обладал всею ясностью и живостью ума, которых так не доставало ей, и иногда мог вести себя нелюбезно и даже сказать резкость. Прелестная свояченица не слишком жаловала его. От нее не ускользал ни один его изъян. Она слишком близко к сердцу принимала все мелкие уколы в адрес Изабеллы, которые саму Изабеллу несколько не смущали. Возможно, она относилась бы к зятю терпимее, если бы он льстил ей, но он держался с Эммой как спокойный любящий брат и друг, не перехваливал ее и не был ослеплен ею; однако, даже превозноси он ее до небес, едва ли она могла бы простить ему величайшее, по ее мнению, преступление, в которое он частенько впадал, а именно: недостаток снисходительности по отношению к ее отцу. Мистер Джон Найтли не всегда выказывал по отношению к тестю должную терпимость. Маленькие странности и капризы мистера Вудхауса иногда вызывали у него разумную отповедь или же резкий ответ – и то и другое было в равной степени бессмысленно. Случалось такое нечасто, ибо мистер Джон Найтли в действительности тестя почитал и обыкновенно вел себя как полагается

примерному зятю, то есть воздавал ему должное; однако, на милосердный взгляд Эммы, взрывы негодования случались слишком часто, и мучительнее всего было сидеть и гадать, когда же он потеряет терпение, хотя часто никакого взрыва не следовало. Правда, в начале каждого визита мистер Найтли бывал исполнен самых добрых намерений, и Эмма питала надежду, что теперешний визит, будучи в силу необходимости столь кратким, пройдет благополучно, в обстановке совершенной взаимной сердечности. Не успели гости устроиться и рассестись, как мистер Вудхаус, меланхолично качая головой и вздыхая, привлек внимание старшей дочери к грустной перемене, произошедшей в Хартфилде с тех пор, как она была тут в последний раз.

– Ах, моя милая! – начал он. – Бедная мисс Тейлор... как печально!

– О да, сэр! – вскричала Изабелла, с готовностью выражая сочувствие. – Как, должно быть, вы по ней скучаете! И дорогая Эмма тоже! Какая печальная потеря для вас обоих! Я не перестаю жалеть вас. Даже не представляю, как вы без нее обходитесь... Действительно, печальная перемена... Надеюсь, сэр, ей живется неплохо?

– Неплохо, милая моя, надеюсь, неплохо. Не знаю, конечно, но, по-моему, на новом месте она чувствует себя вполне сносно.

Тут мистер Джон Найтли тихонько спросил у Эммы, не кажется ли мисс Тейлор слишком нездоровой атмосфера в Рэндаллсе.

– О нет, что вы! Ни в малейшей степени. В жизни не видела миссис Уэстон более счастливой... Она никогда не выглядела так хорошо. Папа просто высказывает собственные сожаления.

– Что ж, это делает честь обоим, – последовал вежливый ответ.

– Но вы, сэр, видите с ней достаточно часто? – горестно спросила Изабелла, разделяя печаль и уныние отца.

Мистер Вудхаус ответил не сразу:

– Не так часто, милочка, как мне бы хотелось.

– Папа, помилуйте! С тех пор как она вышла замуж, мы не видели ее в целом всего один день. Каждый день, утром или вечером, за исключением одного дня, видимся мы либо с мистером Уэстоном, либо с миссис Уэстон, а чаще всего с ними обоими, в Рэндаллсе или у нас. Как ты, Изабелла, наверное, догадываешься, чаще они приходят к нам. Они очень, очень часто дарят нас своими визитами. Мистер Уэстон и в самом деле не уступает ей в доброте. Папенька, если вы будете продолжать в том же духе, вы дадите Изабелле неверное представление о нас всех. Надобно смириться с тем, что мисс Тейлор уже не вернешь, но невозможно не заметить, что мистер и миссис Уэстон из всех сил стараются смягчить для нас боль утраты, и эта боль не так сильна, как мы опасались, – вот в чем суть.

– Совершенно справедливо, – заметил мистер Джон Найтли, – и все так, как я и представлял, судя по вашим письмам. Ее желание заботиться о вас несомненно, дело упрощает то, что он – человек свободных взглядов и общительный. Я не уставал повторять тебе, любовь моя, что перемена не так сильно скажется на Хартфилде, как ты боялась! Теперь, услышав отчет Эммы, надеюсь, ты довольна?

– Ну, чтобы быть точным, – сказал мистер Вудхаус, – конечно, я не могу отрицать того, что миссис Уэстон – бедная миссис Уэстон! – действительно частенько приходит к нам в гости. Но ведь... ей непременно нужно бывает всякий раз уходить!

– Папа, мистеру Уэстону было бы очень тяжело, если бы она не уходила домой! Вы, кажется, забываете о бедном мистере Уэстоне?

– Да, верно, – весело подхватил Джон Найтли. – У мистера Уэстона тоже есть на нее некоторые права! Мы с вами, Эмма, рискнем отстаивать права бедного мужа. Хотя я тоже муж, а вы пока не жена, мы с вами оба вполне в состоянии признать, что у супруга есть некоторые права. Что же касается Изабеллы, то она замужем уже достаточно давно и, вероятно, почитает за благо как можно меньше считаться со всеми мистерами Уэстонами и им подобными.

– Я, любовь моя? – воскликнула его жена, расслышав и поняв смысл его речи лишь отчасти. – Вы говорили обо мне? Уверена, никто не является большей, чем я, защитницей института брака. И если бы не жалость к ней из-за того, что она вынуждена была покинуть Хартфилд, я ни за что не думала бы о мисс Тейлор иначе как о счастливейшей женщине на свете, а что касается пренебрежения к

мистеру Уэстону, то, по-моему, нашего превосходного мистера Уэстона трудно переоценить. Я считаю, что он обладает самым счастливым нравом. За исключением вас и вашего брата, я не знаю другого мужчины, обладающего столь завидным характером. Никогда не забуду, как он запускать с Генри змея на прошлую Пасху – помните, какой тогда был ветреный день? А в прошлом году, в сентябре, он проявил истинное милосердие – подумать только, написал мне письмо в двенадцать часов ночи, и только ради того, чтобы заверить меня, что в Кобэме нет скарлатины! С тех пор я убеждена, что ни более чуткого сердца, ни более отзывчивого человека не существует в природе. Если кто-то и заслужил такого превосходного мужа, то только мисс Тейлор.

– А как же его сын? – осведомился Джон Найтли. – Приезжал он сюда по такому случаю или нет?

– Пока не приезжал, – ответила Эмма. – Мы все без оснований надеялись на его приезд вскоре после бракосочетания, однако нас постигло разочарование. И я не слышала, чтобы о нем упоминали в последнее время.

– Не забудь, милочка, рассказать им о письме, – напомнил ее отец. – Он написал бедной миссис Уэстон поздравительное письмо – такое учтивое, такое любезное! Она показывала его мне. По-моему, это характеризует его с самой лучшей стороны. Трудно сказать, самому ли ему пришла в голову такая мысль, знаете ли. Он так молод... Возможно, его надоумил дядюшка...

– Милый папочка, да ведь ему двадцать три года! Вы забываете, как быстро летит время.

– Двадцать три года! Неужели? Ни за что бы не подумал... ведь ему было всего два годика от роду, когда он лишился своей бедной матушки! Да, время действительно летит! А у меня плохо с памятью. Как бы там ни было, письмо было просто превосходное, чудесное и доставило мистеру и миссис Уэстон много радости. Писано, насколько я помню, из Уэймута и датировано двадцать восьмым сентября. Оно начиналось обращением: «Любезная сударыня!» – дальше я забыл, а подписано было: «Ф.Ч. Уэстон Черчилль» – это я помню точно.

– Как это мило и благородно с его стороны! – пылко воскликнула миссис Джон Найтли. – Я совершенно не сомневаюсь в том, что он очень славный молодой человек. Но как печально, что он живет не дома с отцом! Какой ужас, когда

ребенка увозят от его родителей из отчего дома! Я никогда не пойму, как мистер Уэстон согласился с ним разлучиться. Отдать собственное дитя! Правда, я никак не могу хорошо отнестись и к человеку, способному предложить родителю нечто подобное.

– Подозреваю, к Черчиллям никто никогда хорошо и не относился, – холодно заметил Джон Найтли. – Но не воображайте, пожалуйста, будто мистер Уэстон, расставаясь с сыном, чувствовал то же самое, что испытывали бы вы, отдавая в чужие руки Генри или Джона. Мистера Уэстона нельзя назвать человеком, принимающим все близко к сердцу. Он человек легкого и веселого нрава, он принимает жизнь такой, какая она есть, и, так или иначе, видит светлую сторону любого события в зависимости, как я подозреваю, от того, насколько так называемое «общество» способно его развлечь. Ему интереснее участвовать в званных обедах и ужинах, играть с соседями в вист пять дней в неделю, нежели скучать со своими близкими или предаваться домашним утехам.

Эмме не понравился такой отзыв о мистере Уэстоне, бросающий на него тень, и она хотела было возразить, но затем пожала плечами и пропустила колкость в адрес своего друга. Необходимо сохранять мир, пока возможно; привычка зятя превыше всего ценить домашний очаг стоит всяческих похвал, за одно это Джон Найтли заслуживает снисхождения. Нелюбовь же его к гостям и визитам выливается в стремление порицать общепринятую тягу людей к общению и чрезмерную важность, придаваемую отношениям вне семейного круга.

Глава 12

К обеду пригласили мистера Найтли – к тайному неудовольствию мистера Вудхауса, которому не хотелось ни с кем делить радость общения с Изабеллой в первый же день ее приезда. Однако дело решило свойственное Эмме чувство справедливости. Помимо рассуждений о том, что оба брата также имеют право рассчитывать на встречу, ее побудило послать приглашение мистеру Найтли воспоминание об их недавней размолвке.

Она надеялась, что теперь они смогут помириться. В самом деле пора положить конец ссоре. Впрочем, они ведь и не ссорились! Она, как ей казалось, обыкновенно бывала права, он же ни за что не соглашался признать свою

неправоту. Ни один из них не хотел уступить другому, однако настало время притвориться, будто они никогда и не ссорились; она надеялась, что возобновлению былой дружбы поспособствует то, что, войдя в комнату, он увидит ее с племянницей – самой младшей, прехорошенькой малышкой восьми месяцев от роду. Это был ее первый визит в Хартфилд, и малышка радостно смеялась, когда тетка кружила ее по комнате. Уловка действительно помогла, и, хотя вошел мистер Найтли с видом весьма суровым и первые его вопросы грешили краткостью и отрывистостью, скоро он забылся и заговорил со всеми в своей обычной манере и с обычной для их прежней прекрасной дружбы бесцеремонностью взял девочку из ее рук. Эмма поняла, что они снова друзья; она почувствовала огромное облегчение, а затем, в приливе веселья, видя, как он восхищается малышкой, заметила:

– До чего отрадно, что мы одинаково относимся к нашим общим племянникам и племянницам! Что касается взрослых мужчин и женщин, тут наши мнения иногда очень расходятся, но что касается этих детей, полагаю, мы никогда не повздорим.

– Если бы в оценке взрослых людей вы так же руководствовались зовом природы, как в общении с племянниками, и меньше находились бы под властью настроения и минутных прихотей в своих симпатиях и антипатиях, то мы с вами всегда придерживались бы сходного мнения.

– Значит, по-вашему, все наши разногласия происходят от того, что я не права?

– Да, – с улыбкой отвечал он, – и повод у меня весьма веский. Когда вы родились, мне было уже шестнадцать лет.

– Существенная разница в возрасте, – парировала она. – Несомненно, в ранний период моей жизни вы значительно превосходили меня во всем; но разве по прошествии двадцати одного года не стала я несколько ближе к вам по способности мыслить и выражать свои суждения?

– Да... существенно ближе!

– Но все же недостаточно близко для того, чтобы допустить возможность, что я бываю права, даже если мы расходимся в суждениях?

– Не забывайте, я все так же старше вас на шестнадцать лет – у меня больше жизненного опыта! А кроме того, я не являюсь хорошенькой молодой женщиной и испорченным ребенком. Полно, дорогая Эмма, давайте помиримся и больше не будем об этом говорить. Передай своей тетушке, маленькая Эмма, что ей следует подавать тебе лучший пример вместо того, чтобы вспоминать былые огорчения и обиды. Если даже она и не была не права прежде, то она не права сейчас.

– Вот уж верно, – воскликнула она, – совершенно верно! Малышка Эмма, становись лучше тетки! Будь бесконечно умнее и вполнину не так самонадеянна! Потерпите, мистер Найтли, мне осталось сказать всего несколько слов. Если принимать во внимание добрые намерения, то мы с вами оба – понимаете, оба – были правы! Кроме того, позвольте вам заметить, что до сих пор ни одно мое наблюдение или замечание не оказывалось ложным. Мне лишь хочется узнать, не слишком ли огорчен, не слишком ли опечален мистер Мартин?

– Хуже не бывает, – последовал его краткий и вполне недвусмысленный ответ.

– Ах! Я действительно очень сожалею... Ну же, пожмите мне руку!

Они пожали друг другу руки с большой сердечностью, после чего вошел Джон Найтли. Братья поздоровались сдержанно, как истинные англичане:

– Здравствуй, Джордж!

– Как поживаешь, Джон?

Однако их внешнее хладнокровие, почти граничащее с безразличием, скрывало истинную привязанность, ибо ради блага другого оба готовы были на все.

Вечер прошел в мирных разговорах; мистер Вудхаус отказался от карт, дабы без помех всласть наговориться со своей обожаемой Изабеллой, и маленькое общество вскоре естественным образом разделилось надвое: с одной стороны – мистер Вудхаус с дочерью, с другой – оба мистера Найтли. У членов двух кружков были настолько разные интересы, что они редко находили общую тему, а Эмме оставалось лишь сновать между ними, участвуя время от времени в их разговорах.

Братья беседовали о своих делах и заботах, но главным образом о делах и заботах старшего из них, более общительного по характеру. Он всегда и говорил больше. Будучи мировым судьей, он не упускал случая посоветоваться с Джоном по какому-либо пункту законодательства; на худой конец, он всегда мог припомнить какой-нибудь курьезный случай из своей практики. Так как он являлся хозяином фамильного поместья Донуэлл, при котором имелись обширные земельные владения, ему приходилось отчитываться о том, какой ожидается урожай на каждом поле, а также пересказывать все местные новости, которые не могли не представлять интереса для его брата, потому что в поместье прошла большая часть его жизни и он сохранил к отчому дому сильную привязанность. Необходимость сооружения водосточной канавы, починка изгороди, упавшее дерево, а также судьба каждого акра пшеницы, брюквы или яровых хлебов были Джону одинаково интересны, несмотря на внешнюю невозмутимость. Если же его словоохотливый брат изредка давал ему возможность вставить слово, в его расспросах слышалось живое участие.

Пока братья были так заняты беседой, мистер Вудхаус буквально купался в потоке счастливых сожалений и сладких опасений в разговоре с дочерью.

– Моя милая бедняжка Изабелла, – вздыхал он, нежно беря ее за руку и на некоторое время прерывая усердное шитье для кого-то из пятерых детей, – как долго, как невозможно долго тебя не было с нами! И как, должно быть, утомила тебя дорога! Дорогая моя, тебе необходимо рано лечь спать. Перед сном я рекомендовал бы тебе немного овсянки. Давай вместе съедем по мисочке каши. Эмма, милочка, полагаю, нам всем овсянка не повредит.

Эмма не разделяла батюшкиной уверенности, зная, что обоих Найтли, как и ее саму, ни за что не заставишь есть овсянку. Поэтому были поданы всего две порции каши. Еще немного пораспространявшись о пользе овсянки и поудивлявшись, почему все не едят ее каждый вечер, мистер Вудхаус продолжил с серьезным и задумчивым видом:

– Как некстати, дорогая моя, что осень ты провела в Саут-Энде, а не приехала к нам. Я никогда не разделял всеобщих восторгов по поводу целебности морского воздуха.

– Папенька, мистер Уингфилд настоятельно рекомендовал нам отправиться на море, иначе мы бы не поехали. Он рекомендовал морские купанья для всех

детей, но особенно малышке Белле, из-за ее слабого горлышка. И морской воздух, и купанья.

– Ах, милая, но вот Перри очень сомневается, что море пойдет ей на пользу. Я же давно уже твердо убежден, хотя раньше и не говорил тебе об этом, что море вообще вряд ли идет на пользу кому бы то ни было. Однажды, помню, пребывание на море чуть меня не прикончило.

– Полно, полно! – вскричала Эмма, чувствуя, что разговор становится небезопасным. – Вынуждена просить вас не упоминать о море! Иначе во мне невольно просыпаются зависть и жалость к себе – ведь я никогда не видела моря! Так что, если позволите, тема Саут-Энда у нас под запретом. Милая Изабелла, кажется, ты до сих пор не спросила ничего о мистере Перри, а он никогда не забывает тебя.

– О, добрый мистер Перри! Как он поживает, сэр?

– Вполне пристойно, вполне пристойно... но не совсем. Бедняга страдает от разлития желчи, а времени позаботиться о себе у него нет... он говорит мне, что совершенно не успевает позаботиться о себе... как это ни печально... но его помощь требуется всей округе. Полагаю, нигде больше не отыщется аптекаря с такой обширной практикой. Да и такого умницу поискать!

– А как поживает миссис Перри? А его милые детки – растут? Я просто обожаю мистера Перри! Надеюсь, он скоро зайдет к нам повидаться. Как он будет рад увидеть моих малюток!

– Надеюсь, он будет у нас завтра, потому что мне самому надо задать ему пару вопросов... Меня волнует мое здоровье. Знаешь что, милая, когда он придет, пожалуйста, попроси его посмотреть горлышко малышки Беллы.

– О, мой дорогой сэр, ее горлышко настолько окрепло, что я почти и не вспоминаю о нем! Не знаю, что послужило причиной улучшения – морские ли купанья или превосходные припарки мистера Уингфилда, которые мы ставим ей с августа.

– Маловероятно, дорогая моя, чтобы это купанья так благотворно на нее подействовали... И если бы я знал, что тебе нужны припарки, я бы непременно

поговорил с...

– Мне кажется, ты совсем забыла о миссис и мисс Бейтс, – вмешалась Эмма. – Ты ни словом о них не осведомилась!

– Ах, милые мои друзья! Как мне не стыдно! Но ты упоминаешь о них почти во всех своих письмах. Надеюсь, у них все хорошо? Добрая старушка миссис Бейтс – завтра непременно навещу ее и возьму с собой детей... Они всегда так радуются моим детям! А наша добрая мисс Бейтс! Поистине они достойнейшие люди! Как они поживают, сэр?

– Что ж, моя дорогая, неплохо, в общем неплохо. Около месяца назад бедняжка мисс Бейтс сильно простудилась.

– Какая жалость! Нынешней осенью простуды свирепствуют, как никогда. Мистер Уингфилд говорил мне, что давно не встречался с более тяжелыми и трудными случаями – с тех самых пор, как у нас была эпидемия инфлюэнцы.

– Да, дорогая, мы тоже пострадали изрядно, но не до такой степени, как вы, судя по твоим рассказам. Перри говорит, простуды всегда случаются частенько, однако в эту пору они обыкновенно протекают не так тяжело, как, к примеру, в ноябре. Теперешнее же время года Перри вовсе не считает болезнетворным.

– Да, я не слыхала от мистера Уингфилда, чтобы он называл это время года таким уж опасным, но...

– Ах! Бедное мое, дорогое дитя, правда в том, что лондонский воздух всегда тлетворен и пагубен для здоровья. В Лондоне все нездоровы, да там и невозможно быть здоровым. Какой ужас, что ты вынуждена там жить! Так далеко отсюда! И в таком нездоровом климате!

– Но, батюшка... там, где живем мы, климат несколько не тлетворен. Та часть Лондона, в которой мы живем, сильно отличается от большинства прочих городских кварталов! Дорогой сэр, прошу вас, не смешивайте наш квартал с остальным Лондоном. В окрестностях Бранзуик-сквер все совершенно иначе, чем в других частях города. У нас столько воздуха! По-моему, я бы не смогла и не захотела жить ни в каком другом районе Лондона. Вряд ли другое место подошло бы для проживания моих детей. Но у нас, смею вас уверить, дышится

легко! Мистер Уингфилд уверен, что Бранзуик-сквер и прилегающие кварталы – самый благоприятный район в городе в смысле климата.

– Ах, дорогая моя, все равно в Лондоне не то, что в Хартфилде. Согласен, ваша семья живет не в самом плохом месте, но, пробыв в Хартфилде всего неделю, вы все буквально преображаетесь! К вам возвращаются силы. А сейчас... с прискорбием вынужден отметить, что вы все выглядите не лучшим образом.

– Папенька, мне грустно слышать от вас подобные речи. Уверяю вас, лично я чувствую себя вполне сносно, если не считать легких приступов мигрени и сердцебиений, от которых я не в состоянии освободиться нигде. А если дети показались вам бледненькими перед тем, как их увели спать, то только из-за того, что они устали немного больше обычного – их утомил долгий путь, и, кроме того, они очень рады приезду к вам. Надеюсь, завтра вы найдете их более здоровыми и крепкими. Вот мистер Уингфилд был в крайнем удивлении. По его словам, он даже не предполагал, что отпускает нас из города в таком прекрасном состоянии. Ну а каково ваше мнение о том, как выглядит мой супруг? Надеюсь, про него нельзя сказать, будто у него больной вид. – С этими словами Изабелла послала мужу нежный взгляд.

– Выглядит он неважно, дорогая, мне не с чем тебя поздравить. По-моему, вид у мистера Джона Найтли далек от здорового.

– В чем дело, сэр? Вы обо мне? – воскликнул мистер Джон Найтли, слышав собственное имя.

– Мне грустно признавать, любовь моя, но батюшке кажется, будто вы неважно выглядите... впрочем, виной вашего не совсем здорового вида, скорее всего, является усталость. Однако, как вам известно, я была бы куда спокойнее, если бы вы перед отъездом из Лондона навестили мистера Уингфилда.

– Милая моя Изабелла, – пылко вскричал ее супруг, – умоляю, пусть мой внешний вид вас не тревожит! Хватит и того, что вы без конца советуется с докторами по любому поводу и кутаете и нежите детей. Мне позвольте выглядеть так, как я считаю нужным.

– Простите, – поспешно вмешалась Эмма, – я не слишком поняла, что вы говорили вашему брату. Кажется, ваш друг мистер Грэм собирается пригласить

управляющего в свое новое имение из Шотландии? Но справится ли он? Боюсь, в нас слишком сильно укоренились давние предубеждения против шотландцев...

И она так ловко перевела разговор на новую тему, что к тому времени, как вновь повернулась к отцу и сестре, Изабелла уже успокоилась и принялась задавать вопросы о Джейн Ферфакс. Несмотря на то, что Джейн Ферфакс в общем не была у Эммы в большом фаворе, в тот момент она была рада присоединить свой голос к хвалам в ее адрес.

– Какая она милочка, эта Джейн Ферфакс! – воскликнула миссис Джон Найтли. – Я так давно ее не видела, только изредка встречалась с нею в Лондоне, и то ненадолго. Как, должно быть, обрадуются ее добрая старушка бабушка и славная тетушка, когда она придет к ним погостить! Я всегда очень жалела милую Эмму, потому что Джейн Ферфакс нечастая гостья в Хайбери, но теперь, когда дочь полковника Кэмпбелла вышла замуж, у полковника и его жены, как я подозреваю, и вовсе не достанет сил расстаться с ней. Какой чудесной подругой она была бы для Эммы!

Мистер Вудхаус был совершенно согласен с дочерью, но присовокупил:

– Наш маленький друг, мисс Харриет Смит, также прелестная в своем роде молодая особа. Ты, дорогая, непременно полюбишь Харриет. Эмме трудно было бы найти себе более подходящую подругу.

– Отрадно это слышать, но, насколько мне известно, лишь Джейн Ферфакс получила отменное образование и обладает превосходными душевными качествами. К тому же они с Эммой как раз одного возраста!

Живо обсудив Джейн Ферфакс, перешли на другие, столь же мирные темы. Вечер продолжался в обстановке такой же гармонии, однако не обошлось и без нового, хотя на сей раз незначительного, повода для волнения. Подали овсянку; разговор перешел на это целебное блюдо: овсянку расхваливали на все лады и воспевали ее полезность. Пришли к выводу о безусловной необходимости овсянки для всех и каждого. Затем последовало несколько гневных филиппик в адрес некоторых домов, где не умеют правильно сварить овсянку. К большому огорчению мистера Вудхауса, его старшая дочь на собственном опыте испытала следствие недостаточного уважения к овсянке: ее личная кухарка в Саут-Энде, молодая женщина, нанятая на время, никак не могла взять в толк, что от нее

требуется, когда ее просили сварить добрую миску овсянки. Она так и не научилась варить кашу негустую, без комочков, но и не слишком жидкую. Сколько бы раз Изабелла ни изъявила желание поесть каши и ни заказала овсянку, блюдо ни разу не было сварено должным образом. Разговор все больше сползал в нежелательную сторону.

– Ах! – воскликнул мистер Вудхаус, качая головой и устремляя на Изабеллу взгляд, исполненный нежной заботы и тревоги. Эмма перевела для себя его восклицание так: «Ах! Конца не видно печальным последствиям твоей необдуманной поездки в Саут-Энд. Я просто не нахожу слов». Некоторое время она лелеяла надежду, что отец, не найдя слов, не будет продолжать и, погрузив втихомолку, снова вернется к наслаждению собственной безупречно сваренной овсянкой. Однако, поразмыслив несколько минут, мистер Вудхаус завел старую песню: – Я всегда буду жалеть о том, что ты осенью вместо приезда к нам отправилась на море.

– Но о чем тут жалеть, сэр? Уверяю вас, детям пребывание на море принесло много пользы.

– И более того, если уж тебе взбрело в голову непременно поехать на море, то надо было ехать куда угодно, только не в Саут-Энд. Саут-Энд – нездоровое место. Перри очень удивился, узнав, что вы все же остановились на Саут-Энде.

– Знаю, папенька, многие так считают, но на самом деле это заблуждение. Наше здоровье там не оставляло желать ничего лучшего, грязи не доставили нам ни малейшего неудобства. Кстати, мистер Уингфилд тоже полагает, что мнение о нездоровом климате этого места ошибочно. А я твердо знаю, что его суждениям можно доверять, ибо он хорошо разбирается в тамошнем климате. Чего далеко ходить, его собственный брат с семьей неоднократно бывал там.

– Дорогая, если уж вы собрались на море, вам следовало отправиться в Кромер. Однажды Перри провел там неделю и считает, что Кромер – лучший из морских курортов. Море там чудесное, уверяет он, а воздух чистейший. Из его рассказов я уяснил, что там без труда можно снять дом не на самом берегу, а примерно в четверти мили от моря – это очень удобно. Тебе надо было посоветоваться с Перри.

– Но, дорогой батюшка, ехать туда значительно дальше! Вы только представьте: путешествие длиною около ста миль вместо сорока.

– Ах, душенька, как говорит Перри, когда на кону здоровье, ничто другое не должно приниматься в расчет: и если уж собрался путешествовать, то какая разница, сколько проехать – сорок миль или сто. Конечно, лучше вообще не двигаться с места, лучше оставаться в Лондоне, чем ехать за сорок миль в место с еще худшим климатом. Вот точные слова Перри. Ему ваша поездка показалась весьма необдуманной.

Эмма напрасно пыталась остановить отца – мистер Вудхаус сел на своего любимого конька. Она ничуть не удивилась, когда в разговор вступил мистер Джон Найтли.

– Мистер Перри, – вмешался он раздраженным тоном, – лучше бы держал свое мнение при себе, пока его не спрашивают. Чего ради он лезет поучать меня? К чему мне его советы? Мне лучше знать, на какой курорт выезжать с семьей. Неужели он считает, будто я не в состоянии позаботиться о своих близких? У меня своя голова на плечах есть. Я не нуждаюсь ни в его указаниях, ни в его лекарствах! – Он обиженно замолчал, а чуть позже, несколько остыв, ехидно продолжил: – Если мистер Перри может указать мне, как с удобством отвезти жену и пятерых детей за сто тридцать миль при тех же расходах, что и в поездке на сорок миль, я охотно предпочту, подобно ему, Кромер Саут-Энду.

– Верно, верно! – с готовностью поддержал брата мистер Найтли. – Ты, Джон, как всегда, зришь в корень. Но вернемся к моим планам. Как тебе известно, я собираюсь продлить дорогу до Лангэма, сдвинув ее вправо, чтобы она не проходила через наши пастбища. Я не предвижу здесь никаких затруднений. Если бы мои планы угрожали удобству жителей Хайбери, я бы и не брался за дело, но вспомни, как дорога проходит сейчас... Однако ты лучше все себе представишь, если мы посмотрим на карту. Надеюсь завтра утром видеть тебя в аббатстве, тогда мы вместе изучим карты и ты сможешь высказать свое мнение.

Мистера Вудхауса изрядно взволновал такой резкий отзыв о его друге Перри, которому он хоть и бессознательно, но определенно приписывал многие собственные чувства и мысли. Однако нежное внимание и забота дочерей постепенно загладили неловкость, а готовность одного брата немедленно затушить тлеющий пожар и стремление второго брата держать себя в руках предотвратили новые вспышки.

Глава 13

Трудно было найти женщину счастливее миссис Джон Найтли во время ее краткого пребывания в Хартфилде. Каждое утро она, взяв всех пятерых детей, обходила старых знакомых и каждый вечер подробно обсуждала все увиденное и услышанное с отцом и сестрой. Единственным ее желанием было замедлить бег времени. Она испытывала совершенное блаженство, только слишком уж кратким было ее пребывание под кровом отчего дома.

Обычно друзьям в Хартфилде посвящали утренние, а не вечерние часы; однако приглашения на один званый, а именно рождественский, ужин избежать было невозможно. Мистер Уэстон не принял бы никаких возражений; они все непременно должны приехать к нему в Рэндаллс. Даже мистеру Вудхаусу пришлось примириться с неизбежным и отправиться в гости вместе со всеми, иначе ему предстояло бы разлучиться с любимыми дочерьми, зятем и внуками.

Будь на то его воля, он всемерно усложнил бы всем поездку, однако поскольку карета и лошади зятя и дочери находились в Хартфилде, то он ограничился легким беспокойством по поводу того, как они все разместятся и покойно ли доедут; Эмме не составило большого труда убедить батюшку в том, что в одной из карет места, скорее всего, хватит и для Харриет.

Кроме них, на ужин пригласили лишь Харриет, мистера Элтона и мистера Найтли – ведь Рождество встречают в самом тесном, можно сказать, семейном кругу. Вудхаусы собирались заехать за остальными гостями по пути. Число приглашенных было небольшим еще и потому, что хотели потрафить привычкам и вкусам мистера Вудхауса.

Вечер накануне славного события (ибо то, что мистер Вудхаус собирался 24 декабря ужинать вне дома, было поистине великим событием) Харриет провела в Хартфилде и домой ушла такая простуженная, что, если бы не ее пламенные уверения, что миссис Годдард позаботится о ней наилучшим образом, Эмма ни за что не позволила бы ей покинуть свой дом. На следующий день Эмма навестила подругу: оказалось, что о визите Харриет в Рэндаллс не может быть и речи. Бедняжку лихорадило, и у нее сильно болело горло. Миссис Годдард

суежилась и хлопотала вокруг нее и уже готова была позвать мистера Перри, а самой Харриет была так тяжело, что она скрепя сердце вынуждена была отказаться от долгожданного званого ужина, хотя при воспоминании о том, чего она из-за болезни лишается, слезы так и брызнули у нее из глаз.

Эмма просидела у постели больной как можно дольше, дабы заменить отсутствующую миссис Годдард – той волей-неволей время от времени необходимо было отлучаться. Она пыталась развеселить Харриет, строя догадки, как будет огорчен мистер Элтон, когда узнает о ее состоянии; когда Эмма уходила, настроение Харриет несколько улучшилось от мыслей о том, как неприятно будет мистеру Элтону в гостях без нее и как все будут без нее скучать. Не успела Эмма отойти нескольких шагов от порога миссис Годдард, как столкнулась с самим мистером Элтоном, который, очевидно, направлялся туда. Они медленно пошли рядом, занятые разговором о судьбе несчастной больной, о ком он, услышав печальные вести, спешил осведомиться, дабы передать новости о ее состоянии в Хартфилд. По пути их догнал мистер Джон Найтли, он возвращался из ежедневной поездки в Донуэлл вместе с двумя старшими сыновьями, чьи здоровые, румяные, сияющие личики доказывали всю пользу беготни на свежем деревенском воздухе. Эмма не сомневалась: мальчики быстро расправятся и с жареным барашком, и с рисовым пудингом, к которым они поспешали домой. Дальше вся компания шла вместе. Эмма во всех подробностях живописала бедственное состояние своей подруги: красное, воспаленное горло, сильный жар, пульс частый и слабый и так далее, и она с прискорбием узнала от миссис Годдард, что у Харриет, оказывается, вообще слабое горло и она неоднократно пугала добрую женщину частыми простудами. Внезапно мистер Элтон встревожился и воскликнул:

– Слабое горло! Уж не ангина ли у нее? Ангина заразна! Нет ли у нее в горле гнойных пробок? Перри уже осмотрел ее? Вам нужно серьезнее заботиться о себе – так же, как вы заботитесь о вашем друге. Я вынужден умолять вас не подвергать себя опасности. Почему Перри не осмотрел ее?

Эмма, которая в действительности несколько за себя не боялась, принялась его успокаивать и уверять, что миссис Годдард чрезвычайно опытная и заботливая сиделка. Но поскольку ей больше хотелось не развеивать его тревогу, а скорее подкармливать ее, то вскоре она прибавила, словно бы невзначай:

– Ах, как холодно – холод просто ужасный! Похоже, скоро пойдет снег. Если бы нас пригласили в другое место, я приложила бы все усилия, чтобы остаться

дома, и отговорила бы батюшку рисковать. Конечно, раз уж он решился и, кажется, у него самого нет признаков простуды, я не желаю вмешиваться, дабы не огорчать мистера и миссис Уэстон. А вот будь я на вашем месте, мистер Элтон, я бы точно отказалась от приглашения. Мне кажется, вы уже немного охрипли, вдобавок именно завтра вам потребуется ваш голос и все ваши силы... словом, если вы сегодня останетесь дома и как следует позаботитесь о себе, все расценят ваше поведение как верх благоразумия и осмотрительности.

Мистер Элтон, казалось, не знал, что и ответить на такое неожиданное предложение; так оно в действительности и было. Несмотря на то, что он был польщен доброй заботой прекрасной дамы и не склонен был отвергать ни один из данных ею советов, он совершенно не собирался отказываться от званого ужина. Однако Эмма, всецело поглощенная собственными представлениями и взглядами, не могла смотреть на него и слушать его непредвзято; ее вполне удовлетворило его невнятное бормотание: «сейчас очень холодно, в самом деле очень холодно», и она продолжала путь, радуясь, что вывела его из затруднительного положения – подсказала, как избавиться от визита в Рэндаллс, и уверила в том, что он может каждый час осведомляться о здоровье Харриет.

– Вы поступаете правильно, – сказала она, – мы передадим ваши извинения мистеру и миссис Уэстон.

Но не успела она выговорить эти слова, как обнаружила, что ее брат уже вежливо предлагает мистеру Элтону место в своей карете: «если погода является единственным препятствием его участия в ужине», а мистер Элтон с большим облегчением и учтивой благодарностью принимает его предложение. Дело было решено: мистер Элтон отправлялся в гости. Никогда еще его полное, красивое лицо не лучилось таким довольством, как в тот миг, никогда не улыбался он шире и глаза его так не сияли, как в следующее мгновение, когда он взглянул на нее.

«Однако, – сказала она себе, – это странно! После того как я так хитро подсказала ему, как можно отказаться от визита, он все же выбрал званый ужин и бросит больную Харриет одну! Действительно, более чем странно! Но вероятно, таково большинство мужчин, особенно неженатых. Их пристрастие к званым обедам и ужинам общеизвестно: нет для них большего удовольствия, нежели пойти в гости. Званый ужин они почитают почти что своей обязанностью и ради возможности побывать в обществе готовы пожертвовать всем – или почти

всем. Именно так и обстоит дело с мистером Элтоном. Несомненно, он самый достойный, самый милый и любезный молодой человек и страстно влюблен в Харриет, но все же он не может противиться приглашению и всякий раз, как его зовут в гости, охотно обедает и ужинает вне дома. Какая странная вещь любовь! Он разглядел в Харриет живой ум, но не готов ради нее обедать в одиночестве».

Вскоре после этого мистер Элтон их покинул, и Эмма не могла не воздать ему должное, так как ей показалось, что, прощаясь, он с большим чувством упомянул имя Харриет; о его чувствах свидетельствовал и тон: он взволнованно уверил ее, что будет справляться у миссис Годдард о здоровье ее прелестной подруги и прежде, чем будет иметь счастье увидеться с нею вновь, надеется принести ей утешительные вести; под конец он вздохнул и улыбнулся, и чаша весов вновь склонилась в его пользу.

Следующие несколько секунд они прошли в молчании, потом Джон Найтли заметил:

– Никогда в жизни не встречал я человека, который так стремится понравиться, как мистер Элтон. Он из сил выбивается, когда разговаривает с дамами. С мужчинами он может держаться просто и искренне, но, когда ему приходится занимать дам, он просто из кожи вон лезет.

– Манеры мистера Элтона нельзя назвать совершенными, – отвечала Эмма, – но желание угодить вполне простительно, и за это многое прощается. Когда человек, обладающий всего лишь скромными достоинствами, изо всех сил старается быть приятным для окружающих, он получает преимущество перед человеком совершенным, но равнодушным. Невозможно не ценить превосходный характер и доброжелательность Элтона.

– Да, – согласился мистер Джон Найтли, на сей раз не без лукавства, – кажется, по отношению к вам он действительно чрезвычайно доброжелательно настроен!

– Ко мне? – Эмма искренне удивилась. – Неужели вы воображаете, будто мистер Элтон питает ко мне нежные чувства?

– Признаю, Эмма, эта мысль действительно закралась ко мне в голову. И если вам такое предположение в голову не приходило, можете с успехом поразмыслить об этом сейчас.

– Мистер Элтон влюблен в меня! Что за ерунда!

– Я не говорю, что он влюблен, однако вам пойдет на пользу поразмыслить на досуге, так это или нет, и соответственно изменить свое поведение. Я считаю, что своими манерами вы поощряете его. Я говорю как друг, Эмма. Подумайте хорошенько, и ваши действия и дальнейшие планы прояснятся.

– Спасибо за совет, но уверяю вас, вы заблуждаетесь. Мы с мистером Элтоном всего лишь добрые друзья, и ничего более! – И она продолжала идти, посмеиваясь про себя. Вот как глубоко можно заблуждаться, если не знать всех обстоятельств дела, и вот какие ошибки совершают люди, полагающие, будто имеют право судить обо всем на свете; она была раздосадована поведением зятя, который счел ее слепой и невежественной и, кроме того, решил, будто она нуждается в чьих-либо советах. Однако остаток пути он прошел молча.

Мистер Вудхаус совершенно решился ехать в гости. Несмотря на то, что мороз крепчал, ему, казалось, и в голову не приходило отступить от своего замысла. Он выехал в путь, когда и собирался, минута в минуту; отправился в собственной карете вместе со старшей дочерью, причем погода волновала его даже меньше, чем остальных; слишком преисполнен он был волнения по поводу того, что раз в кои-то веки едет в гости. Предвкушение радостной встречи с друзьями в Рэндаллсе затмило для него все невзгоды, и он не замечал, как похолодало на улице; поскольку закутан он был сверх меры, он не ощущал холода. А тем временем мороз крепчал; когда со двора выехала вторая карета, пошел снег, небо нахмурилось так, что в случае небольшого потепления снег грозил моментально завалить всю округу.

Вскоре Эмма поняла, что ее спутник пребывает не в лучшем настроении. Приготовления и поездка в гости в такую погоду, вынужденная необходимость пожертвовать послеобеденными играми с детьми были в его глазах злом, с которым он ни в малейшей степени не желал мириться. Мистеру Джону Найтли поездка была не по душе, как ни гляди: он не понимал, ради чего вообще стоит ездить в гости, и не предвидел там ничего хорошего. В продолжение всего пути к дому викария он без устали высказывал ей свое неудовольствие.

– Надобно быть о себе крайне высокого мнения, – ворчал он, – чтобы просить ближних своих покинуть родной очаг и выехать на мороз в такой день, как этот, ради удовольствия навестить его. Должно быть, Уэстон считает себя душой

общества, я на такое не способен. Это величайшая нелепица – посмотрите, уже пошел снег! Что за эгоизм не позволять людям с удобством сидеть дома и что за безумие соглашаться покинуть тепло и уют родного очага! Если бы дело или долг призвали нас в такой день выехать из дому, мы сочли бы это тяжелой повинностью; но вот мы едем, одетые легче обычного, и зачем? Никакого достаточного повода у нас нет! Мы поступаем против зова природы, которая велит человеку разумному и трезвомыслящему и самому сидеть дома, и не выпускать из-под теплого крова родных и близких. Зачем мы едем? Только ради того, чтобы проскучать в чужом доме пять часов кряду. Не узнаем и не услышим ничего, о чем не знали и не слышали бы раньше и снова не узнаем и не услышим завтра. Выехали мы в плохую погоду, а когда станем возвращаться, наверное, она станет вовсе прескверной! Четыре лошади и четверо слуг вырваны из дому только ради того, чтобы доставить в гости пять праздных, дрожащих от холода созданий – привезти их в холодное помещение и худшую компанию, чем могла быть у них дома.

Эмма была не в настроении поддакивать, к чему ее собеседник, вне сомнения, привык; у нее не было ни малейшего желания восторженно лепетать: «Как вы правы, любовь моя!» – как обычно говорила ему в таких случаях его нежная супруга, однако ей достало мудрости вовсе удерживаться от ответа. Согласиться с ним она не могла, а ссориться ей не хотелось – ее героизма хватило лишь на молчание. Она позволила ему разглагольствовать, а сама, не открывая рта, поправила лорнет и плотнее завернулась в плед.

Карета повернула к дому викария. Остановилась, спустили подножку, и мистер Элтон, щеголеватый, весь в черном, улыбающийся, немедленно присоединился к ним. Эмма не без удовольствия подумала о том, что больше ей не придется слушать брюзжания зятя. Мистер Элтон был сверх обычного любезен и оживлен, он настолько радовался предстоящему визиту, что Эмма решила: должно быть, он получил обнадеживающие сведения о Харриет, отличающиеся от тех, которые узнала она. Пока Эмма одевалась, она посылала справиться о здоровье подруги и получила ответ: «Состояние то же, ей не лучше».

– Мне миссис Годдард передала, – она выделила слово «мне», – что положение больной не настолько благоприятно, как я надеялась: мне ответили, что ей не лучше.

Его лицо немедленно вытянулось, и, когда он заговорил, голос его дрожал от волнения:

– Ах, не может быть! Я ужасно огорчен... я как раз собирался рассказать вам... когда я позвонил у двери миссис Годдард (я заходил к ней перед тем, как пошел домой переодеваться), мне сообщили, что мисс Смит не лучше, совсем не лучше, а скорее хуже. Я очень опечален и расстроен, я утешал себя надеждой, что после такой сердечной заботы, которую она получила утром, ей неминуемо станет лучше. Эмма улыбнулась:

– Мое посещение, как я думаю, принесло пользу ее нервам, но даже и мне не под силу прогнать ангину – это очень суровое заболевание. Вы, наверное, слышали, что к ней приглашали мистера Перри?

– Д-да... кажется... то есть... нет, не слышал...

– Он не первый раз лечит ее горло, и я надеюсь, завтра утром мы оба получим более обнадеживающие сведения. Но невозможно не чувствовать за нее беспокойства. Какая печальная потеря для нашего сегодняшнего общества!

– Ужасная! Именно так, ужасная. Нам будет каждый миг недоставать ее.

Весьма уместное замечание; вздох, сопровождавший его слова, был поистине замечателен. Однако, по мнению Эммы, он мог бы предаваться грусти и подольше. Она чуть не испугалась, когда всего полминуты спустя он заговорил о другом, причем в голосе его зазвенели радостные нотки.

– Какое чудесное средство – овечья полость в карете! – заметил он. – Как благодаря ей удобно путешествовать. С подобными предосторожностями замерзнуть невозможно. Право, благодаря современным достижениям джентльмен может путешествовать в карете со всеми удобствами. Вас настолько ограждают и охраняют от превратностей погоды, что ни единое дуновение ветерка не проникает внутрь, если пассажир того не желает. Погода становится совершенно незначительным фактором. Сегодня, например, после полудня очень холодно, но в этой карете нам и дела нет до погоды. Ха! Вижу, пошел снежок...

– Да, – сказал Джон Найтли, – и думается мне, снегу нам сегодня достанется изрядно.

– Так ведь на дворе Рождество, – бодро возразил мистер Элтон. – Вот и снег идет, наше счастье, что снегопад не начался вчера, иначе мы не смогли бы поехать в гости сегодня, а это вполне вероятная вещь, ведь, если бы дорогу занесло, вряд ли мистер Вудхаус отважился бы отправиться в путь. Однако теперь нам никакой снег не страшен. Рождество – прекрасная пора для дружеских встреч. На Рождество все приглашают к себе друзей, и никому нет дела до капризов погоды. Однажды из-за сильного снегопада я задержался в доме у друга на целую неделю. Ничто не могло быть приятней! Я поехал к нему всего на одну ночь, но не мог уехать обратно ровно семь дней!

Вид мистера Джона Найтли явственно свидетельствовал о том, что такого рода удовольствия ему чужды. Вслух же он сухо заметил:

– Не хотел бы я из-за снегопада на неделю застрять в Рэндаллсе.

В другое время Эмму позабавил бы разговор, но теперь она была слишком изумлена способностью мистера Элтона испытывать радость. Казалось, предвкушение приятного вечера в гостях начисто вытеснило бедняжку Харриет из его памяти.

– Несомненно, нас ждет пылающий камин, – продолжал он, – и всевозможные радости и развлечения. Мистер и миссис Уэстон – очаровательные люди. Миссис Уэстон, безусловно, заслуживает всяческих похвал, а он вполне ее достоин – такой гостеприимный, такой общительный! Гостей будет мало, но, когда приглашают избранных, близких друзей, оно и к лучшему. В гостиной мистера Уэстона с удобством разместятся не больше десяти человек; а что касается меня, то я при данных обстоятельствах склонен предпочесть, чтобы из этого количества двух человек не доставало, чем было бы на два человека больше. Думаю, вы согласитесь со мной, – заявил он, сладко улыбаясь Эмме, – я надеюсь, вы одобряете мои слова. Хотя мистер Найтли, живя в Лондоне, наверное, привык к более многолюдным собраниям и не разделяет наших чувств.

– Я и понятия не имею о лондонских многолюдных собраниях, сэр, – я никогда не обедаю вне дома.

– Неужели! – В голосе мистера Элтона зазвучали удивление и жалость. – Я и не представлял себе, что занятия юриспруденцией настолько затягивают, что становятся непосильным бременем. Что ж, сэр, поверьте мне: время, когда вам

воздастся за все ваши страдания, уже не за горами – вас ждет меньше трудов и больше удовольствий.

– Я почти за главное удовольствие, – ответил Джон Найтли, когда они уже въезжали в ворота, – снова в целости и сохранности оказаться в Хартфилде.

Глава 14

Каждому из джентльменов при входе в гостиную миссис Уэстон было необходимо несколько изменить выражение лица: мистеру Элтону следовало немного умерить радость, а мистеру Джону Найтли – смягчить брюзгливое выражение. Дабы соответствовать обстановке, мистеру Элтону следовало улыбаться меньше, а мистеру Джону Найтли – больше. Одна лишь Эмма могла оставаться такою, как была, как ей подсказывала ее природа, ибо она и так испытывала большую радость от встречи с друзьями. Для нее визит к Уэстонам был истинным наслаждением. Ей очень нравился мистер Уэстон, а что касается его жены, то не было на свете другого человека, с кем она могла бы беседовать столь открыто, кому могла бы поверять все свои мысли. Она была уверена: ни с кем из своих знакомых нельзя ей говорить с полным убеждением, что ее выслушают и поймут. Кто, как не миссис Уэстон, лучше других поймет ее слова, поступки, планы, затруднения и маленькие радости? Все происходящее в Хартфилде вызывало живейший интерес у миссис Уэстон; и обе бывали по-настоящему счастливы, если им удавалось полчаса кряду потолковать обо всех этих незначительных предметах, составляющих ежедневную радость частной жизни.

Это было удовольствие, которое они чаще всего не могли себе позволить во время обычных, ежедневных визитов, и уж конечно, вряд ли они успели бы обменяться новостями в сегодняшние полчаса; однако один вид миссис Уэстон, ее улыбка, прикосновение, голос настолько благотворно повлияли на Эмму, что она решила на время забыть о странном поведении мистера Элтона и о других малоприятных вещах и наслаждаться всем, что только может порадовать ее.

Несчастье Харриет, которая ухитрилась простудиться, уже успели обсудить во всех подробностях еще до приезда Эммы. Мистер Вудхаус, которого покойно усадили в кресло, успел поведать печальную историю во всех подробностях, а

кроме того, не упуская ни одной мелочи, он рассказал о том, как они с Изабеллой перенесли дорогу, и о том, что Эмма едет следом и что он преисполнен удовольствия оттого, что Джеймс также может, благодаря их визиту, повидаться с дочерью. В это время появились остальные гости, и миссис Уэстон, которая была почти всецело занята заботой о мистере Вудхаусе, смогла наконец приветить свою милую Эмму.

Так как Эмма планировала на некоторое время выбросить из головы мистера Элтона, она несколько огорчилась, обнаружив, что за столом он оказался ее соседом. Переносить его странную бесчувственность по отношению к Харриет было тем тяжелее, что он не только сидел рядом с ней, но и постоянно раздражал ее своим счастливым видом и без конца обращался к ней по любому поводу. Таким образом, Эмме не только невозможно было забыть о нем, но невольно думалось: «Неужели мой брат прав? Может ли это быть? Неужели возможно, чтобы этот человек переключил свое внимание с Харриет на меня? Бессмысленно и невыносимо!» И тем не менее он так назойливо справлялся, не холодно ли ей, с таким вниманием выслушивал ее отца и так восхищался миссис Уэстон! Наконец он начал так горячо и бездумно превозносить ее рисунки, что стал ужасно походить на пылкого влюбленного, и Эмме стоило большого труда сдержаться и не нагрубить ему. Ради нее самой грубить ему нельзя, а ради Харриет, в надежде, что все еще может обернуться хорошо, она старалась даже быть с ним вежливой. Однако для нее ужин стал испытанием, особенно потому, что болтовня мистера Элтона мешала ей участвовать в общем разговоре, который представлял для нее интерес. Из-за ерунды, которую нес мистер Элтон, ей удалось расслышать лишь обрывки фраз, однако она поняла, что мистер Уэстон получил какие-то сведения о своем сыне: до нее то и дело доносилось: «Мой сын» и «Фрэнк». Из того, что она расслышала, она сделала вывод, что мистер Уэстон извещает гостей о скором приезде сына, но прежде, чем ей удалось призвать мистера Элтона к молчанию, тема была уже обсуждена во всех подробностях, так что задавать наводящие вопросы было уже неудобно.

Так случилось, что, несмотря на решимость Эммы никогда не выходить замуж, было что-то в самом имени, в самой мысли о Фрэнке Черчилле, что неизменно вызывало ее интерес. Она часто думала – особенно с тех пор, как его отец женился на мисс Тейлор, – что уж если ей придется выйти замуж, то Фрэнк Черчилль как раз подходит ей и по возрасту, и по характеру, и по положению. Благодаря же новой связи между их семьями этот союз становился все более желанным. Эмма не могла не предположить, что все, кто их знает, должны считать Фрэнка самой подходящей для нее партией. То, что мистер и миссис Уэстон так считали, было несомненно; и хотя она вовсе не собиралась позволить

ни ему, ни кому-либо другому изменить свою жизнь, и без того наполненную и насыщенную всем, чем только можно желать, ей было чрезвычайно любопытно познакомиться с ним, она заранее готова была признать его человеком славным, ей хотелось бы понравиться ему – до определенной степени, – и она находила своего рода удовольствие в самой мысли о том, что друзья в своем воображении уже поженили их.

Любезности, неустанно расточаемые мистером Элтоном, ужасно мешали ей предаваться сладким мечтам, однако она, к счастью, умела притворяться вежливой, хотя на самом деле была очень раздосадована. Она надеялась, что в ходе вечера простодушный мистер Уэстон не сумеет удержаться хотя бы от еще одного упоминания о приезде сына. Так оно и получилось; наконец ей удалось под каким-то предлогом отделаться от мистера Элтона. За ужином она оказалась, к счастью, соседкой мистера Уэстона. Он воспользовался первым же перерывом в своих обязанностях гостеприимного хозяина дома. Закончив распределять между гостями седло барашка, он заявил:

– Нам не хватает всего двоих до нужного числа. Мне бы хотелось видеть здесь еще двух человек: вашу прелестную маленькую подругу, мисс Смит, и моего сына. Тогда я мог бы с чистой совестью заявить, что все в сборе. Кажется, вы не слышали, когда в гостиной я рассказывал остальным, что мы ожидаем приезда Фрэнка? Сегодня утром я получил от него письмо – через две недели он будет у нас.

Эмма постаралась умерить свою радость и подтвердила: да, за столом действительно недостает мистера Фрэнка Черчилля и мисс Смит.

– Он стремится приехать, – продолжал мистер Уэстон, – с самого сентября: все его письма полны уверений в том, как хочет он вырваться к нам. Однако он не властен над собственным временем. Он вынужден угождать своим благодетелям, которые (между нами) бывают довольны лишь в том случае, если ради них идут на жертвы. Но сейчас у меня почти нет сомнений в том, что примерно на второй неделе января мы увидим его здесь.

– Какую огромную радость доставит вам встреча с сыном! И миссис Уэстон так не терпит познакомиться с ним. Она, наверное, счастлива не меньше вашего?

– Совершенно верно, однако она полагает, что его снова задержат. Она не так, как я, верит в то, что ему позволят приехать, но она незнакома, подобно мне, со всеми действующими лицами. Видите ли, дело в том, что... но это строго между нами... в гостиной я ни словом об этом не заикнулся. Вы же знаете, в каждой семье есть свои тайны... Так вот, дело в том, что в январе в Энскуме ждут гостей, и Фрэнк сумеет выбраться к нам, только если гости отложат свой визит. Если гости приедут, его к нам не отпустят. Но я знаю, что они не приедут, потому что это семья, к которой известная дама, пользующаяся определенным влиянием в Энскуме, питает особенное нерасположение. И хотя долг вежливости повелевает приглашать их один раз в два или три года, всякий раз, когда доходит до дела, визит отменяют. Я нимало не сомневаюсь в том, что так произойдет и в этом случае. Я также убежден в том, что увижу Фрэнка здесь еще до середины января, как и в том, что сам здесь нахожусь. Однако ваша старая приятельница (кивок в сторону противоположного конца стола) настолько сама не капризна и настолько не привыкла к причудам, капризам и выходкам в Хартфилде, что и не знает, сколь причудливы могут быть прихоти известной особы, как знаю я исходя из долгого опыта.

– Жаль, что в данном случае не обошлось без сомнений, – отвечала Эмма. – Однако я склонна принять вашу сторону, мистер Уэстон: если вы полагаете, что он приедет, я тоже склонна так считать. Ибо вы знаете Энскум и его обитателей.

– Да, и у меня для такого предположения достаточно оснований, хотя я ни разу в жизни там не был. Ну и странная же она женщина, доложу я вам! Но я никогда не позволяю себе осуждать ее – из-за ее заботы о Фрэнке. Видите ли, я твердо верю в то, что она очень его любит. Раньше я думал, что она вообще неспособна кого-либо любить, кроме себя, однако она всегда была добра к нему (на свой лад – с причудами и вывертами; она требует, чтобы все поступали только так, как угодно ей). И по моему мнению, то, что Фрэнку удалось вызвать в ней такую любовь к себе, говорит в его пользу; ибо, хотя я бы никому другому не признался в том, обыкновенно люди говорят, будто сердце у нее каменное, а характер дьявольский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», акт 1, сцена 1.

2

Михайлов день – 29 сентября; в Англии и Уэльсе один из квартальных дней, то есть день квартальных платежей: срок внесения аренды, уплаты процентов и т. д.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzheyne-osten/emma-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)